

Джон Гришэм

Камера

Этот секрет может спасти заключенного —
или стоять жизни его адвокату...

Гришэм: лучшее

Джон Гришэм
Камера

«Издательство АСТ»

1994

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гришэм Д.

Камера / Д. Гришэм — «Издательство АСТ», 1994 — (Гришэм: лучшее)

ISBN 978-5-17-160745-6

Больше двадцати лет Сэм Кэйхолл ждет казни за совершенное им когда-то жестокое преступление. Скоро приговор должны привести в исполнение. И тогда в отчаянную борьбу за жизнь Сэма неожиданно включается его внук, молодой адвокат из Чикаго Адам Холл. Еще осталось время — дни, часы, минуты, — чтобы добиться отмены приговора. Но «особые люди» уже занялись подготовкой газовой камеры, у стен тюрьмы уже митингуют противники смертной казни, а телевизионщики растянули провода и установили камеры в надежде на сенсационные репортажи. Сумеет ли Адам помочь человеку, разрушившему не только чужую жизнь, но и жизнь собственной семьи? Сможет ли он найти общий язык с дедом — ведь между ними не только нагромождения лжи, но и постыдные семейные тайны? И главное — сумеет ли начинающий адвокат раскрыть главный секрет Сэма? Как далеко он готов пойти ради этого? Ведь, спасая деда, он может поставить под угрозу собственную жизнь...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-160745-6

© Гришэм Д., 1994

© Издательство АСТ, 1994

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	43
Глава 8	51
Глава 9	57
Глава 10	66
Глава 11	74
Глава 12	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Джон Гришэм

Камера

Серия «Гришэм: лучшее»

John Grisham

THE CHAMBER

Перевод с английского Ю. Г. Кирьяка

Серийное оформление и компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения литературных агентств The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

© John Grisham, 1994

© Перевод. Ю. Г. Кирьяк, наследники, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

От автора

Адвокатская практика часто сводила меня с людьми, обвинявшимися в самых различных преступлениях. К счастью, мне ни разу не пришлось иметь дело с клиентом, которого ждала смертная казнь. Я не бывал в камере смертника, не делал того, чем занимаются юристы на страницах этой книги.

Работа в архивах вызывает во мне отвращение, поэтому я поступил так, как всегда, начиная новый роман. Я завел знакомства среди грамотных адвокатов, со многими подружился, бесцеремонно звонил им в предутренние часы, выслушивая проклятия, и задавал вопросы. Искренне благодарю их за бесконечное терпение!

Леонард Винсент долгие годы работал прокурором департамента исполнения наказаний штата Миссисипи. Он распахнул передо мной двери своего кабинета, растолковывал мне тонкости судебных дел, показывал, где осужденный на казнь проводит последние часы, водил по обширной территории пенитенциарного конгломерата, более известного как просто Парчман. Я услышал множество историй о тех, кто становился его обитателями. Подобно мне, Леонарда до сих пор мучают сомнения относительно необходимости смертной казни, – думаю, от них нам уже не избавиться. Считаю своим долгом поблагодарить сотрудников его департамента и персонала Парчмана.

Выражаю признательность Джиму Крейгу, человеку широкой души и блестящему юристу. Будучи исполнительным директором центра защиты подсудимых в Миссисипи, он представляет интересы едва ли не всех приговоренных к высшей мере. Именно с его помощью я ориентировался в невообразимой мешанине апелляций, протоколов и заключений судебных экспертов. Допущенные в книге неточности и ошибки лежат исключительно на моей – не его! – совести.

Благодарю также своих однокашников Тома Фриленда и Гая Гиллеспи – за оказанное ими неоценимое содействие. Рукопись романа внимательно вычитал Марк Смирнофф, мой друг и издатель журнала «Оксфорд американ». В работе над книгой огромную помощь оказали мне Роберт Уоррен и Уильям Баллард. Отдельно хочу упомянуть старого друга Рени, чье бдительное око придирчиво изучало главу за главой.

Глава 1

Решение поднять на воздух офис популярного адвоката пришло как бы само собой. В план действий были посвящены всего трое: толстосум, на чьи деньги осуществлялась операция, хорошо знавший окрестности местный житель и молодой патриот, который мастерски управлялся со взрывчаткой и обладал удивительным даром исчезать, не оставляя после себя ни единого следа.

Покинув после осуществления замысла страну, он провел шесть лет в Северной Ирландии.

Адвокат Марвин Крамер принадлежал к четвертому поколению семейства миссисипских евреев, известных в Дельте¹ своей удачливостью торговцев. Жил он в довоенной постройки доме в Гринвилле, прибрежном городке с небольшой, но дружной еврейской общиной. О вспышках расовой неприязни обитатели городка знали лишь понаслышке. В юристы Крамер подался потому, что занятия коммерцией его не прельщали. Как и большинство прибывших из Германии евреев, семья легко освоилась с традициями и культурой южных штатов и давно уже привыкла считать себя типичными южанами, которые всего лишь возносят иные молитвы единому для всех Богу. Особых выходок антисемиты себе почти не позволяли. Жизнь протекала безмятежно, Крамеры наносили чинные визиты соседям и успешно развивали свой бизнес.

Марвин выделялся из их круга. В конце пятидесятых годов отец отправил его на север, в Брэндис. Проведя там четыре года, юноша поступил на юридический факультет Колумбийского университета, и когда тремя годами позже, в 1964-м, он вернулся домой, штат Миссисипи уже представлял собой главную арену борьбы за гражданские права. Марвина потянуло в гущу событий. Менее чем через месяц после открытия скромной адвокатской конторы ее владельца, молодого юриста, арестовали вместе с двумя однокашниками за попытку регистрации чернокожих избирателей. Крамер-старший пришел в ярость. Семья чувствовала себя скомпрометированной, но Марвина это нисколько не взволновало. Получив в двадцатипятилетнем возрасте первую угрозу для жизни, он просто начал носить под плечом пистолет. Купил маленькую «беретту» жене, уроженке Мемфиса, а прислуживавшей по дому негритянке рекомендовал постоянно держать под рукой точно такую же. К тому времени его близняшкам-сыновьям исполнилось два года.

Первый иск о защите гражданских прав адвокатская контора «Марвин Крамер и др.» (никаких «других» в ней тогда еще не было) предъявила местным чиновникам по вопросу расовой дискриминации в избирательной практике. Эту новость сообщили жителям кричащие заголовки газет всего штата, и люди с интересом всматривались в помещенный на первых полосах крупный портрет возмутителя спокойствия. Ку-клукс-клан внес имя Марвина в списки подлежащих устранению инородцев. Полюбуйтесь-ка на этого мягкосердечного бородатого иудея! Выучился у соплеменников на севере и приехал к нам защищать черномазых! Терпеть такое? Ну уж нет!

Позже по городку поползли слухи о том, что Крамер внес залог, по которому из тюрьмы были освобождены некоторые наиболее ретивые смутьяны. Его контора возбуждала дела против руководства заведений, принимавших на работу представителей исключительно белой расы. Он финансировал восстановление взорванной расистами негритянской церкви, открыто принимал черномазых у себя дома! Он разъезжал по северным штатам, агитируя евреев активнее включаться в борьбу, писал слезливые письма в газеты, и кое-кто отваживался их печатать. Да, адвокат Марвин Крамер упрямо шел навстречу своей участи.

---

¹ Имеется в виду дельта р. Миссисипи. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Разгром его дома предупредило лишь присутствие ночного охранника, бдительно выхаживавшего по зеленому газону между аккуратных цветочных клумб. Хорошо вооруженного стража, бывшего полицейского, Марвин нанял два года назад, и жители Гринвилла знали, что семья адвоката находится под защитой многоопытного стрелка. Естественно, знали об этом и расисты, поэтому взрыв решено было устроить не в доме, а в офисе.

Поскольку в осуществлении плана участвовали всего три человека, проработка деталей операции длилась недолго. Денежный мешок, необразованный, но энергичный фермер Джереми Доган являлся в то время великим магом Клана в Миссисипи. Его предшественник угодил за решетку, и Джерри, наслаждаясь собственной значимостью, одухотворенно играл роль дирижера. Недостаток образования нисколько ему не мешал. Позже аналитики ФБР признали, что организатором он был великолепным: вся грязная работа поручалась мелким группкам террористов, никак не связанным между собой. Агенты ФБР имели информаторов едва ли не в каждом отделении Клана, поэтому Доган доверял лишь членам своей семьи и горстке убежденных единомышленников. Основной доход ему приносили не земельные угодья, а масштабная торговля поддержанными автомобилями и разного рода темные сделки. Время от времени он читал проповеди в окрестных церквях.

Вторым исполнителем был член Клана Сэм Кэйхолл из Клэнтон, что в округе Форд, в трех часах езды от Меридиана и в часе от Мемфиса. О существовании Кэйхолла фэбээровцы знали, а вот о его связях с Доганом – нет. Эксперты ФБР считали Сэма безвредным насекомым: тот жил в местах, где об активности расистов люди почти не слышали. Ну сожгли в округе Форд парочку крестов, зато ни убийств, ни взрывов. Пусть отец Кэйхолла считался когда-то клановским заправилкой, однако в целом его семейство никаких неудобств местным властям не доставляло. Заручившись поддержкой Сэма, Джереми Доган сделал блестящий ход.

Операция началась с телефонного звонка в ночь с 17 на 18 августа 1967 года. Имея веские основания подозревать, что его аппараты прослушиваются, Доган дождался полуночи, сел в машину и доехал до будки телефона-автомата возле заправочной станции на южной окраине Меридиана. Еще в дороге интуиция подсказала Джереми: феды² сели на хвост. Инстинкт его не обманывал. За Доганом действительно следили, но агентам ФБР было невдомек, кому он звонит.

На том конце провода Сэм Кэйхолл выслушал собеседника, задал ему пару вопросов и положил трубку. Вернувшись в постель, он не проронил ни слова. Жена давно уже поняла: лучше не спрашивать. Ранним утром Сэм сел за руль и отправился в Клэнтон, наскоро позавтракал в кафе, а затем прошел в здание окружного суда, чтобы воспользоваться платным телефоном.

Двумя днями позже Кэйхолл на рассвете выехал из Клэнтон в Кливленд, университетский городок Дельты, расположенный всего в часе неторопливой езды от Гринвилла. Не покидая машины, он сорок минут прождал на автостоянке у оживленного торгового центра, однако зеленый «понтиак» так и не появился. Сэму ничего не оставалось, как перекусить в придорожной забегаловке жареным цыпленком и двинуться в Гринвилл. Требовалось бросить взгляд на офис адвокатской конторы «Марвин Крамер и др.». Пару недель назад Кэйхолл уже провел в Гринвилле целый день и мог без труда ориентироваться в нехитром переплетении улиц. Он отыскал офис Крамера, объехал вокруг его впечатляющего размерами дома и направил автомобиль к синагоге. По словам Догана выходило, что следующим объектом может стать именно она. Но сначала адвокат! Вернувшись к одиннадцати часам пополудни в Кливленд, Сэм обнаружил зеленый «понтиак» не возле торгового центра, а на запасном месте, среди большегрузных трейлеров, у выезда на автостраду номер 61. Он достал из-под коврика ключ зажигания, сел за руль и погнал машину за город. Когда по обеим сторонам дороги раскинулись пло-

² Феды – прозвище сотрудников ФБР.

родные нивы Дельты, Кэйхолл свернул на неприметную узенькую колею и уже через полмили заглушил двигатель. Из объемистого багажника достал завернутый в несколько газет картонный ящичек. Внутри лежали пятнадцать трубочек динамита, три взрывателя и моток бикфордова шнура. Окинув содержимое ящичка удовлетворенным взглядом, Сэм сел за руль. Теперь предстояло вернуться в Кливленд и ждать. Встреча была назначена в открытом круглые сутки кафе у стоянки трейлеров. Третий участник операции появился ровно в два часа ночи.

Уверенным шагом он миновал несколько окруженных голодными водителями столиков и сел напротив Кэйхолла. В свои двадцать два года Ролли Уэдж заслуженно считался ветераном войны с так называемыми защитниками гражданских прав. Он был родом из Луизианы, но сейчас жил где-то в горах, подальше от любопытных взглядов. Скромный по натуре, Ролли все же два или три раза настойчиво повторил Сэму, что готов отдать жизнь борьбе за господство белой расы. По его словам, Уэдж-старший, верный член Клана и строительный рабочий, занимавшийся сносом отслуживших свое производственных зданий, обучил сына всем премудростям обращения со взрывчаткой.

Кэйхоллу было известно о Ролли очень немного, большую часть откровений юнца он на веру не принял. Сэм даже ни разу не поинтересовался у Догана, где тот отыскал мальчишку.

Около получаса оба отхлебывали из пластиковых стаканчиков жидковатый кофе и обменивались ничем не значившими фразами. Пальцы Сэма едва заметно подрагивали, Уэдж хранил абсолютное спокойствие, его веки, казалось, ни разу не сомкнулись. Мужчинам уже доводилось общаться, и выдержка молодого человека всегда приводила Кэйхолла в восхищение. Позже Сэм докладывал Догану, что у Ролли отсутствуют нервы и в самые ответственные моменты он остается невозмутимым.

На встречу Уэдж приехал в машине, которую взял напрокат в аэропорту Мемфиса. Вернувшись к ней, Ролли подхватил с заднего сиденья небольшую спортивную сумку, захлопнул дверцу и беззаботной походкой двинулся к зеленому «понтиаку». Уже сидевший за рулем Кэйхолл тронул автомобиль с места. Под колесами сухо зашуршало бетонное покрытие автострады номер 61. В три часа ночи дорога была пустынна. За деревенькой Шоу водитель свернул на проселок и через сотню метров выключил двигатель. Не допуская пререканий голосом Ролли распорядился: пока он будет проверять взрывчатку, Сэм должен сидеть в машине. Тот и не думал возражать. Выбираясь из «понтиака», Уэдж забрал спортивную сумку. На осмотр лежавших в багажнике динамита, взрывателей и бикфордова шнура потребовалось минуты три. Оставив сумку в багажнике, Ролли опустил на переднее сиденье.

– В Гринвилл!

Первый раз они проехали мимо офиса Крамера около четырех часов утра. На тихой, погруженной в предрассветную мглу улочке не было ни души. Уэдж пробормотал что-то о «плевой работенке» и, когда машина миновала представительный особняк адвоката, добавил:

– Жаль, стоило взорвать и его дом.

– Да, – нервничая, отозвался Сэм, – очень жаль. Но ты же знаешь, там охранник.

– С ним не возникло бы никаких проблем.

– Наверное. А как же дети?

– Убивай их, пока не выросли. Со временем еврейские недоноски превращаются в жутких подонков.

Развернувшись на перекрестке, Кэйхолл нырнул в узкий переулок, остановил «понтиак» позади офиса и заглушил двигатель. Вместе с коробкой динамита Ролли извлек из багажника спортивную сумку, и мужчины неторопливо двинулись по бетонной дорожке к задней двери адвокатской конторы.

Чтобы справиться отмычкой с замком, у Сэма ушло несколько секунд. Двумя неделями ранее он уже побывал внутри: просто узнал у секретарши Крамера, как проехать в центр города, и попросил разрешения воспользоваться туалетом. В коридоре, на полпути между

кабинетом хозяина конторы и туалетной комнатой, находилась тесная кладовка, до потолка набитая папками со старыми делами, – архив адвоката.

– Стой у двери и следи за улицей, – прошептал Ролли, и Сэм вновь подчинился приказу. Он предпочитал быть дозорным; ему вовсе не хотелось возиться со взрывчаткой.

Поставив картонный ящичек на пол кладовки, Уэдж тонкими проводками попарно соединил палочки динамита. Кэйхолл с опаской наблюдал за деликатными манипуляциями. Он старался держаться спиной к адской машине – так, на всякий случай.

Их пребывание в офисе длилось не более пяти минут, затем мужчины покинули здание и небрежной походкой направились к «понтиаку». В тот момент они чувствовали себя непобедимыми. Задача и сейчас оказалась на редкость простой. Они уже сровняли с землей фирму торговца недвижимостью в Джексоне – ее владелец, еврей, осмелился продать дом паре черных как смоль супругов. Взорвали типографию небольшой местной газетенки – редактор позволил себе непочтительно высказаться по вопросу сегрегации. Камня на камне не оставили от джексонской синагоги – самой большой в штате.

Когда «понтиак» бесшумно выехал из темного переулка, Сэм включил фары.

В ходе всех предыдущих операций Уэдж использовал кусок обычного бикфордова шнура, который горел ровно пятнадцать минут. Это время позволяло подрывникам удалиться на безопасное расстояние, откуда можно было без помех наслаждаться величественным зрелищем. Услышав мощный взрыв и ощутив ударную волну, они с чувством хорошо исполненного долга растворялись в ночи.

Однако сейчас ситуация сложилась по-другому. По ошибке Сэм свернул не в ту сторону, и улочка вывела «понтиак» к железнодорожному переезду. За опущенным шлагбаумом с грохотом проносились тяжелогруженные вагоны. Товарняк, казалось, не имеет конца. Кэйхолл нетерпеливо посматривал на часы, сидевший неподвижно Ролли молчал. Наконец поезд прошел, и Сэм опять повернул не туда. Теперь они были совсем рядом с рекой, на фоне серого неба виднелась громада моста, по обеим сторонам улицы торчали какие-то неказистые развалюхи. Водитель вновь поднес к глазам запястье левой руки: до взрыва оставалось пять минут, а в момент, когда земля дрогнет, грамотнее будет оказаться на пустынной автостраде. Ролли недовольно покосился на Кэйхолла, но все же промолчал.

Другой поворот, другая неизвестная улица. Гринвилл никак нельзя назвать большим городом, и до Сэма дошло: если продолжать крутить руль, то рано или поздно они доберутся до знакомых районов. Следующий перекресток стал последним. Поняв, что выехал навстречу полосе одностороннего движения, Кэйхолл ударил по тормозам, и двигатель мгновенно заглох. Сэм подергал ручку скоростей, плавно повернул ключ зажигания. Стартер тоненько взвыл и стих. По салону поплыл острый запах бензина.

– Дьявол! – прошипел Кэйхолл. – Черт! Черт! Черт!

Ролли расслабленно сполз по спинке сиденья и безучастно уставился в ветровое стекло.

– Дьявол! Бак течет! – Водитель предпринял еще одну попытку оживить двигатель; как и предыдущая, она закончилась неудачей.

– Аккумулятор не посади, – спокойно и медленно проговорил Уэдж.

От волнения Сэма трясло, и все же, несмотря на охватывавшую его панику, он сознавал, что они находятся где-то поблизости от центра. Сделав глубокий вдох, он осмотрелся по сторонам. Ни машины, ни души. Тишина. Лучшей декорации для взрыва и не придумать. Перед глазами возникла отчетливая картинка: вдоль деревянного плинтуса движется огненно-красная точка. Еще мгновение, и под натиском неистовой силы взметнутся к небу обломки дерева и осколки кирпича. «Да-а-а, – мысленно протянул Сэм, пытаясь взять себя в руки, – а если бы мы не успели унести оттуда ноги?»

– Я полагал, Доган найдет приличную машину, – буркнул он, но Ролли продолжал все так же молча смотреть в окно.

От офиса Крамера зеленый «пontiак» отъехал по меньшей мере пятнадцать минут назад. Почему до сих пор нет фейерверка? Кэйхолл утер обильно струившийся по лицу пот и вновь дернул ключ зажигания. К его радости, двигатель заурчал. Сэм с довольной ухмылкой окинул взглядом своего спутника – лицо Ролли оставалось непроницаемо равнодушным. Подав чуть назад, Кэйхолл развернулся и нажал на педаль газа. Промчавшись пару кварталов, машина выехала на главную улицу городка.

– Какой у тебя был шнур? – поинтересовался Сэм, сворачивая на автостраду номер 82, от пересечения с которой офис Крамера отделяло чуть меньше мили.

Уэдж пожал плечами, как бы давая понять: занимайся своим делом, а мое предоставь выполнять мне. Увидев на обочине дежурный полицейский «додж», Кэйхолл сбросил скорость и набрал ее только у самой окраины. Через пару минут Гринвилл остался далеко позади.

– Какой у тебя был шнур? – повторил он, на этот раз с едва слышимым раздражением.

– Я решил попробовать новую штучку, – не повернув головы, ответил Ролли.

– Какую?

– Тебе не понять.

Сэм ощутил, как его охватывает гнев.

– Часовой механизм? – спросил он через несколько миль.

– Нечто вроде...

Остаток дороги до Кливленда они проделали, не обменявшись более ни словом. Какое-то время, поглядывая в зеркальце заднего вида, Кэйхолл еще надеялся, что небо за спиной вспыхнет огненным заревом. Но минута текла за минутой, и ничего не происходило. Голова Ролли упала на грудь, он негромко посапывал. В придорожном кафе сидела шумная компания водителей.

Когда «пontiак» остановился, Уэдж выбрался из кабины, подошел к опущенному стеклу окошка Сэма и с достоинством бросил:

– До встречи!

Глядя в затылок шагавшего к машине Ролли, Кэйхолл вновь испытал легкую зависть. Ничего не скажешь – умеет этот молокосос владеть собой!

Стрелки часов едва перевалили за половину шестого утра, по восточной части небосклона медленно разливался алый свет зари. По автостраде номер 61 Сэм погнался «пontiак» на юг.

Развязка трагедии в Гринвилле совпала по времени с немногословным прощанием Ролли Уэджа и Сэма Кэйхолла. Первый акт оказался донельзя обыденным: ровно в половине шестого на столике рядом с подушкой Рут Крамер зазвонил будильник. В столь ранний час Рут всегда ощущала себя больной и разбитой. От отвратительного звука у нее повышалась температура, начинало стучать в висках, к горлу подкатывал ком. Как обычно, Марвин заботливо помог жене добраться до ванной комнаты. Процедура утреннего туалета длилась около получаса. Сегодня недомогания супруги дали о себе знать с особой силой. В городе уже с месяц свирепствовал грипп, и, по-видимому, вредоносный вирус сразил очередную жертву.

Негритянка разбудила близнецов, пятилетних Джона и Джошуа, быстро искупала обоих, одела и накормила завтраком. Марвин решил, что мальчишек лучше отвезти в детский сад, подальше от инфекции. Связавшись по телефону с другом семьи, врачом по специальности, он попросил его навестить днем Рут и выписать рецепт, после чего вручил служанке двадцать долларов на лекарства. Затем адвокат прошел в ванную комнату, попрощался с Рут – голова ее покоилась на набитой колотым льдом грелке – и, подхватив сыновей, покинул дом.

Далеко не вся юридическая практика Марвина сводилась к искам по защите гражданских прав. Прожить на выплачиваемые по ним гонорары было в 1967 году невозможно. Приходилось заниматься и чисто уголовными делами, и бытовой рутинной маленького городка: разводы,

раздельное проживание супругов, банкротства, споры о недвижимости. Однако, несмотря на то что отец, как и большинство других родственников, почти не вспоминал о строптивом сыне, треть рабочего времени Марвин отдавал интересам семьи. В тот день он собирался к девяти утра явиться в суд, чтобы принять участие в слушаниях по вопросу посягательств местных властей на обширное земельное владение своего родного дяди.

Джон и Джош очень любили бывать у отца на работе. В детском саду мальчиков ждали не раньше восьми, так что Марвин мог спокойно подготовить необходимые бумаги, подвезти сыновей, а потом уже отправляться в суд. Такое случалось примерно раз в месяц. Но на деле и дня не проходило без того, чтобы сорванцы не упрасивали папочку прихватить их с собой в контору. Около половины восьмого переступив порог офиса, мальчишки устремились к заваленному корреспонденцией столу секретарши. Здание с многочисленными пристройками, где располагалась адвокатская контора, походило на разветвленный лабиринт. Дверь парадного входа открывалась в небольшую уютную приемную: четыре кресла для посетителей, иллюстрированные журналы на невысоком столике. Две скромные комнаты по правую и левую руку отводились сотрудникам: теперь вместе с Марвином работали коллеги. Из приемной к ступеням лестницы на второй этаж вел длинный коридор. Самым большим помещением на первом был кабинет владельца конторы: последняя по коридору дверь налево, сразу за тесной кладовкой. Кабинет напротив занимала Хелен, секретарша Марвина, молодая женщина с изумительной фигурой.

Этажом выше находились крохотные комнатухи, в одной сидел компаньон хозяина, две других были отданы еще двум секретаршам. Третий этаж не отапливался и служил архивом.

В офисе Марвин привык появляться около восьми. Ему нравилась сосредоточенная, не нарушаемая телефонными звонками утренняя тишина. В пятницу 21 апреля он, как обычно, прибыл в контору первым.

– Не смейте там ничего трогать! – крикнул отец вслед бежавшим по коридору сыновьям, но те его не слышали.

Когда через пару минут Марвин заглянул в кабинет Хелен, Джош уже вовсю орудовал скоросшивателем, а Джон кромсал ножницами чистые листы бумаги. Пройдя к себе, адвокат сел за стол и принялся вычитывать подготовленные к слушанию документы.

Позже, в больничной палате, Марвин вспоминал, что примерно без четверти восемь он поднялся на третий этаж: необходимо было просмотреть старое дело, свериться с прецедентом. Адвокат снял со стеллажа толстую папку. Снизу доносился радостный мальчишеский смех. Как выяснилось впоследствии, эта папка спасла Крамеру жизнь.

Почти вся мощь взрывной волны ушла вверх. Пятнадцать палочек динамита за доли секунды превратили здание в груды руин. Содрогнулась земля, а осколки стекла, по словам очевидцев, сыпались с неба не менее двух минут.

Находившиеся в пятнадцати футах от эпицентра взрыва Джон и Джошуа Крамер не успели, к счастью, понять, что произошло. Мальчики не испытали мучений. Их изуродованные до неузнаваемости тельца обнаружили под расщепленными деревянными балками прибившие через четверть часа пожарные. Марвина волна вознесла к потолку, и вместе с обломками крыши он рухнул в дымящийся кратер. В бессознательном состоянии адвоката доставили в больницу, где в ходе трехчасовой операции хирург ампутировал ему обе ноги – до колена.

Взрыв прозвучал ровно в семь сорок шесть, и это само по себе было даже некоторым везением. Хелен как раз спускалась по ступенькам домика почты. Еще десять минут, и она готовила бы в приемной кофе. Дэвид Лаклэнд, молодой напарник Крамера, как раз выходил из квартиры. Еще десять минут, и он поднялся бы в кабинет на втором этаже.

Языки пламени показались из окон соседнего здания. И хотя пожар быстро потушили, клубы густого дыма усилили панику жителей.

Пострадали двое прохожих. Метрах в сорока от офиса на тротуар упала тяжелая доска, зацепив голову выбиравшейся из машины миссис Милдред Талтон. Острый край сломал ей переносицу и глубоко рассек щеку, но впоследствии дама довольно быстро оправилась от ранений.

Раны второго пострадавшего были скорее символическими. Некий Сэм Кэйхолл медленно двигался по улице в сторону адвокатской конторы, когда земля вдруг ушла у него из-под ног. Мужчина оступился и рухнул на каменную бровку. Неуклюже поднимаясь, он почувствовал, как в шею и левую щеку вонзилось что-то острое. Прохожий метнулся за дерево, откуда пару секунд ошеломленно смотрел на страшную картину, а потом бросился прочь. На воротничок его светлой рубашки падали капли крови. Прыгнув за руль зеленого «понтиака», он погнал машину из города. На перекрестке Кэйхолл едва не столкнулся с полицейским «доджем». Патрульные устремились в погоню. Когда «понтиак» все же остановился, полисмены увидели залитого кровью нарушителя. Без лишних слов на его запястья были надеты наручники. Затем Сэма затолкали в «додж», а его автомобиль отбуксировали на специальную площадку.

Бомба, которая убила сыновей Мартина Крамера, представляла собой пятнадцать обмотанных скотчем палочек динамита. Вместо бикфордова шнура Ролли Уэдж действительно воспользовался часовым механизмом: дешевым механическим будильником. Выломав минутную стрелку, он просверлил между цифрами 7 и 8 крошечное отверстие. Когда вставленной в аккуратную дырочку швейной иглы коснулась часовая стрелка, цепь сработала и раздался взрыв. Пятнадцати минут, которые горел шнур, Ролли было мало. Кроме того, Уэдж хотел поэкспериментировать.

Вполне вероятно, что часовая стрелка немного погнулась. Возможно, что неровным оказался циферблат. Или скошенной была швейная игла. Как-никак Ролли впервые устанавливал таймер. А может, все происходило в полном соответствии с его замыслом.

Мелкие детали не имеют теперь никакого значения. Важно то, что в результате начатой Джереми Доганом и Ку-клукс-кланом кампании земля штата Миссисипи обагрилась кровью сынов Израилевых. Но на этом кампания, по ряду не зависевших от ее инициаторов причин, была закончена.

Глава 2

Когда тела мальчиков погрузили в машину «скорой», полиция обнесла место взрыва красно-белой пластиковой лентой и оттеснила толпу. Через несколько часов из Джексона прибыла группа экспертов ФБР. Феды деловито подбирали обломки, показывали их друг другу, тщательно упаковывали каждую находку, чтобы позже сопоставить ее с вновь обнаруженными. На окраине города под хранилище улик власти отвели заброшенный склад, где в не столь далеком прошлом лежали тюки хлопка.

Довольно скоро эксперты подтвердили свое первоначальное мнение: динамит, часовой механизм и немного проволоки. Примитивная бомба собрана дилетантом, который лишь чудом успел унести ноги.

Марвина Крамера перевезли в отлично оснащенную мемфисскую больницу; в течение первых трех дней состояние его оставалось тяжелым, но стабильным. Рут госпитализировали поначалу в Гринвилле, с диагнозом «нервный шок», а чуть позже доставили в больницу, где находился ее супруг. Мистер и миссис Крамер лежали в одной палате, врачи поддерживали силы обоих огромными дозами успокоительного. Возле дверей палаты днем и ночью сидели родственники. В Мемфисе у Рут было множество друзей – они тоже дежурили.

После того как поднятая взрывом пыль опустилась на землю, соседи Марвина, хозяева магазинчиков и служащие ближайших офисов, смели с тротуаров осколки стекла и принялись делиться слухами. Наблюдая за действиями полиции, они шептались о том, что главный подозреваемый уже задержан. К полудню стало известно: зовут этого мужчину Сэм Кэйхолл, родом он из Клэнтон, является членом Ку-клукс-клана, получил легкие ранения в момент взрыва. Репортеры раскопали где-то его бывлые заслуги, жертвами которых становились главным образом несчастные афроамериканцы. Первые официальные отчеты наперебой восхваляли мужество полиции, в считанные секунды схватившей безумца. Ближе к вечеру комментатор местного выпуска теленовостей сообщил жителям Гринвилла: погибли двое детей, тяжело пострадал их отец, Сэм Кэйхолл арестован.

Арест Сэма обещал быть весьма недолгим. Требовалось лишь внести залог – тридцать долларов. Оказавшись в полицейском участке, Кэйхолл овладел собой, прочувствованно извинился за то, что не смог вовремя остановить машину. Нарушение дорожных правил – не бог весть какая вина, и Сэма проводили в соседнюю комнату: после обязательных формальностей он будет освобожден. Двое задержавших его офицеров тут же умчались к месту взрыва. Уборщик участка, исполнявший к тому же обязанности фельдшера, смоченным в перекиси водорода тампоном стер с лица Кэйхолла кровь. Сэм и ему повторил свою историю: обычная драка в ночном баре. Через час после ухода фельдшера появился помощник шерифа с бумагой. Кэйхолл обвинялся в отказе уступить дорогу патрульной машине полиции. Максимальный штраф – тридцать долларов, и если задержанный готов заплатить требуемую сумму немедленно, то по оформлении соответствующей квитанции он будет освобожден. Его машина тоже.

Нервно расхаживая по комнате, Сэм потирал щеку и время от времени бросал взгляд на часы.

«Значит, – размышлял он, – придется исчезнуть. Арест полиция зафиксировала, и очень скоро даже эти недоумки увяжут мое имя со взрывом. Да, необходимо искать пристанище. Нужно скрыться из штата, найти Ролли Уэджа и вместе с ним вылететь, скажем, в Бразилию. Денег даст Доган. Позвоню ему сразу, как только выберусь из Гринвилла. Машина осталась

возле стоянки трейлеров в Кливленде. Ладно, туда доеду на «пontiаке», к автобусной станции в Мемфисе отправлюсь на своей, а там пересеяду в «Грейхаунд»³.

Тут все ясно. Но какого дурака он сваял, решив вернуться, чтобы удовлетворить идиотское любопытство! Ничего, чуточку терпения, и эти клоуны выпустят его из-под замка.

Миновало еще полчаса. Вернувшийся помощник шерифа принес еще один официальный бланк. В обмен на полагающуюся квитанцию Кэйхолл вручил офицеру тридцать долларов и проследовал к окошку, где другой чиновник протянул ему повестку в муниципальный суд. Слушание дела было назначено через две недели.

– А как насчет «пontiака»? – спросил Сэм, складывая повестку.

– Будет с минуты на минуту. Подождите.

Четверть часа Кэйхолл наблюдал в окно за проезжавшими мимо участка автомобилями. Коренастый полисмен втащил в камеру для временно задержанных двух пьянчуг. Сэм ждал.

Внезапно за спиной кто-то произнес его имя:

– Мистер Кэйхолл?

Обернувшись, Сэм увидел коротышку в нелепом, отвратительно скроенном костюме. В пухлой ладони мужчины тускло блеснул жетон.

– Детектив Айви, полицейское управление Гринвилла. Хочу задать вам несколько вопросов. – Коротышка кивнул на дверь, и Сэм покорно последовал за ним в коридор.

Сидя за грязноватым столом напротив детектива, Кэйхолл прекрасно сознавал, что сказать ему в общем-то нечего. Айви совсем недавно разменял четвертый десяток, однако седые волосы и множество мелких морщинок вокруг глаз делали его на вид гораздо старше. Он достал из кармана пиджака пачку «Кэмела» без фильтра, предложил сигарету Сэму и поинтересовался, откуда на лице его взялись раны. Кэйхолл нерешительно крутил в пальцах набитый табаком бумажный цилиндр. С вредной привычкой он завязал годы назад, и хотя сейчас, в этот критический момент, глоток терпкого дыма только помог бы ему сосредоточиться, сигарета так и осталась незажженной. Глядя куда-то в сторону, Сэм ответил:

– Не помню. Наверное, в драке.

Губы Айви дрогнули в едва заметной усмешке: похоже, такого ответа он и ждал. Кэйхолл понял, что имеет дело с профессионалом. В душе шевельнулся страх, бешено заплясали по столу пальцы. Разумеется, это не осталось незамеченным. «Где произошла драка? С кем? В котором часу? Почему вы решили махать кулаками в Гринвилле, если до вашего города три часа езды? Кому принадлежит автомобиль?»

Сэм молчал. Сыпавшиеся на него вопросы были риторическими. Стоило соврать лишь один раз, и детектив оплел бы подозреваемого густой паутиной.

– Мне необходим адвокат, – наконец выдал Кэйхолл.

– Замечательно, Сэм! Разговор с ним тебе и правда не повредит. – Айви закурил новую сигарету, энергично выпустил к потолку струю дыма. – Сегодня утром у нас тут прогремел взрыв, приятель. Ничего об этом не слышал? – с едва заметной насмешкой спросил он.

– Нет.

– Какая досада! Взлетела на воздух контора одного юриста, мистера Крамера. Около двух часов назад. Похоже, приложил свои руки Клан. В округе-то этих молодцов нет, однако, видишь ли, мистер Крамер – еврей. Значит, ты в полном неведении, так?

– Совершенно верно.

---

³ Автобусы крупнейшей национальной корпорации, носящей одноименное название и занимающейся перевозками пассажиров.

– Очень, очень жаль, Сэм. Понимаешь, кроме мистера Крамера, в офисе находишь двое его маленьких сыновей, Джошуа и Джон. По прихоти судьбы им никогда уже не стать взрослыми.

Кэйхолл сделал глубокий вдох и поднял взгляд на детектива: «Ну, продолжай, продолжай!»

– Мальчиков, близнецов пяти лет от роду, красивых и умных, разнесло в клочья. Жуть, Сэм.

Голова Сэма поникла, подбородок почти уперся в грудь. Он почувствовал себя раздавленным. Двойное убийство! Что дальше? Долгие разбирательства, судьи, присяжные, решетка тюрьмы? Кэйхолл прикрыл глаза.

– Отцу еще, можно сказать, повезло. Лежит сейчас на столе хирурга. А сыновей, наверное, уже обряжают в последний путь. Настоящая трагедия, Сэм! Но тебе вряд ли что-либо известно о бомбе, правда?

– Правда. Пригласите адвоката.

– Разумеется, Сэм. – Поднявшись, Айви медленно вышел из комнаты.

* * *

Извлеченные медиком из щеки и шеи Кэйхолла осколки были отправлены в лабораторию ФБР. В отчете экспертов не было ничего неожиданного: то же самое стекло, что и в окнах офиса. Зеленый «понтиак» оказался зарегистрирован на имя Джереми Догана, Меридиан. В багажнике машины следователь обнаружил кусок бикфордова шнура. В полицию с заявлением обратился паренек-рассыльный: около четырех часов утра он видел этот автомобиль неподалеку от конторы адвоката.

Представители ФБР оперативно сообщили прессу о том, что Сэм Кэйхолл уже долгое время состоит членом Клана и подозревается в совершении еще нескольких взрывов. Дело, как казалось, было раскрыто по горячим следам. Полицию Гринвилла на все лады превозносили газетчики, личные поздравления прислал директор Федерального бюро Эдгар Гувер.

Через два дня после взрыва гробики с телами сыновей Марвина Крамера опустили в землю на маленьком кладбище. На похоронах присутствовала вся еврейская община города. Среди ста сорока шести человек не было лишь родителей мальчиков. Четверо членов общины находились в отъезде. За оградой погоста толпились фоторепортеры и журналисты. Их оказалось ровно в два раза больше, чем скорбевших.

Утром следующего дня, сидя в тесной одиночной камере, Сэм внимательно просматривал свежие газеты. Лэрри Джек Поук, глуповатый помощник начальника городской тюрьмы, быстро стал ему другом. Еще накануне он успел шепнуть узнику:

– Оба моих племянника тоже в Клане. Я и сам бы не прочь, но жена даже слышать об этом не хочет.

Передавая Кэйхоллу газеты и чашку с кофе, Лэрри Джек сказал, что восхищается несгибаемой решимостью своего подопечного. Сэм ответил пустой, но достаточно вежливой фразой. Зачем же лишать себя единственного союзника? Обвинение в двойном убийстве грозило хорошей порцией смертельного газа, и такая перспектива удручала. Кэйхолл отказался отвечать на вопросы Айви и других полицейских, не говоря уж о сотрудниках ФБР. В тюрьму пытались проникнуть газетчики, однако Лэрри Джек их не пустил. Сэм связался по телефону с женой, приказал ей оставаться в Клэнтоне и носа не высовывать из дому. От тоски и безделья он начал вести дневник.

Чтобы привлечь к ответственности Ролли Уэджа, феды должны прежде всего разыскать его. Вступая в организацию, Сэм принес торжественную клятву, и для него она остается свя-

щенной. Никогда он не сможет предать собрата. Никогда! Будем надеяться, не изменит присяге и Джереми Доган.

Через два дня после взрыва Гринвилл впервые увидел пышноволосого Кловиса Брэйзелтона, бойкого на язык и весьма пронырливого адвоката. Кловис тайно вступил в Клан. Жители Джексона считали его фигурой одиозной, поскольку среди клиентов адвоката числились отъявленные мошенники и головорезы. Он лелеял мечту стать губернатором, на каждом углу кричал о превосходстве белой расы, о засилье агентов ФБР и недопустимости смешанных браков. В Гринвилл его направил Джереми Доган, и не столько для защиты Сэма Кэйхолла, сколько для того, чтобы тот не вздумал раскрыть рот. Уж слишком энергично заинтересовались феды зеленым «понтиаком». Джереми опасался обвинения в пособничестве преступлению.

Сообщник, объяснял Кловис новому клиенту, в глазах присяжных почти всегда выглядит таким же виновным, как и истинный убийца. Кэйхолл внимал словам адвоката молча. О Брэйзелтоне он слышал, но доверия к нему не испытывал.

– Пойми, Сэм, – со стороны казалось, будто Кловис разговаривает с первоклассником, – мне известно, кто установил бомбу. Об этом поведал Доган. Таким образом, если я не ошибаюсь, в курсе дела четверо: мы с тобой, Джереми и Ролли Уэдж. Пока Доган абсолютно уверен в том, что Уэджа нигде не найдут. У парня недурные мозги, он наверняка уже скрылся из страны. Выходит, остаются двое: ты и Доган. Если быть честным, обвинение ему могут предъявить в любую минуту. Но копам будет трудноато припереть Джереми к стенке. Кто докажет, что операцию вы планировали вместе? Вот в чем важность твоих показаний.

– Значит, принимай огонь на себя, так?

– Вовсе нет. Просто ни слова о Догане. Отрицай все. Версию для машины мы придумаем, не беспокойся. Я заставлю суд рассматривать дело в другом месте, там, где нет евреев. Подберу белых, как лилии, присяжных, обработаю их, и ты еще станешь героем. Предоставь все хлопоты мне.

– Думаешь, меня оправдают?

– Естественно! Даю слово, Сэм. Жюри будет состоять из настоящих патриотов, людей твоего склада, старина, из действительно белых. А они тоже боятся отпускать своих детишек в школу, если там учатся черномазые. Это достойные граждане великой страны, Сэм. Мы посадим двенадцать таких человек за стол, объясним им, как поганые иудеи подняли шумиху вокруг надуманных кликушами прав. Верь мне, Сэм. Проблем не возникнет! – Нависнув над шатким столом, Кловис дружески похлопал собеседника по плечу. – В моей практике все это уже было.

Ближе к вечеру на Кэйхолла надели наручники и вывели из здания тюрьмы к полицейскому фургону, чтобы доставить в суд. Оказавшись на улице, Сэм попал под перекрестный обстрел армии фоторепортеров. Другая не менее многочисленная, группа поджидала его во дворе суда.

В кабинет муниципального судьи Сэм вошел плечом к плечу с досточтимым мэтром Кловисом Брэйзелтоном. Уверенным тоном адвокат отказался от предварительного слушания, после чего подписал несколько бумаг. Двадцать минут, и Кэйхолл вновь заходил в свою камеру. Пообещав через пару дней появиться опять и начать выработку стратегии, Кловис зашагал навстречу журналистам.

Внимание прессы к событиям в Гринвилле несколько ослабло только через месяц. 5 мая 1967 года Сэму Кэйхоллу и Джереми Догану правосудие штата предъявило обвинение в умышленном убийстве. Собравшейся публике окружной прокурор объявил, что потребует для обвиняемых смертного приговора. Имя Ролли Уэджа в зале суда не прозвучало. Ни полиция, ни ФБР даже не подозревали о его существовании.

Представлявший интересы теперь уже двух обвиняемых, Кловис Брэйзелтон сдержал слово: новое слушание состоялось 4 сентября 1967 года в округе Неттлс, то есть более чем в двухстах милях от Гринвилла. Происходившее напоминало цирк. На широкой лужайке перед зданием суда куклуксклановцы разбили лагерь и в течение часа громко скандировали свои лозунги. В действие приняли участие их собраты из соседних штатов; желавшие выступить становились в очередь. Усилиями организаторов митинга Сэм Кэйхолл и Джереми Доган предстали в образе ангелов-хранителей белой расы, имена героев сотни, тысячи раз выкликались их восторженными поклонниками.

Журналисты, наблюдавшие за спектаклем, терпеливо выжидали. Полно их было и в зале суда – под деревьями остались лишь самые нерасторопные. Они следили за действиями членов Клана, вслушивались в пылко произносимые речи. И чем заметнее был интерес прессы, тем продолжительнее становились эти речи.

Для Кэйхолла и Догана новое слушание проходило весьма гладко. Кудесник Брэйзелтон усадил-таки на скамью присяжных двенадцать, как он предпочитал их называть, патриотов и принялся за пробивание брешей в выстроенной прокурором системе обвинения. Главным аргументом адвоката явилось то, что все улики были лишь косвенными: никто ведь не видел, как Сэм Кэйхолл закладывал бомбу. Кловис драматическим жестом подчеркнул данное обстоятельство, и, судя по лицам присяжных, оно произвело впечатление. Нанятый Доганом, Кэйхолл приехал в Гринвилл по делам и всего только появился у офиса Крамера в неподходящий момент. Вспомнив о погибших во время взрыва мальчиках, Брэйзелтон прослезился.

Бикфордов шнур оставил в багажнике «понтиака», по-видимому, прежний владелец машины, мистер Карсон Дженкинс, подрядчик строительной компании в Меридиане. В письменных свидетельских показаниях мистер Дженкинс подтверждал, что по роду профессии ему постоянно приходится иметь дело с динамитом. Кусок шнура он просто забыл вытащить из багажника, когда продавал «понтиак» Догану. Мистер Дженкинс, читающий по воскресеньям лекции в церковной школе, являет собой пример добропорядочного гражданина, слова которого не вызывают и тени сомнений.

И к тому же состоит членом Ку-клукс-клана, о чем, правда, в ФБР не догадывались. Нет, Кловис Брэйзелтон сыграл свою роль безукоризненно.

Ни полиция, ни ФБР не знали и о том, что свою собственную машину Кэйхолл оставил на стоянке трейлеров в Кливленде. В самый первый раз разговаривая из тюремной камеры по телефону с женой, Сэм дал супруге четкие инструкции: пусть сын, Эдди Кэйхолл, немедленно отгонит автомобиль подальше. Такая предусмотрительность оказалась очень на руку защите.

Стратегия адвоката была простой, но достаточно эффективной: «Разве может кто-то доказать, что мои клиенты вошли в преступный сговор? Неужели вы, присяжные округа Неттлс, обречете на смерть двух ни в чем не повинных мужчин?»

На пятый день суда члены жюри удалились на совещание. Своим подопечным Брэйзелтон гарантировал: они будут оправданы. Не сомневался в этом и прокурор. Члены Клана на лужайке предвкушали победу.

Но приговор, обвинительный или оправдательный, так и не прозвучал. Двое присяжных упрямо требовали смертной казни. Потратив почти полтора дня на ожесточенные дискуссии, жюри вынесло вердикт: процесс зашел в тупик, дело требует пересмотра. Судья назначил дату нового слушания, и впервые за долгих пять месяцев Сэм Кэйхолл отправился домой.

Процесс возобновился шестью месяцами позже, в округе Уилсон, лежавшем среди бескрайних сельскохозяйственных угодий, в четырех часах езды от Гринвилла и сотне миль от Неттлса. Органы юстиции получили несколько жалоб: оказывается, перед началом первой сессии члены Клана пытались оказать давление на потенциальных присяжных. В результате, руководствуясь никому не известными доводами, в качестве нового места судья выбрал район,

кишевший куклуксклановцами и их сторонниками. Как и прежде, члены жюри были поголовно белыми и без малейшей примеси еврейской крови в жилах. Кловис Брэйзелтон придерживался уже оправдавшей себя тактики – он лишь пригласил мистера Карсона Дженкинса засвидетельствовать свои показания лично. Согласившись, тот принялся вдохновенно лгать.

Государственный обвинитель решил несколько изменить стратегию, однако это ни к чему не привело. Умышленное убийство превратилось в убийство по неосторожности. Вопрос о смертной казни отпадал, и жюри могло при желании признать Кэйхолла и Догана виновными. Наказание их в таком случае ждало бы более мягкое, но обвинение все равно оставалось обвинением.

Однако имелись во втором процессе и серьезные отличия. Три дня не сводил глаз с присяжных Марвин Крамер, сидевший в инвалидной коляске. Его жена Рут попыталась присутствовать еще на первом суде, но буквально через день была вынуждена вернуться в Гринвилл: сдали нервы. Перенесшему шесть операций Марвину врачи категорически запретили появляться в Неттлсе.

Члены жюри старались избегать его испытующего взгляда и проявляли удивительный для присяжных интерес к показаниям свидетелей. Лишь одна молодая женщина, Шарон Кулпеппер, мать двоих близнецов, не могла себя сдержать. Глаза ее то и дело встречались с глазами Крамера. Марвин беззвучно молил ее о справедливости.

Единственная из двенадцати присяжных, Шарон Кулпеппер с самого начала была на стороне обвинения. В течение двух дней она сносила нападки остальных членов жюри. Обидные клички доводили ее до слез, и все же Шарон не отступала.

Второй процесс закончился почти так же, как и первый. Одиннадцать голосов против одного. Судья решил назначить очередное слушание. Публика разошлась, Марвин Крамер вернулся в Гринвилл, а оттуда – в Мемфис, чтобы опять лечь под нож хирурга. Кловис Брэйзелтон всю флиртовал с прессой. Окружной прокурор не пытался делать никаких прогнозов относительно нового суда. Сэм Кэйхолл возвратился в Клэнтон, дав себе в душе слово ни на шаг не подходить к Джереми Догану. Великий маг Клана с триумфом въехал в Меридиан и громко оповестил жителей о начале грандиозной битвы со вселенским злом, где силы добра уже одержали первую победу.

Имя Уэджа было украдкой произнесено лишь однажды. В перерыве слушаний Доган шепнул Кэйхоллу о полученной от Ролли весточке. Принес ее супруге Джереми таинственный незнакомец прямо в коридор помпезного здания суда. Уэдж находился неподалеку, в лесах, и внимательно наблюдал за ходом процесса. Посланец сказал прямо: если Доган или Кэйхолл упомянут Ролли хотя бы словом, дома и семьи обоих взлетят на воздух.

Глава 3

Свой развод супруги Марвин и Рут Крамер оформили в 1970 году. Чуть позже Марвина поместили в клинику для страдающих умственными расстройствами, а в 1971-м он покончил с собой. Рут вернулась в Мемфис, к родителям. Несмотря на множество проблем, семья с редкостным упорством настаивала на третьем процессе. Еврейская община Гринвилла единогласно выразила недовольство, когда со всей очевидностью стало ясно, что окружной прокурор уже устал от поражений и потерял былой энтузиазм.

Марвина похоронили рядом с сыновьями. Именами мальчиков назвали разбитый в городе новый парк и стипендию, которую местные власти учредили для учеников средней школы. Со временем жители начали забывать о происшедшей трагедии. Тема ужасного взрыва в разговорах почти не затрагивалась.

Невзирая на давление со стороны ФБР, процесс так и не возобновлялся. Причиной тому являлось полное отсутствие каких-либо новых свидетельств. Никто не сомневался: если суд и продолжит работу, то наверняка опять в другом месте. Обвинение выглядело беспомощным, и все же феды считали, что ставить в деле точку еще слишком рано.

Поскольку Кэйхолл держал язык за зубами, а о Ролли Уэдже оперативники не имели ни малейшего представления, следствие заглохло. Джереми Доган разъезжал по штату с речами и потихоньку набирал политический вес. На севере страны журналисты поражались его откровенно расистским выпадам и готовности публично нацепить на себя белый балахон Клана. В какой-то момент к Джереми пришла недолгая слава, и он ею наслаждался.

К концу 70-х Доган стал одним из заурядных функционеров быстро распадавшейся организации. Афроамериканцы получили право голоса. Дети их ходили в те же школы, что и отпрыски благополучных белых семей. По всему Югу рушились барьеры расовой нетерпимости. Гражданские свободы проложили себе путь даже в Миссисипи; Клан уже ничего не мог этому противопоставить. К вспыхивавшим еще кое-где крестам Доган не соблазнился бы подлететь и ночную бабочку.

В 1979-м произошли два знаменательных события. Первым явилось избрание жителя Гринвилла Дэвида Макаллистера на пост окружного прокурора. Двадцатисемилетний Дэвид стал самым молодым в истории штата Миссисипи государственным чиновником такого ранга. Подростком он стоял в толпе, наблюдая за тем, как агенты ФБР копались в руинах взорванной адвокатской конторы. Вскоре после избрания Макаллистер поклялся призвать террористов к ответу.

Вторым было обвинение Джереми Догана в сокрытии доходов. Долгие годы вода за нос ФБР, Доган утратил бдительность и попал в сети Национальной налоговой службы. Расследование длилось восемь месяцев, а окончательный вариант обвинительного заключения насчитывал более тридцати страниц. За период между 1974-м и 1978-м Джереми не заплатил в казну налоги с суммы, превышавшей сто тысяч долларов. Подобная забывчивость грозила теперь ему двадцатью восемью годами тюрьмы.

Отрицать вину не имело смысла, и адвокат Догана (уже не Брэйзелтон) обратился в ФБР с предложением заключить сделку. После долгих и острых переговоров были выработаны ее условия. Джереми обязывался выступить на суде с показаниями, избличающими Сэма Кэйхолла, а в обмен получал свободу. Перспектива смотреть на небо через решетку отпадала. Испытательный срок – да, суровые штрафы – да, но зато не тюрьма. С Кэйхоллом Джерри не общался уже лет десять, о Клане забыл. Словом, сделка несла ряд преимуществ, далеко не последним из которых была возможность провести остаток жизни в привычном комфорте.

Чтобы подстегнуть Догана, налоговая служба до цента оценила все его имущество и дала адвокату понять, что в любую минуту готова открыть торги. В свою очередь, Дэвид Макал-

листер убедил членов большого жюри в Гринвилле еще раз подтвердить выдвинутое против Догана и Кэйхолла обвинение в организации взрыва.

Джереми сдался. Сделка была заключена.

После двенадцати лет размеренной и спокойной жизни в округе Форд Сэм Кэйхолл вновь предстал перед правосудием. Воображение услужливо рисовало в его мозгу пугающую обстановку газовой камеры. Сэму пришлось заложить дом вместе с небольшой фермой и нанять адвоката. Кловис Брэйзелтон круто пошел вверх, а бывший союзник Доган переметнулся в противоположный лагерь.

Со времени первых двух судов в Миссисипи многое изменилось. Афроамериканцы толпами шли на избирательные участки, хуже того – выборы позволяли им повсюду сажать своих. Штат обзавелся двумя чернокожими судьями, двумя шерифами, чернокожие юристы уверенно чувствовали себя во всех присутственных местах. Официально с сегрегацией было покончено навсегда. Многие представители белой расы оглядывались в прошлое и недоумевали: из-за чего шла война? Неужели общество не признавало равных прав за каждым из его членов?

Позади лежал трудный путь. В 1980-м штат разительно отличался от того, каким он был тринадцатью годами ранее. Теперь даже Сэм Кэйхолл понимал это.

В Мемфисе он отыскал и заплатил хорошие деньги опытному стряпчему по имени Бенджамин Кейес. Первым тактическим ходом адвоката стала попытка отклонить обвинение по причине срока его давности. Довод звучал убедительно, и лишь Верховный суд Миссисипи внес окончательную ясность в этот вопрос. Шестью голосами против трех члены суда постановили: обвинение остается в силе.

Прокурор Дэвид Макаллистер не заставил себя ждать. Третий и последний процесс по делу Сэма Кэйхолла открылся в феврале 1981 года в Лейкхедде, небольшом холмистом округе на северо-востоке штата. Обвинительная речь была блестящей; прокурор имел лишь одну, но непростительную для чиновника слабость: большую часть своего свободного времени Макаллистер проводил в компании газетчиков. Говорил он убедительно и страстно. Ни у кого из присутствовавших в зале суда не осталось сомнений: этот молодой человек пойдет до конца. Политические амбиции прокурора были и в самом деле грандиозны.

Жюри присяжных состояло из восьми белых граждан и четырех чернокожих. Суду представили осколки стекла, заключения экспертов, кусок бикфордова шнура, фотоснимки и прочие материалы двух предыдущих процессов.

Затем место свидетеля занял одетый в скромную полотняную рубашку Джереми Доган. Со смиренным лицом он поведал присяжным о том, как вступил в преступный сговор («с сидящим во-о-н там мистером Кэйхоллом»), целью которого являлась установка бомбы в офисе юриста Марвина Крамера. Ловя каждое слово, Сэм не сводил с говорившего глаз, однако Доган упрямо смотрел в угол небольшого и уютного зала. Адвокат Кэйхолла более трех часов гневно обличал свидетеля и под конец вынудил его признаться в заключенной с властями сделке. Но для подзащитного урон от показаний Джереми оказался невосполнимым. Даже если бы Кэйхолл вспомнил о Уэдже, вновь вскрывшиеся обстоятельства нисколько не укрепили бы его позиции. Пришлось бы пояснять, что в Гринвилл Сэм прибыл уже с динамитом, что являлся фактическим соучастником, а значит, виновен был ничуть не меньше исполнителя. Подобный оборот дела шел вразрез с интересами защиты. Сэм не выдержал бы перекрестного допроса. Если одна ложь будет покрывать другую, на поверхность неизбежно всплывет истина.

Да и кто в последний момент поверит сказке о мифическом, прямо-таки с потолка упавшем специалисте по взрывам? Кэйхолл хорошо понимал, что даже в качестве соломинки Уэдж никуда не годится. Он ничего не сказал адвокату о Ролли.

Когда Дэвид Макаллистер поднялся со своего места, чтобы произнести заключительное слово обвинения, в битком заполненном зале воцарилась мертвая тишина. Начал прокурор с воспоминаний о тех временах, когда мальчишкой бегал по улицам Гринвилла с ватагой приятелей. Многие были родом из еврейских семей, а подросток и не подозревал, что между ними существуют какие-то различия. Иногда общался с кем-то из Крамеров. Ему врезались в память их доброта и трудолюбие. Эти люди не только брали, они привыкли с радостью и щедро давать своим согражданам. Он часто играл с чернокожими ребятами и знал, какие преданные из них получаются друзья. Непонятно лишь, почему он ходил в одну школу, а его лучшие товарищи – в другую. Никогда не забыть ему и дня 21 апреля 1967 года: ощутив под ногами толчок, мальчик подумал, что началось землетрясение, бросился в центр города, откуда к небу поднималось облако дыма. Три часа он простоял за спинами полицейских, вглядываясь в развалины офиса. Вот мимо пронесли носилки с Марвином Крамером, а чуть позже «скорая» увезла завернутые в белые простыни крошечные тельца близнецов.

По щеке прокурора скатилась одинокая капля. Белоснежными платками утирали глаза присяжные.

В предъявленном Сэму Кэйхоллу 12 февраля 1981 года обвинении фигурировали два умышленных убийства и попытка непредумышленного. Через сутки жюри присяжных вынесло вердикт: виновен. Требуемое наказание – смерть.

Кэйхолла перевезли в Парчман, где и по сей день находится главный тюремный изолятор штата. 19 февраля 1981 года Сэм опустился на скамью смертников.

Глава 4

Под крышей расположенной в Чикаго юридической фирмы «Крейвиц энд Бэйн» мирно и с пользой для общества ладят меж собой около трехсот сотрудников. Точнее говоря, двести восемьдесят шесть, хотя назвать абсолютную цифру довольно трудно: дюжина человек всегда отсутствуют по неотложным делам, а в коридорах неловко переминаются с ноги на ногу две дюжины вышколенных, рвущихся в бой новичков. Однако, несмотря на многочисленный персонал, «Крейвиц энд Бэйн» не спешила дать полновесный отпор соперникам, не захотела глотать мелких конкурентов и сманивать к себе чужую клиентуру. Вот почему в Чикаго ее считали всего лишь третьей по величине. Услугами ее отделений пользовались жители шести городов, но, к неловкому смущению молодых партнеров, лондонский адрес на официальных бумагах фирмы не значился.

Хотя со временем стиль работы высочайших профессионалов несколько смягчился, «Крейвиц энд Бэйн» по-прежнему была известна как весьма въедливый участник любого судебного разбирательства. Безусловно, фирма занималась вопросами недвижимости, налогами, вела дела по антитрестовскому законодательству, и все же главный доход она получала, раз за разом выигрывая изнурительные судебные тяжбы. Новых и перспективных сотрудников кадровики присматривали среди студентов третьего курса, тех, кто отличался умением вести дискуссию и убеждать оппонента в собственной правоте. Предпочтение отдавалось юношам (конечно, от случая к случаю на работу приглашали и молодых женщин), способным за короткое время овладеть искусством мгновенного перехода из обороны в атаку – искусством, отшлифованным поколениями ветеранов фирмы.

Часть сотрудников занимались имущественными исками. В качестве гонорара фирма получала пятьдесят процентов отыгранной суммы, великодушно оставляя клиенту другую половину. Дотошные специалисты вели уголовные дела, и услуги адвоката из «Крейвиц энд Бэйн» обходились подзащитным недешево. Два самых крупных в фирме отдела разрешали споры между предпринимателями и выкручивали цепкие руки страховых компаний. Но основной доход «Крейвиц энд Бэйн» приносили не гонорары, а высокие ставки оплаты изворотливых мозгов ее юристов. Двести долларов в час за работу, связанную со страховыми полисами. Триста – за участие в уголовных процессах. Четыреста платили крупные банки, интересы которых представляли знатоки финансового законодательства. Богатые корпорации раскошеливались даже на пять сотен.

Деньги не ручейком, а полноводной рекой текли в кассу фирмы. Главный ее офис, комфортабельный, но не отмеченный безвкусной роскошью, располагался на последних этажах третьего по высоте небоскреба в Чикаго.

Как и большинство действительно солидных юридических компаний, чьи доходы выражались астрономическими цифрами, «Крейвиц энд Бэйн» имела небольшую секцию *pro bono*⁴ – ведь надо же было возвращать моральные долги обществу! Фирма гордилась своим полноправным партнером, несколько эксцентричным альтруистом Гарнером Гудмэном. Его просторный кабинет, где в приемной сидели две секретарши, находился на шестьдесят первом этаже. Рекламный проспект фирмы особо подчеркивал значимость, которую руководство придавало бескорыстной заботе о благе сограждан. В частности, там упоминалось, что за один лишь 1989 год сотрудники «Крейвиц энд Бэйн» пожертвовали шестидесятью тысячами своих поистине бесценных рабочих часов в пользу неимущих клиентов. Сердобольные юристы опекали оставшихся без родителей детей, осужденных на смерть бедолаг, нелегальных эмигрантов и бездомных. На снимке в проспекте представляли двое молодых адвокатов: без пиджаков, узлы галсту-

---

⁴ Ради общественного блага (*лат.*). Имеется в виду оказание бесплатных услуг малообеспеченным слоям населения.

ков расслаблены, под мышками пятна пота, они стоят в окружении бедно одетых детишек на фоне трущоб. Наши юристы спасают общество!

Одна из таких брошюр лежала в тоненькой папке Адама Холла, неторопливо шагавшего по коридору шестьдесят первого этажа к кабинету Гарнера Гудмэна. Остановившись, Адам заговорил с молодым коллегой: раньше он того в фирме не видел. Перед Рождеством всем сотрудникам выдали нагрудные значки с именами. Люди могли долгие годы работать бок о бок и не знать друг друга – непорядок! Две-три приветственных фразы, и Адам уже входил в приемную. Сидевшая за компьютером секретарша лучезарно улыбнулась:

– Мистера Гудмэна? Будьте добры подождать. – Она кивнула в сторону ряда кресел.

До назначенной на десять утра встречи оставалось пять минут.

«Какое это имеет значение? – подумал Холл. Сейчас его ждет работа pro bono. – Забудь о ставке, выбрось из головы премиальные». В своем рвении творить добро мистер Гудмэн отказывался смотреть на часы.

Адам пролистал папку, усмехнулся, глядя на коллег с фотоснимка, еще раз перечитал собственное резюме: колледж в Пеппердаине, юридическая школа Мичигана, редакторская работа в профессиональном журнале, статьи по вопросам неоправданно жестоких наказаний, заметки о нескольких смертных приговорах. Резюме, конечно, скромное, но для двадцатилетнего специалиста он смотрится неплохо. В фирме «Крейвиц энд Бэйн» Адам Холл успел проработать всего девять месяцев.

За резюме настал черед комментариев Верховного суда страны относительно применения смертной казни в Калифорнии. Пробежав бумаги глазами, Адам сделал несколько выписок. Секретарша поинтересовалась, не хочет ли он кофе, но предложение ее было вежливо отклонено.

Кабинет Гарнера Гудмэна вечно выглядел так, будто по нему только что пронесся смерч. Папкам с делами уже не хватало места на стеллажах, пыльными стопками они высились по углам, валялись, распахнутые, на полу. Груды бумаг покрывали огромный стол. Ковер под ним пестрел скомканными разноцветными конвертами. Если бы не опущенные жалюзи, из окна открывался бы великолепный вид на озеро Мичиган, но хозяин кабинета не располагал временем, чтобы любоваться дивным пейзажем.

Мистер Гудмэн был уже достаточно пожилым мужчиной с пышной седовласой шевелюрой и аккуратной белой бородкой. Туго накрахмаленная рубашка, казалось, скрипом отзывалась на каждое его движение. Темно-зеленый галстук-бабочка находился там, где ему и положено, то есть точно по центру между уголками воротника.

Войдя, Адам осторожно обошел разбросанные по полу бумаги. Гудмэн не поднялся ему навстречу, но нетерпеливым жестом протянул руку. Холл вложил в нее свою папку и уселся на единственный в кабинете свободный стул. Минут десять он с тревогой наблюдал за тем, как сухие белые пальцы переворачивают страницу за страницей, теребят клинышек бородки, проверяют, не сбил ли в сторону галстук.

– Так чем же привлекла вас работа pro bono? – после длительного молчания, не отрывая взгляда от бумаг, монотонно спросил Гудмэн.

Из скрытых динамиков лилась тихая классическая музыка.

– М-м... В общем-то причин несколько... – Адам нервно поерзал на стуле.

– Догадываюсь. Вы горите желанием послужить людям, принести пользу человечеству. Или ваша совесть уже не может мириться с чудовищными гонорами, душа стремится к очищению, а руки соскучились по тяжелому, но благородному труду. – Поверх тонкой металлической оправы очков на Холла смотрела пара холодных голубых глаз. – Верно?

– Не совсем.

– Сейчас ваш напарник – Эммит Уайкофф, так? – Гудмэн взмахнул отзывом старшего партнера, который руководил работой молодого юриста.

– Да, сэр.

– Отличный специалист. Честно говоря, сам я от Эммита не в восторге, но у него блестяще организованный ум. Он входит в тройку наших лучших экспертов по уголовному праву. Зато характер просто невыносимый. Согласны?

– Мы неплохо ладим друг с другом.

– И как долго?

– С самого начала. Девять месяцев.

– Значит, вы у нас уже девять месяцев?

– Да, сэр.

– Нравится здесь? – Закрыв папку, Гудмэн снял очки и стиснул их правую дужку крепкими зубами.

– Я люблю свою работу.

– Еще бы. Но почему вы выбрали именно нашу фирму? Перед вами распахнула бы двери любая контора. Почему вы пришли к нам?

– Меня привлекают уголовные дела. А у «Крейвиц энд Бэйн» в этой сфере весьма прочная репутация.

– Сколько вы получили предложений? Уж простите любопытного старика.

– Не помню.

– И откуда?

– Главным образом они поступали из федерального округа Колумбия. Одно, правда, было из Денвера. Нью-йоркские фирмы меня не интересовали.

– Какой же оклад мы вам дали?

Адам нервно раздвинул колени. Неужели Гарнер, партнер, не знает, сколько фирма платит новичку?

– Что-то около шестидесяти тысяч. А ваш? Впервые за время беседы Гудмэн улыбнулся:

– Четыреста тысяч долларов в год. Такая сумма позволяет боссам непринужденно трепать языками о социальной защищенности бедных юристов. Четыреста тысяч, верите?

Слухи об этом до Адама доходили.

– Но вы не жалуетесь, а?

– Нет. Считаю себя счастливейшим представителем нашей профессии. Мне платят сумасшедшие деньги за работу, которая не приносит ничего, кроме удовольствия. Я не занимаюсь скрупулезными калькуляциями часов, за которые платит клиент. Мечта всякого юриста! Вот почему я до сих пор каждый день прихожу в офис. А ведь мне скоро семьдесят.

Сотрудники фирмы шепотом делились с новичками легендой: на заре юности Гудмэн не выдержал душевного напряжения и стал частенько заглядывать на доньшко бутылки. Через год он напоминал выжатый лимон. Только когда, прихватив детей, от мужа-алкоголика ушла супруга, Гудмэн сумел каким-то образом убедить партнеров фирмы в том, что еще на что-то способен.

– Чем конкретно завалил вас коллега Эммит?

– В основном исследовательской работой. Сейчас он разбирает тяжбу строительной компании с министерством обороны, и почти все мое время уходит на проверку многочисленных контрактов. На прошлой неделе я направил ходатайство в суд. – Последнюю фразу Адам произнес с ноткой гордости в голосе. Обычно новичков выдерживали на коротком поводке не менее года.

– Настоящее ходатайство? – Гудмэн был поражен.

– Так точно, сэр.

– В настоящий суд?

– Да, сэр.
– Реальному судье?
– Совершенно верно.
– И кто победил?
– Окончательное решение еще не принято, но оно будет в мою пользу. Я не оставил судейскому чиновнику ни шанса.

Гудмэн второй раз улыбнулся и на этом поставил точку в игре.

Вновь раскрыв папку, он сказал:

– Эммит дает вам солидные рекомендации. Очень на него не похоже.
– Воздаст должное таланту, – позволил себе улыбнуться и Адам.
– Однако ваша просьба в высшей мере необычна, мистер Холл. Все-таки чем она вызвана?

Адам кашлянул. Опять в душе поднялось тревожное чувство, он судорожно свел колени.

– Видите ли, речь идет о смертном приговоре.
– О смертном приговоре? – переспросил Гудмэн.
– Да, сэр.
– Но почему?
– Я против смертной казни.
– Как и все мы, мистер Холл. У меня вышло несколько книг на эту тему. Пару десятков таких дел я вел сам. Зачем вы-то решили туда полезть?

– Я читал ваши книги. Просто хочу помочь.

Захлопнув папку, Гарнер швырнул ее на стол. В воздух вспорхнули клочки бумаги.

– Вы слишком молоды и неопытны.
– Думаю, вам придется изменить мнение.
– Послушайте, мистер Холл, одно дело посоветовать клиенту хорошее вино, и совсем другое – представлять интересы осужденного на казнь. В ваших руках жизнь и смерть человека. Это огромная ответственность, сынок. Во всяком случае, никак не развлечение.

Адам кивнул, но не произнес ни звука. Не моргая, он смотрел Гудмэну прямо в глаза. Негромко прозвенел телефон, однако никто не повернул к нему головы.

– Дело уже открыто? Или вы нашли фирме нового клиента?
– Дело Кэйхолла, сэр, – медленно выговорил Адам. Гудмэн подергал за кончик галстука.
– Сэм Кэйхолл указал нам на дверь. Неделю назад суд подтвердил, что он имеет право отказаться от наших услуг.

– Я ознакомился с точкой зрения суда. Но приговоренному необходим адвокат.
– Черта с два! Через три месяца душа его отправится в преисподнюю – с помощью адвоката или без таковой. Скажу откровенно: буду рад навсегда забыть о Кэйхолле.

– Ему необходим адвокат, – повторил Адам.
– Он сам представляет собственные интересы, причем делает это мастерски. Сам пишет ходатайства, заявляет протесты, сам роется в справочной литературе. По слухам, дает даже практические советы другим заключенным, правда, исключительно белым.

– Я от корки до корки изучил его досье.

Гудмэн водрузил очки на переносицу, задумался.

– Но это же полтонны бумаг! Зачем?
– Дело Кэйхолла меня словно околдовало. Я наблюдал за ним годами, читал все, что попадалось под руку. Вы спрашивали, почему я выбрал «Крейвиц энд Бэйн»... Так вот, откровенность за откровенность: с самого начала я горел желанием взять это дело на себя. Фирма ведет его pro bono уже восемь лет, если не ошибаюсь?

– Семь, но они похожи на двадцать. Общение с мистером Кэйхоллом – штука не из приятных.

- Охотно верю. Особенно если учесть, что почти десятилетие он провел в одиночке.
- Лекции о жизни за решеткой можете читать другим, мистер.

Вы в тюрьме-то когда-нибудь бывали?

– Нет.

– А я сподобился. Я видел камеры смертников в шести штатах. Когда во время нашей беседы Сэм Кэйхолл приковывали к ножке табурета, он осыпал меня ужасными проклятиями. Это нераскаявшийся грешник и законченный расист, ненавидящий окружающих. Он и вас возненавидит... если вы встретитесь.

– Я так не думаю.

– Вы юрист, мистер Холл. А юристов Сэм ненавидит больше, чем чернокожих и евреев, вместе взятых. Почти десять лет он смотрит смерти в лицо, считая себя жертвой заговора злокозненных адвокатов. Он два года мечтал отправить нас ко всем чертям. Время, затраченное на то, чтобы удержать его среди живых, обошлось фирме в два миллиона долларов! Но старого пердуна это не удовлетворило. Сколько раз он отказывался от встречи с нашими людьми, когда те специально приезжали в Парчман! Он рехнулся, мистер Холл. Подыщите себе что-нибудь другое. Как насчет преступлений против несовершеннолетних, а?

– Благодарю покорно. Меня больше волнует проблема смертной казни. Я одержим мыслью о деле Кэйхолла, скажем так.

Гудмэн поправил очки, откинулся к спинке кресла, провел ладонью по хрустнувшему крахмалом полотну рубашки.

– В чем же, позвольте спросить, причина вашей одержимости?

– Уж больно необычна история этого Сэма, разве нет? Куклукс-клан, движение за гражданские права, террористические акты, кровь невинных детей. Тот период времени богат на события. Казалось бы, далекое прошлое, но миновало-то всего двадцать пять лет. У меня волосы дыбом встают.

Под потолком медленно и беззвучно вращались лопасти вентилятора. В напряженной тишине прошла минута, затем другая. Сев прямо, Гарнер Гудмэн уперся локтями в стол.

– Мистер Холл, приветствую ваш интерес к работе про бопо и спешу уверить: ее у нас очень и очень много. Рекомендую только найти другой проект. Тот, что вы выбрали, не подходит для спектакля, который ставят студенты-старшекурсники юридических факультетов.

– Я не студент.

– Сэм Кэйхолл категорически отказался от наших услуг. Боюсь, вы этого так и не поняли.

– Я хочу встретиться с ним.

– Для чего?

– Думаю, он все же разрешит мне представлять его интересы.

– Неужели?

Набрав в грудь воздуха, Адам поднялся и, лавируя меж стопками папок, подошел к окну. Еще один глубокий вдох. Хозяин кабинета терпеливо ждал.

– Раскрою вам секрет, мистер Гудмэн. На сегодняшний день о нем знает лишь Эммит Уайкофф, да и то потому, что у меня не было выхода. Пусть это останется между нами, хорошо?

– Я весь внимание.

– Вы даете слово?

– Я даю слово, – отчетливо выговорил Гудмэн.

Раздвинув полоски жалюзи, Адам бросил взгляд на озерную гладь, по которой скользила белоснежная яхта, и спокойно произнес:

– Сэм Кэйхолл приходится мне родственником. Гудмэн и бровью не повел.

– Ясно. Далеким?

– У него был сын, Эдди Кэйхолл. После ареста отца Эдди, чтобы избежать позора, переехал в Калифорнию, сменил имя и постарался забыть прошлое. Однако рок настиг его и на

побережье. Узнав в восемьдесят первом году, что отца приговорили к смерти, Эдди покончил с собой.

Заинтригованный пожилой юрист сместился на самый краешек кресла.

– Я – сын Эдди Кэйхолла. Гудмэн едва слышно присвистнул.

– Выходит, Сэм Кэйхолл – ваш дед?

– Да. До семнадцати лет я ничего об этом не знал. По дороге с похорон отца о деде рассказала мне его родная сестра, моя тетка.

– Уфф!

– Вы дали слово.

– Можете не напоминать. – Пересев на стол, Гудмэн пошевелил мысками ботинок, уставился взглядом в наглухо закрытые жалюзи. – А Сэму известно?..

– Нет. Я появился на свет в округе Форд, Миссисипи. Городок называется Клэнтон, не Мемфис, хотя мне всегда говорили, что родился я в Мемфисе. Звали меня тогда Алан Кэйхолл, но и это я выяснил много позже. Когда мне исполнилось три года, родители уехали из штата и никогда больше не вспоминали о нем. Мать уверена, что со дня отъезда контакт между Эдди и Сэмом так и не был восстановлен. Она написала о смерти мужа в тюрьму, но ответа не получила.

– Черт, черт, черт! – неслышно шептал Гудмэн.

– До конца еще далеко, мистер Гудмэн! Наше семейство – не подарок.

– В этом нет твоей вины, сынок.

– По воспоминаниям матери, отец Сэма являлся активным членом Клана, принимал участие в судах Линча. Наследственность у меня, видите ли, не из лучших.

– Но отец-то был другим!

– Отец наложил на себя руки. Не хочу углубляться в детали, но это я обнаружил его тело и успел до прихода домой матери и сестры убрать самые неприятные свидетельства свершившегося.

– Вам было тогда семнадцать лет?

– Почти семнадцать. Восемьдесят первый год, то есть девять лет назад. А потом, после похорон, тетка рассказала правду. Мрачная история Сэма Кэйхолла запала мне в душу. Я часами просиживал в библиотеках, листал подшивки газет, журналы. Информации в них было с избытком. Я выучил наизусть приговоры всех трех судов, слово в слово вытвердил каждую апелляцию. Поступив в юридическую школу, стал собирать материалы о том, как вела дело Кэйхолла ваша фирма. На мой взгляд, работа, которую вы проделали вместе с Уоллесом Тайнером, может считаться эталонной.

– Лестно слышать.

– Я прочитал сотни книг и тысячи статей, посвященных Восьмой поправке⁵ и применению смертной казни. Четыре книги были написаны вами, со статьями сложнее, не помню. Конечно, в этой фирме я лишь новичок, но в данном вопросе подкован, кажется, неплохо.

– Полагаете, Сэм доверится вам как юристу?

– Не знаю. Но он – мой дед. Я просто должен увидеть его.

– Вы говорили, никаких контактов?

– Никаких. Лица Сэма я абсолютно не помню. Много раз намеревался написать ему, но письма оставались неотправленными. Не могу сказать почему.

– Это и так понятно.

– А вот мне ничего не понятно, мистер Гудмэн. Не понимаю, для чего я пришел сейчас в этот кабинет. Я мечтал стать летчиком, но начал изучать юриспруденцию – потому что слышал

---

⁵ Восьмая поправка к конституции США гласит: «Не должны требоваться чрезмерные залоги, не должны налагаться чрезмерные штрафы, не должны назначаться жестокие и необычные наказания». Является частью Билля о правах.

некий внутренний зов. Будто кто-то молил меня о помощи. Наверное, этим «кем-то» и был мой свихнувшийся дед. Мне сделали пять заманчивых предложений, а я выбрал вашу фирму. У нее одной хватило мужества представлять интересы осужденного на казнь и не требовать за свой адский труд гонорара.

– Об этом следовало сказать еще до того, как вас приняли.

– Да, пожалуй. Но никто и не спрашивал, является ли мой дед клиентом фирмы.

– И все же не стоило быть таким скрытным.

– Что же, теперь меня уволят?

– Сомневаюсь. Чем вы занимались последние девять месяцев?

– Девяносто часов в неделю проводил в этих стенах. Спал на рабочем столе, обедал в библиотеке, грыз сборники постановлений Верховного суда, готовясь к экзамену по адвокатуре. Словом, проходил обкатку, которой вы подвергаете каждого новичка.

– Считаете ее идиотской затеей?

– У меня крепкий хребет. – Адам вновь приник глазом к щелочке в жалюзи. – А почему бы вам не поднять их? Отсюда открывается отличный вид.

– Я любовался им не раз.

– За такой не жалко отдать и душу. В моей каморке вообще нет окна.

– Работай, сынок, аккуратно подбивай счета, и в один прекрасный день этот кабинет станет твоим.

– Только не моим.

– Собираетесь нас покинуть, мистер Холл?

– Очень может быть... как-нибудь потом. Но пока пусть это тоже останется моим секретом. Пару-тройку лет поработаю здесь, а затем надеюсь открыть собственную контору. Знаете, где не нужно будет смотреть на часы. Меня больше привлекает бескорыстная деятельность на благо общества. Типа той, что заняты вы. *Pro bono*.

– Значит, проведенные в стенах «Крейвиц энд Бэйн» девять месяцев вас разочаровали?

– Нисколько. Однако разочарование неизбежно. Не хочу тратить жизнь на то, чтобы защищать состоятельных мошенников и изворотливые корпорации.

– В таком случае вы явно ошиблись с выбором места работы. Приблизившись к столу, Адам в упор посмотрел на Гудмэна:

– Именно так. Поэтому прошу вас о переводе. Уайкофф согласится отпустить меня на несколько месяцев в Мемфис, где я вплотную займусь делом Кэйхолла. Будем считать это отпуском, но с полным содержанием, конечно.

– Что еще?

– В общем-то ничего другого нет. Неплохой выход, согласитесь. Ведь здесь я – новичок, всего лишь один из многих. Но у вас полно бойких юношей, готовых работать по восемнадцать часов в сутки и закрывать своими счетами целых двадцать.

Гудмэн расслабился, на лице его появилась мягкая улыбка. Качнув головой, юрист негромко заметил:

– Признайся, сынок, ты все спланировал заранее. Я имею в виду, ты выбрал нашу фирму потому, что она защищала Сэма Кэйхолла, потому, что у нас есть офис в Мемфисе.

Адам повел плечом:

– Так сложилось. Я не знал, когда наступит этот момент, но план у меня действительно имелся. Только не спрашивайте, каким будет мой следующий шаг.

– Сэму осталось всего три месяца, если не меньше.

– Я в любом случае должен что-то делать, мистер Гудмэн. Не позволит мне фирма взять его дело – что ж, тогда я, наверное, уйду и попробую действовать на свой страх и риск.

Гарнер по-юношески ловко спрыгнул со стола.

– Не спешите совершить глупость, мистер Холл. Проблема вполне разрешима. Но мне потребуется известить обо всем Дэниела Розена, управляющего. Думаю, он согласится.

– Репутация у него пугающая.

– И все-таки обещаю переговорить с ним.

– Он может согласиться – с вашей подачи.

– Я в этом не сомневаюсь. Перекусить не желаете? – Гудмэн снял со спинки кресла пиджак.

– Самую малость.

– Пошли.

Народу в крошечном ресторанчике за углом почти не было. Мужчины уселись за небольшой столик у окна, выходившего на проезжую часть. Поток машин едва двигался, между ними суетливо лавировали озабоченные пешеходы. Официант принес Гудмэну увесистый кусок жирного паштета из гусяной печенки, Адам заказал чашку куриного бульона.

– Сколько сейчас в Миссисипи человек осуждены на смертную казнь? – спросил старший.

– Месяц назад их было сорок восемь. Двадцать пять чернокожих и двадцать три белых.

Последний раз приговор приводился в исполнение два года назад. В газовую камеру вошел тогда Уилли Пэррис. На очереди Сэм Кэйхолл, и спасти его может только маленькое чудо.

Гудмэн торопливо прожевал толстый бутерброд, вытер салфеткой губы.

– Я бы сказал – большое чудо. В юридическом плане пространства для маневра почти не осталось.

– Если не считать новой апелляции.

– Разговор о стратегии лучше отложить. Полагаю, вы ни разу не были в Парчмане?

– Ни разу. Узнав от тетки правду, я намеревался вернуться в Миссисипи, но из этого ничего не вышло.

– Парчман представляет собой нечто вроде огромной фермы в дельте реки, по иронии судьбы расположен он совсем неподалеку от Гринвилла. Общая площадь – около семнадцати тысяч акров. Жара там стоит как в аду. Тюрьма находится на автостраде номер сорок девять, точнее говоря, чуть западнее. Целый комплекс зданий. Территория ближе к дороге занята администрацией, нет даже ограды. Вокруг разбросаны около тридцати лагерей, за колючей проволокой, естественно, с вышками охраны. Каждое поселение надежно изолировано. Иногда их разделяют мили. Едешь и видишь сотни слоняющихся без дела заключенных. Одеты в разноцветные тюремные комбинезоны – цвет соответствует сроку. Издалека обитатели напоминают сборище чернокожей молодежи: сидят на ступеньках, курят, кто-то играет в баскетбол, кто-то валяется на траве. Время от времени – очень редко! – мелькает белое лицо. Под колесами машины негромко скрипит гравий, и примерно через полчаса езды ты оказываешься у абсолютно невинного одноэтажного домика с плоской крышей. Его окружает высокая стена, по углам – будки охраны. Постройка, должен сказать, довольно современная. Безусловно, существует какое-то официальное название, но в народе домик известен просто как Скамья.

– Дивное, судя по всему, местечко.

– Я-то предполагал увидеть мрачную темницу, где с потолка падают капли воды. А это всего лишь безобидный коттедж посреди хлопкового поля. В других штатах Скамья выглядит намного страшнее.

– Мне не терпится посмотреть на нее.

– Вы к такому зрелищу еще не готовы. Это жуткий дом, квартиранты которого безвольно ждут смерти. Вернувшись из Парчмана, я неделю не мог спать. – Гудмэн отхлебнул кофе. – Не знаю, что вы ощутите, когда окажетесь там. Даже если подзащитный является для тебя человеком совершенно посторонним, Скамья производит очень тягостное впечатление.

– Для меня Кэйхолл и есть посторонний.

– Как вы ему скажете?..

– Пока не представляю. Слова найдутся. Я уверен, что план сработает.

– Все это как-то дико.

– Моя семья и была дикой.

– По-моему, Сэм имел двух детей. У него еще росла дочь. Слишком уж много воды утекло с той поры, начинаю забывать. В основном с Кэйхоллом общался Тайнер, вы же знаете.

– Его дочь – моя тетка, Ли Кэйхолл Бут. Она давно хочет забыть свое девичье имя. Вышла в Мемфисе замуж за весьма состоятельного человека, владельца то ли одного, то ли двух банков. О существовании ее отца известно только супругу.

– А где ваша мать?

– В Портленде. Несколько лет назад нашла себе второго спутника жизни. Пару раз в год звоню ей. Семья у нас, мягко говоря, не самая дружная.

– Откуда же взялись средства на учебу в Пеппердаине?

– Страховка. Отцу не везло с работой, но ему хватило ума оформить страховой полис. Срок действия договора закончился года за три до самоубийства.

– Сэм никогда не рассказывал о своей семье.

– А семья не вспоминала о Сэме. Его супруга, моя бабка, умерла, так и не успев узнать о приговоре. Тогда я об этом не знал. Сведения о собственной генеалогии я по крохам выпытывал у матери, которая старательно пыталась забыть прошлое. Понятия не имею, как заведено в нормальных семьях, мистер Гудмэн, но мы очень редко собираемся вместе, и, когда такое происходит, нас меньше всего тянет на воспоминания. Чересчур много в нашем прошлом темных пятен.

Сжимая в пальцах корочку хлеба, Гудмэн внимательно слушал.

– Вы говорили о сестре.

– Да, о Кармен. Ей двадцать три года. Умная, привлекательная девушка, заканчивает учебу в Беркли. Родилась она в Лос-Анджелесе и не прошла через унижительную смену имени. Я поддерживаю с ней связь.

– Она знает?

– Да. Тетка поделилась правдой со мной, а после похорон отца мать попросила рассказать обо всем и Кармен. Тогда ей было четырнадцать. Не помню, чтобы сестра хоть раз поинтересовалась Сэмом Кэйхоллом. Каждый член семьи желал Сэму в душе тихо и незаметно уйти из нашей жизни.

– Их желание вот-вот осуществится.

– Но тихо не выйдет. Так, мистер Гудмэн?

– Так. Это никогда не бывает тихо. На короткий, но невыносимо мучительный миг Сэм Кэйхолл станет знаменитостью. Телевидение вновь покажет старые кадры: дымящиеся после взрыва руины, толпу кукуклуксклановцев у здания суда и прочее. Вновь закипят споры вокруг проблемы смертной казни. В Парчман ринутся представители прессы. А потом Сэма убьют, и через два дня общество обо всем позабудет. Обычное дело.

Адам помешал ложкой бульон, достал из него цыплячье крылышко, осмотрел, осторожно опустил в чашку. Есть ему не хотелось. Покончив с паштетом, Гудмэн сделал глоток кофе.

– Мистер Холл, вы ведь не рассчитываете, что все пройдет тихо?

– У меня была такая надежда.

– Оставьте ее.

– Мать умоляла меня ничего не делать. Сестра говорить не пожелала на эту тему. А тетю пугает даже отдаленная возможность того, что все выплывет и на нашем будущем можно будет поставить крест.

– Возможность не такая уж отдаленная. Пресса отыщет в семейных альбомах порыжевшие фотографии, где вы мальчиком сидите на коленях у Сэма. Выразительнейший снимок,

мистер Холл. Подумайте о заголовках: «Давно забытый внук прилагает героические усилия, чтобы спасти осужденного на смерть деда».

– Мне даже нравится.

– Действительно, звучит неплохо. Наша маленькая фирма окажется в центре внимания.

– Да, и возникнет еще один щекотливый вопрос.

– Вряд ли. Среди сотрудников «Крейвиц энд Бэйн» нет трусов, Адам. Мы переживали в Чикаго и худшие времена. Город знает нас как отъявленных пройдох. У юристов толстая кожа, сынок. За фирму можешь не беспокоиться.

– Значит, вы согласны?

Гудмэн швырнул на стол салфетку, поднес к губам чашку с кофе.

– О, идея великолепна, при условии, что ваш дед не пошлет ее ко всем чертям. Сумеете его убедить – и окажетесь на коне. Вы станете полководцем, Адам. Коллеги помогут. Я тоже обещаю вам поддержку. Но потом его казнят, и вы себе этого не простите. Я был свидетелем смерти трех клиентов, мистер Холл, причем одного казнили там, в Миссисипи. Вы превратитесь в другого человека.

Улыбнувшись, Адам перевел взгляд за окно, на оживленную толпу прохожих.

– Мы будем рядом, – продолжал между тем Гудмэн. – Вас не бросят.

– Значит, надежда все-таки есть?

– Мизерная. О стратегии поговорим позже. Сначала я встречусь с Дэниелом Розеном. Полагаю, вас ждет долгая беседа. Потом вам необходимо повидать Сэма. Воссоединение семьи, скажем так. Это – самое трудное. Если Сэм даст добро, мы начнем действовать.

– Спасибо.

– Не благодарите, Адам. Сомневаюсь, что в конечном итоге вы захотите пожать мне руку.

– Тем не менее – спасибо.

Глава 5

Долго ждать беседы с Дэниелом Розеном Адаму не пришлось. Через три часа после телефонного звонка Гудмэна в маленьком конференц-зале по соседству с кабинетом управляющего собрались четверо мужчин. То, что разговор состоится во владениях Розена, немало беспокоило молодого юриста.

Сотрудники «Крейвиц энд Бэйн» считали главу фирмы лишенным всяких человеческих чувств монстром – и это несмотря на два перенесенных Розеном инфаркта, которые несколько смягчили его негибкую волю. В течение тридцати лет Дэниел Розен являлся безжалостным судьей для собственных подчиненных и самым грозным противником государственного чиновничьего аппарата. До первого сердечного приступа он успел прославиться своим немислимым рабочим графиком: девяносто часов в неделю, полночные бдения, беготня по коридорам до одури сонных ассистентов. От него ушли четыре жены и пять секретарш. Всего несколько лет назад Розен играл в фирме роль осязаемой и весьма мощной пружины. Но времена эти миновали. Врачи ограничили его неделю пятьюдесятью часами, и отбывать их приходилось исключительно в стенах офиса. Доступ к залам суда был для «монстра» закрыт.

Тогда с единодушного благословения коллег Дэниел Розен возложил на свои плечи заботу о рутинных буднях юридической фирмы. Он превратился в настройщика капризного бюрократического механизма, заправлявшего всей деятельностью «Крейвиц энд Бэйн». Партнеры, по их собственным словам, удостоили Дэниела высочайшей чести.

Последствия этого шага ужасали. Лишившись возможности присутствовать на поле битвы, Розен установил в фирме порядки, которые напоминали подготовку к серьезной судебной тяжбе. По самому банальному поводу он подвергал трепетавших от страха сотрудников перекрестным допросам. Он часами мучил партнеров, навязывая им обсуждение неясных перспектив. В собственный кабинет, ставший узилищем, он вызывал новичков и принимался запугивать их, проверяя на прочность.

Ступив в зал, Дэниел Розен намеренно опустил за стол напротив Адама, мрачно раскрыл тонкую папку. Гудмэн сел рядом с молодым юристом, пальцы его задумчиво поглаживали клинышек бородки. Когда в телефонном разговоре он поведал управляющему о родственных связях Холла, партнер лишь многозначительно усмехнулся.

У входной двери стоял, прижимая к уху сотовый телефон, Эммит Уайкофф. Пятидесятилетний, он выглядел намного старше своих лет. Недоброжелатели утверждали, будто рабочий день Эммит всегда начинается в состоянии, близком к панике.

Из раскрытой папки Розен достал объемистый разлинованный блокнот.

– Почему во время прошлогоднего интервью вы ни словом не обмолвились о своем деде? – Фраза прозвучала как автоматная очередь.

– Потому что меня о нем никто не спрашивал, – невозмутимо ответил Адам. Гудмэн предупреждал: беседа будет трудной, но в конце они все-таки одержат победу.

– Посмотрите на этого умника!

– Хватит ерничать, Дэниел. – Гудмэн покосился на Эммита – отрицательно качнув головой, тот уставился в потолок.

– Не думаете ли вы, мистер Холл, что нас следовало поставить в известность о своем родстве с одним из клиентов? – В столь насмешливом тоне Розен привык обращаться к уличенным во лжи свидетелям.

– В тот момент вы интересовались чем угодно. – Спокойствие не изменило Адаму. – Помните? Дактилоскопия, предложение пройти тест на полиграфе...

– Помню, мистер Холл. Но вы знали то, о чем мы не могли и подозревать. Ваш дед являлся клиентом фирмы, куда вы пришли устраиваться на работу. Вы должны были сказать об этом. –

Голос Розена повышался и понижался, как у хорошего актера, глаза неотступно следили за Адамом.

– Отец моего отца – не типичный добрый дедушка.

– И все-таки он – ваш дед. Обращаясь в фирму, вы знали, что он был ее клиентом.

– Тогда приношу извинения. У фирмы тысячи клиентов, и каждый платит неплохие деньги за ее услуги. Никогда не думал, что дело, которое велось нашими юристами pro bono, послужит причиной подобного разбирательства.

– Это вероломно, мистер Холл. Вы сознательно выбрали нас, поскольку фирма представляла интересы вашего родственника. А теперь вдруг хотите взять на себя его дело. Такая просьба ставит всех нас в очень неловкое положение.

Что еще за неловкое положение? – протянул Уайкофф, складывая сотовый телефон и пряча его в карман. – Слушай, Дэниел, речь идет о приговоренном к смерти. Человеку нужен адвокат, черт побери!

– Другими словами, его собственный внук?

– Да кому какое дело? Бедняга одной ногой уже в могиле. Направь к нему адвоката!

– Не забывай, он сам от нас отказался.

– Да, и сам же наймет вновь. Остынь. Почему бы не попытаться?

– Вот что, Эммит, авторитет фирмы – это моя забота. Меня несколько не прельщает идея послать сотрудника в Миссисипи, где его клиента без излишних проволочек зашьют в казенный саван. Если по совести, то мистер Холл должен быть просто уволен.

– Великолепно, Дэниел. Великолепно! Классический пример того, как одним ударом плеча разрешается деликатный вопрос, – веско бросил Уайкофф. – Кто же, по-твоему, поедет в Парчман? Старику необходим адвокат, и Адам – его единственный шанс!

– Да поможет Сэму Господь, – пробормотал Розен.

– Авторитет фирмы? – счел своим долгом вмешаться Гудмэн. – Считаешь, люди видят в нас горстку полуголодных работников социальной сферы? Неудачников, что ищут забвения в бескорыстном труде?

– Или занятых благотворительностью монахов? – поддержал коллегу Уайкофф.

– Что конкретно угрожает авторитету фирмы? – спросил Гарнер.

Не в привычке Розена было сдаваться без боя.

– Сейчас объясню. Фирма не посылает своих новичков на Скамью. Мы можем посмеиваться над ними, можем убивать их двадцатичасовым рабочим днем, но мы не имеем права отправлять их, зеленых и неопытных, в настоящий бой. Вы оба хорошо знаете порядок рассмотрения дел, по которым вынесен смертный приговор. Эй, Гарнер, ты же писал об этом книги! Думаешь, мистер Холл справится?

– Я буду контролировать каждый его шаг.

– Адам – отличный специалист, – добавил Эммит. – Досье деда он выучил наизусть.

– Справится, – убежденно произнес Гудмэн. – Верь мне, Дэниел. Я на своем веку повидал достаточно.

– При нужде готов даже слетать туда, чтобы помочь парню, – вновь подал голос Уайкофф.

– Ты – и pro bono? – с изумлением повернулся к нему Гарнер.

– Ну... У меня тоже есть совесть.

Оставив без внимания перепалку, Адам не сводил глаз с Дэниела Розена. «Давай увольняй, – думал он. – Смелее, мистер Розен! Гоните меня взащей на похороны деда, а я уж посмотрю, как мне быть».

– Но если приговор все же приведут в исполнение? – обратился управляющий к Гудмэну.

– Нам уже приходилось терять клиентов, Дэниел. Если не ошибаюсь, таких было трое.

– Какова ближайшая перспектива осужденного?

– Хороший вопрос! Сейчас пока еще действует отсрочка приговора, но суд в любой момент может пересмотреть свое решение и назначить новую дату. Скорее всего она окажется ближе к концу лета.

– Времени не так много.

– Пожалуй. Однако мы семь лет слали апелляции, и каждая себя оправдала.

– Как получилось, что из всех смертников нам достался именно этот ядовитый старикан?

– Долгая история. К нашему разговору она не имеет ни малейшего отношения.

С чрезвычайно озабоченным видом Розен черкнул что-то в лежащем на столе блокноте.

– Надеюсь, вы не думаете, что удастся избежать шума?

– Все может быть.

– Ха! Незадолго до казни жертва превратится в героя. Репортеры поднимут бурю. Ваше имя будет на устах у толпы, мистер Холл.

– И что?

– А представьте себе заголовки центральных газет: «Внук приходит спасти деда!»

– Оставь, Дэниел. Это мы уже проходили, – буркнул Гудмэн.

Однако Розен не успокаивался:

– Пресса съест вас живьем, мистер Холл. Подноготную вашей семьи узнает вся страна.

– Но ведь мы, юристы, боготворим прессу, мистер Розен, – холодно отозвался Адам. – Мы привыкли к свету юпитеров. Вы же никогда...

– Вот именно, – перебил его Гудмэн. – Дэниел, вряд ли стоит советовать молодому человеку держаться подальше от газетчиков. Вспомни лучше собственный опыт.

– Прошу тебя, Дэниел, не трогай прессу, выбери для нравоучений другую тему, – с язвительной усмешкой вставил Уайкофф. – Эй, ты же писал книги!

На мгновение Розен смутился. Адам заметил промелькнувшую по его лицу тень.

– В целом, – сказал Гудмэн, окидывая взглядом стеллажи с книгами, – я одобряю замысел. Он очень неплох, а для секции pro bono является просто находкой. Сам подумай: молодой юрист вступил в схватку за жизнь знаменитого убийцы, и юрист этот – сотрудник «Крейвиц энд Бэйн»! Да, писаки будут слюной исходить, но нам-то что?

– Идея превосходна, – категорически заявил Эммит под раздавшуюся из кармана негромкую трель сотового телефона. Вытащив плоскую коробочку, он повернулся спиной к столу и зашептал в трубку.

– Но если Сэму суждено умереть? Не окажемся ли мы в дураках? – спросил Розен.

– Конечно, суждено. Поэтому-то он и сел на Скамью, – терпеливо пояснил Гудмэн.

Тихое бормотание Эммита смолкло.

– Простите, мне пора, – бросил он, делая шаг к двери. – На чем мы остановились?

– Не нравится мне все это! – с явным раздражением в голосе произнес Розен.

– Дэниел! Вечный упрямец! – Уайкофф вернулся к столу. – Ты же понимаешь: план отличный. Ты лишь обижен на то, что парень не открылся нам с самого начала.

– Вот именно. Нас обманули, а теперь хотят нами воспользоваться.

Адам сделал глубокий вдох и покачал головой.

– Спокойно, Дэниел. Интервью было год назад, оно в прошлом. Забудь, старина! Сейчас на повестке дня стоит более важный вопрос. У парня превосходные мозги, работает он безукоризненно, чертовски дотошен. Такому приобретению следует радоваться. Ну, проблемы с семьей. Что нам, гнать всех сотрудников, у которых сложности с родственниками? – Уайкофф подмигнул Адаму. – Даже секретарши считают его восходящей звездой. Пусть едет! И пусть побыстрее возвращается. Он нужен мне здесь! Все, бегу. – За спиной Эммита негромко хлопнула дверь.

В наступившей тишине слышно было, как Розен что-то яростно черкает в блокноте. Положив через минуту ручку на стол, он закрыл папку. В душе Адама шевельнулось чувство,

похожее на жалость. Вот сидит перед ним овеянный славой воитель, легендарный флибустьер, годами нагонявший страх на судей, гипнотизировавший присяжных и беспощадно расправлявшийся с противником. Сидит, водит пером по бумаге, не находя в себе мужества ответить на простейший вопрос: справится ли мальчишка с делом pro bono? Жалость не помешала Адаму ощутить иронию момента.

– Я дам вам мое согласие, мистер Холл, – низким, полным драматизма голосом произнес Розен; видно было, что говорил он неохотно. – Но обещаю: когда вы вернетесь в Чикаго, я буду рекомендовать правлению фирмы отказаться от ваших услуг.

– Это может оказаться излишним, – моментально среагировал Адам.

– Вы проникли сюда обманом.

– Я уже принес извинения. Больше такого не повторится.

– Вы слишком большой умник.

– Как и вы, мистер Розен. Назовите юриста, который не был бы большим умником.

– Какая находчивость! Наслаждайтесь делом Кэйхолла, мистер Холл, потому что оно – последнее ваше дело в этих стенах.

– Вы хотели сказать: наслаждайтесь исполнением приговора?

– Остынь, Дэниел, – мягко произнес Гудмэн. – Расслабься.

Никто никого не уволит.

Розен предупреждающе поднял указательный палец:

– Клянусь, ноги его здесь не будет.

– Ты можешь только рекомендовать, Дэниел. Я поставлю вопрос перед правлением, а там посмотрим, хорошо?

– Не опоздай! – Розен резко поднялся из-за стола. – Завтра же поговорю с нужными людьми. К концу недели большинство голосов останется за мной, гарантирую. Всех благ! – Стремительным шагом управляющий покинул конференц-зал.

Некоторое время оба мужчины сидели молча.

– Спасибо, – наконец нарушил тишину Адам.

– В принципе, он вовсе не зануда.

– Ну что вы! Само очарование.

– Мы уже долгое время знаем друг друга. Сейчас он страдает, чувствует себя совершенно раздавленным. Ума не приложу, что с ним делать.

– На пенсию уйти ему не предлагали?

– Уж больно деликатная это проблема. Пока еще ни одного партнера не вынуждали подать в отставку. По вполне понятным причинам такой прецедент весьма нежелателен.

– Он действительно хочет меня уволить?

– Не беспокойтесь, Адам, этого не произойдет, даю слово. Вы совершили ошибку, но грех не так уж велик. Ваш поступок абсолютно понятен. Молодость плюс наивность плюс желание помочь. Выбросьте Розена из головы. Сомневаюсь, что через три месяца он будет по-прежнему сидеть в своем кресле.

– Скажете, в глубине души он мной восхищается?

– Это очевидно.

С шумом выдохнув, Адам поднялся, зашагал вокруг стола.

Гудмэн достал из кармана ручку, начал что-то писать.

– Времени у нас мало, Адам.

– Знаю.

– Когда сможете выехать?

– Завтра. Чтобы собраться, мне хватит вечера. Дорога отнимет десять часов.

– Досье весит около сотни фунтов. В данный момент для вас печатают копию. Я вышлю ее утром.

– Расскажите о нашем мемфисском офисе.

– Я говорил с ними сегодня по телефону. Управляющий, Бейкер Кули, ждет вас. Вам дадут небольшой кабинет и секретаршу. Понадобится помощь – просите. Там сделают все, что будет в их силах. Имейте в виду, судебными разбирательствами наши коллеги не занимаются.

– Сколько в офисе юристов?

– Двенадцать. Контора похожа на дорогой бутик. Мы поглотили ее лет десять назад, никто толком не помнит, с какой целью. Но специалисты они хорошие, настоящие профессионалы. Давным-давно их предшественники обслуживали торговлю зерном и хлопком, вот откуда, думаю, потянулась ниточка в Чикаго. Вы бывали в Мемфисе?

– Я в нем родился, забыли?

– Ах да...

– Несколько лет назад ездил навестить тетю.

– Старый уютный город на берегу реки. Провинция вам понравится.

Адам опустился в кресло напротив Гудмэна.

– Что мне предстоит в ближайшие месяцы?

– Хороший вопрос. Вам необходимо как можно быстрее посетить Скамью.

– Сделаю это послезавтра.

– Отлично. Я свяжусь со зрителем, зовут его Филлип Найфех, ливанец. Не удивляйтесь, ливанцы есть даже в Дельте. Мы с Филлипом старые друзья.

– Вот как?

– Угу. Нас свело дело Мэйнарда Тоула, ставшего моей первой потерей. Он был казнен в восемьдесят шестом. Тогда-то я и познакомился со зрителем, убежденным, кстати, противником смертной казни, если поверите.

– Не поверю.

– Процедура исполнения приговора вызывает в нем бешенство. Вы еще поймете, Адам, что многие в стране приветствуют смертную казнь, но только не ее непосредственные исполнители. Вы встретитесь с этими людьми, увидите охранников, которые становятся братьями осужденным, администраторов, которые по минутам планируют сатанинское действо, с теми, кто открывает вентиль – за месяц до последнего дня они начинают проводить репетиции. Это совершенно особый мир.

– Скорее бы...

– Я переговорю с Филлипом, устрою вам разрешение на визит. Обычно он длится около двух часов. Но если Сэм откажется от адвоката, разговор может занять не более пяти минут.

– Думаю, я найду с ним общий язык.

– Надеюсь. Не знаю, как Кэйхолл будет реагировать на ваше появление, но что-то он наверняка скажет. Допускаю, не сразу удастся убедить его, однако со второй попытки вы добьетесь своего.

– Когда вы видели Сэма в последний раз?

– Пару лет назад. Вместе с Уоллесом Тайнером. Вам обязательно нужно связаться с ним. Тайнер вел дело более шести лет.

– Каков будет наш первый шаг?

– Об этом позже. Утром я с Уоллесом вновь проанализирую досье. Все зависит от вас. Мы не сможем ничего предпринять, если Кэйхолл и вам укажет на дверь.

Адам подумал о черно-белых газетных фотоснимках Сэма, сделанных в 1967-м, сразу после ареста. Еще в его архиве имелись и цветные, относившиеся уже к 1981 году, когда состоялся третий суд, а на двухчасовой видеокассете были собраны куски всех телерепортажей, где фигурировал Кэйхолл.

– Как он выглядит?

Гудмэн положил ручку, прикоснулся к галстуку.

– Среднего роста, худощав, но на Скамье редко увидишь мало-мальски дородного мужчину: сказывается постоянное нервное напряжение, да и еда не из ресторана. Курит сигарету за сигаретой, что в общем-то неудивительно. Делать там нечего, а конец у всех один. Марка какая-то странная, «Монклер», помоему, в синей пачке. Волосы с густой проседью, неопрятные – утреннего душа сидельцы лишены. Довольно длинные, но то было два года назад. Ни намек на лысину, борода. Лицо в глубоких морщинах, ведь ему скоро семьдесят. Ну и табак, конечно. Вы сами заметите, что белые выглядят на Скамье более изможденными, нежели чернокожие. Смертники проводят в своих камерах по двадцать три часа в сутки, а от этого человек блекнет, кожа у него становится серой. У Сэма голубые глаза и приятные черты лица. В молодости на него наверняка заглядывались девушки.

– Когда после самоубийства отца я узнал правду, у меня появилась куча вопросов к матери. Ответов на них прозвучало очень немного, но однажды мать упомянула, что Эдди не был похож на Сэма.

– Между вами и дедом тоже никакого сходства, если вы это имеете в виду.

– Угадали. Рад слышать.

– Он может помнить вас только несмышленым ребенком, Адам. Вам не грозит быть узанным. Скажите обо всем сами.

Холл отсутствующим взглядом смотрел на поверхность стола.

– Вы правы. Что он мне ответит?

– Даже не представляю. Думаю, Сэм будет слишком потрясен, чтобы разразиться долгой речью. Я, пожалуй, назвал бы его интеллигентным. Не образованным, нет, но начитанным и способным грамотно выражать мысли. Он подберет слова. Дайте ему минуту-другую.

– Вы говорите так, будто испытываете к нему симпатию.

– Ее нет. Кэйхолл – расист и фанатик. Он нисколько не раскаивается в содеянном.

– Значит, он виновен?

Гудмэн задумался. Вину или невиновность Сэма Кэйхолла пытались установить три судебных процесса. Девять лет его дело кочевало по инстанциям. Расследованием обстоятельств трагедии и поиском ее идейных вдохновителей занимались многие журналисты.

– Во всяком случае, так решили присяжные. В суде только их мнение чего-то стоит.

– Но вы? К какому выводу пришли вы?

– Вы же читали досье, Адам. Вы до тонкостей изучили дело. Нет и тени сомнения в том, что Сэм Кэйхолл участвовал в акции.

– Но?..

– Существует великое множество «но». Всегда.

– Сэм ни разу в жизни не управлялся со взрывчаткой.

– Это правда. Зато он был куклуксклановцем, террористом, а уж Клан швырял бомбы налево и направо. После ареста Сэма взрывы прекратились.

– Хорошо... Но! Но некий человек утверждал, что еще до взрыва в Гринвилле видел в зеленом «понтиаке» двух мужчин.

– Суд отказался слушать показания этого свидетеля. Он только в три часа утра вышел из бара.

– Был и другой. Водитель трейлера говорил о двух посетителях ночного кафе в Кливленде. Одним из них, по его словам, и был Сэм Кэйхолл.

– Верно. А потом водитель три года молчал. К последнему процессу его не допустили – за давностью лет.

– Так кто же являлся сообщником?

– Этого, боюсь, мы не узнаем. Не забывайте, Адам, ваш дед трижды стоял перед судом, однако ни разу рта не раскрыл. Он ничего не сказал полиции, очень мало – адвокатам, которые

его защищали, и не удостоил взглядом присяжных. За прошедшие семь лет Сэм не проронил о деле ни слова.

– Вы считаете, он действовал в одиночку?

– Нет. Ему помогали. Кэйхолл многое скрывает. Вступая в Клан, он принес клятву. Застарелый, еще юношеский романтизм не позволяет Сэму ее нарушить. Его отец тоже входил в Клан, вам это известно?

– Да. Могли бы не напоминать.

– Извините. В любом случае сейчас уже слишком поздно искать дополнительную информацию. Если у Кэйхолла действительно имелся сообщник, то ему давно следовало назвать имя. Следовало выложить агентам ФБР все. Следовало заключить сделку с окружным прокурором. Не знаю... Но когда за двойное убийство человеку грозит смертная казнь, у него развязывается язык. Он начинает говорить, Адам, и предоставляет сообщнику самому заботиться о себе.

– А если сообщника не было?

– Был. Был! – Гудмэн вновь взял ручку, написал на листке перекидного календаря имя и протянул бумажку Адаму.

Взяв листок, тот прочел:

– Уин Леттнер. Я где-то слышал это имя.

– Леттнер курировал от ФБР расследование по делу о взрыве в Гринвилле. Сейчас он ушел на пенсию и перебрался в Озаркс, ловит форель. Обожает вспоминать о схватках с Кланом.

– И не откажется от разговора со мной?

– Ни за что. Страстный любитель пива, после второй бутылки он заводится так, что не остановить. Ничего конфиденциального Леттнер не выболтает, но о трагедии с Крамером он осведомлен больше, чем кто-либо другой.

Адам аккуратно сложил листок, сунул в нагрудный карман и взглянул на часы. Стрелки показывали ровно шесть вечера.

– Думаю, пора. Мне еще нужно уложить вещи.

– Досье я отправлю завтра утром. Сразу после встречи с Кэйхоллом звоните мне.

– Непременно. Могу я...

– Конечно.

– От имени семьи, уж какая она у меня есть... матери, которая не желает слышать о Сэме, сестры, которой всюду мерещится его тень, тети, которая отказалась носить фамилию Кэйхолл, от имени отца хочу поблагодарить вас за то, что вы сделали. Восхищаюсь вами.

– Бросьте, Адам. Это я вами восхищаюсь. А теперь поторопитесь в Миссисипи.

Глава 6

Район пользовался дурной славой, хотя его обитатели и говорили, что до наступления темноты улицы довольно безопасны. Двухкомнатная квартира располагалась на третьем этаже склада, построенного еще в начале XX века. В середине 80-х склад приобрел повзрослевший хиппи. Здание отремонтировали, провели канализацию и разбили на шестьдесят изолированных друг от друга ячеек. Владелец нашел оборотистого риэлтора, который на условиях найма быстро заселил непритязательные апартаменты молодыми клерками.

Свое жилье Адам ненавидел. Он бы с удовольствием перебрался куда-нибудь еще, но искать что-то более подходящее просто не было времени: работа в фирме отнимала у него восемнадцать часов в день.

Он не мог даже купить приличную мебель. Стоявшая посреди комнаты кожаная кушетка смотрела на древнюю кирпичную стену без всяких следов штукатурки. В углу валялись два толстых поролоновых матраца, желтый и голубой, – на случай, если вдруг нагрянет компания. Слева от софы находился проход в кухню: электрическая плита, холодильник, высокая стойка бара и три табурета. Дверь справа вела в спальню, где на полу, рядом с незастеленной постелью, лежали стопки рубашек. Плата за семьсот квадратных футов составляла тысячу триста долларов в месяц. К этому дню годовой оклад Адама уже вырос до шестидесяти двух тысяч. Из месячного дохода, чуть превышавшего пять тысяч долларов, полторы тысячи уходили на федеральные и местные налоги. Шестьсот долларов фирма перечисляла в пенсионный фонд, правда, Адам здорово сомневался, что при такой работе дотянет до пятидесяти пяти. После всех издержек на жилье, выплат за арендованный «сааб», редких расходов на жареную курицу и покупки достойных сотрудника «Крейвиц энд Бэйн» костюмов у него оставалось около семисот долларов. Часть этой суммы Адам тратил на женщин. Большинство из них бдительно стояли на страже собственной независимости и в ресторанах предпочитали платить за себя сами. Адама, слава Богу, это несколько не смущало. Благодаря страховке отца долгов по студенческим займам у него не было. Приучившись не потакать маленьким слабостям, Адам ежемесячно вносил по пятьсот долларов в кассу взаимопомощи. Он не спешил обзаводиться семьей и ставил перед собой задачу в сорок лет отдалиться от дел уже обеспеченным человеком.

На складном алюминиевом столе возле кирпичной стены стоял телевизор. Адам разделся и, оставшись в боксерских трусах, опустился на кушетку, нажал кнопку панели дистанционного управления. Экран телевизора вспыхнул, но остался пустым: время уже перевалило за полночь. Затем по серому фону двинулась строка: БОМБИСТ ИЗ КЛАНА. Так Адам назвал собственноручно сделанную видеоподборку телерепортажей о Сэме Кэйхолле. Начиналась она с кадров, снятых безымянным оператором 3 марта 1967 года в Джексоне, на следующее утро после того, как мощный взрыв до основания разнес местную синагогу. Голос за кадром пояснял: за прошедшие два месяца синагога стала четвертым объектом действий обезумевших антисемитов, улики у агентов ФБР почти нет, общаться с прессой они отказываются. Начатая Кланом кампания террора, угрюмо заключил невидимый диктор, набирает обороты.

События второго сюжета разворачивались в Гринвилле. Телекамера успела зафиксировать поднятый взрывом хаос: кареты «скорой помощи», спешащих к руинам полисменов, объезжающую ужасом толпу зевак, облако серой пыли над зеленой лужайкой. Росшие на ней молодые дубки выстояли, но лишились листьев. Крупным планом возник соседний коттедж, из окон которого валил густой дым. Репортер, задыхаясь, неразборчиво говорил в микрофон что-то о жертвах. Внезапно изображение дернулось: по-видимому, полиция отталкивала оператора, мешая снимать ужасную сцену.

Через несколько минут уже более спокойно диктор сообщил об извлечении из-под обломков Марвина Крамера. Прямо перед камерой медики уложили его на носилки, понесли к белому фургону; в следующую секунду машина сорвалась с места. Несколько позже на экране появились накрытые простынями тела двух детей.

От места взрыва действие перемещалось к зданию полицейского управления, и зритель впервые получал возможность увидеть Сэма Кэйхолла. Со скованными за спиной руками его заталкивали в автомобиль.

Как всегда, Адам перекрутил пленку, чтобы еще раз всмотреться в мгновенный кадр. 1967-й, двадцать три года назад. Сэму сорок шесть лет. Темные волосы коротко подстрижены: такова была тогда мода. Под левым глазом белеет кусочек пластыря. Двигается быстро, прячась за спинами полисменов от взглядов толпы. Люди вокруг выкрикивают какие-то вопросы, и на долю секунды Сэм невольно поднимает голову. Как всегда, Адам нажал на кнопку «стоп», чтобы еще раз всмотреться в лицо деда. Чернобелое изображение подрагивало, было нечетким, но глаза обоих мужчин неизбежно встречались.

1967-й. Если Сэму сорок шесть, то его сыну Эдди двадцать четыре, а Адаму вот-вот исполнится три. Тогда его звали Алан. В скором будущем Алан Кэйхолл переедет вместе с родителями в далекий штат, где местный судья официально регистрирует его новое имя. Раз за разом просматривая кассету, Адам постоянно задавал себе вопрос: где находился он 21 апреля 1967 года в семь часов сорок шесть минут утра? Семья жила в маленьком домике на окраине Клэнтон, и скорее всего в это время трехлетний мальчик мирно спал под присмотром матери. Сыновья Крамера были всего на два года старше.

На протяжении дальнейшего получаса лицо Сэма Кэйхолла виднелось за стеклами полицейского автомобиля, который перевозил арестованного из тюрьмы в здание сначала одного суда, затем – другого. Запястья мужчины сковывали наручники, взгляд устремлен в землю. Сэм не замечал репортеров, не слышал их вопросов и хранил молчание. Выходя из дверей суда, он тут же нырял в машину.

Ход двух первых процессов полностью транслировался по телевидению. Со временем Адам раздобыл все материалы, тщательно отредактировал их и переписал на видеопленку. Он вдоволь насмотрелся на самодовольное лицо Кловиса Брэйзелтона, использовавшего любую возможность покрасоваться перед прессой. Адвокат вызывал в нем чувство омерзения. Кадры запечатлели толпы горожан перед зданиями судов, кордоны вооруженных полицейских, белые капюшоны кукуклукклановцев. В краткие мгновения мелькала фигура Кэйхолла: пригнув голову, тот скрывался за широкой спиной охранника. По завершении второго процесса из дверей суда выехал в инвалидной коляске Марвин Крамер. Со слезами в глазах он обвинял лицемерную систему правосудия штата. Оператор успел поймать в объектив печальный инцидент: заметив метрах в десяти от себя двух мужчин в балахонах Клана, Марвин начал осыпать их проклятиями. Один из расистов прокричал в ответ какую-то угрозу, но слова его утонули в гомоне толпы. Адам многократно пытался вычленив фразу, впрочем, без малейшего успеха. Она так и осталась висеть в воздухе. Пару лет назад, еще студентом юридической школы в Мичигане, Адам познакомился с журналистом, который держал тогда перед Марвином микрофон. Если репортеру не изменяла память, клансмен пообещал, что Крамер, потеряв ноги, в скором будущем лишится и рук. Похоже, репортер не ошибался, поскольку Марвин на экране утратил над собой всякий контроль. Направив коляску в сторону белого балахона, он разразился площадной бранью. Супруга и стоявшие рядом родственники пытались удержать адвоката, однако тот продолжал бешено вращать резиновые обода. Коляска соскочила с тротуара на газон и перевернулась; Марвин вывалился на траву. В воздухе мелькнули культы ног. Друзья бросились к нему на помощь, минуту-другую упавшего не было видно. На экране возник содрогавшийся от хохота расист. В уши ударил высокий, пронзительный вопль инвалида – так

стонет раненое животное. От полного отчаяния и боли звука хотелось бежать. Через несколько секунд горький эпизод милостиво сменился другим.

При первом просмотре этих кадров Адам не мог удержать слез. Хотя они давно уже высохли, ком в горле мешал ему дышать и сейчас.

За период между 1968-м и 1981-м технология сделала гигантский скачок вперед, и запись последнего, третьего судебного процесса по делу Сэма Кэйхолла была намного отчетливее. Февраль 1981 года, действие происходит на уютной площади небольшого городка перед сложенным из красного кирпича зданием окружного суда. День, судя по всему, стоит морозный: площадь почти пуста. Под голым деревом возле переносной жаровни стоят трое членов Клана, за ними наблюдают десяток вооруженных солдат в мундирах национальной гвардии.

Средства массовой информации уделили последнему процессу куда больше внимания, нежели первым двум. Обществу требовалось напомнить о не столь давних перипетиях борьбы за гражданские права, и суд над Сэмом Кэйхоллом, нераскайвшимся террористом, представлял такую возможность. Вот перед вами реликт бесчеловечной эпохи, вынужденный, в конце концов, по справедливости ответить за свои злодеяния! Газеты всей страны проводили многочисленные аналогии с нацистами.

В зал суда Сэма доставляли уже не из тюремной камеры. Он наслаждался жизнью на свободе, и это значительно осложняло работу телевизионщиков. Объективы ловили лишь его мгновенные появления в дверных проемах. Прошедшие тринадцать лет изменили внешность Кэйхолла. По-прежнему короткие волосы отсвечивают благородной сединой, сухощавый, подтянутый некогда облик округлился, стал почти представительным. С независимым видом выходя из автомобиля, он, не замечая представителей прессы, направляется к каменным ступеням крыльца.

Героем большей части репортажей о третьем процессе являлся прокурор по имени Дэвид Макаллистер, привлекательный молодой человек в отлично сидящем темном костюме, с задорной белозубой улыбкой на румянном лице. Его манера держаться говорила: очень скоро Миссисипи получит еще одного талантливого политического деятеля.

Восемью годами позже, в 1989-м, Дэвид Макаллистер был избран губернатором штата. Суть его предвыборной платформы заключалась в твердых обещаниях дать отпор преступным сообществам, в стойкой приверженности институту смертной казни. Адам презирал удачливого политика, хотя и знал, что через несколько недель будет сидеть в его приемной, чтобы подать просьбу об очередной отсрочке приговора.

Кассета заканчивалась кадрами, на которых вновь закованного в наручники Сэма выводят из зала суда. Присяжные только что объявили вердикт: смерть. Лицо Кэйхолла хранит полную невозмутимость. Его адвокат потрясен. Телевизионный комментатор сообщает, что в течение недели преступник окажется на Скамье. Включив перемотку, Адам уставился в темный экран. Позади кушетки на полу стояли три картонных коробки с бумагами: объемистые отчеты о всех трех судебных процессах были приобретены еще в Пеппердаине. Кроме официальных документов, в коробках лежали ксерокопии сотен газетных и журнальных статей, десятков апелляций, материалы по вопросу отмены смертной казни. Теперь о деде никто не знал больше, чем он.

И все-таки Адам понимал: сделан лишь первый шаг. Нажатая кнопка запустила кассету вновь.

Глава 7

Похороны Эдди Кэйхолла состоялись через месяц после того, как Сэму был вынесен смертный приговор. В небольшую часовню на окраине Санта-Моники пришли немногочисленные члены семьи и несколько друзей. Адам сидел в первом ряду, между матерью и сестрой. Держась за руки, все трое неотрывно смотрели на стоящий в метре от них закрытый гроб. Как и всегда, мать держалась подчеркнуто прямо, изредка смахивая носовым платком слезу со щеки. При жизни отца родители столько раз ссорились, а затем вновь мирились, что постоянные дразги сын и дочь воспринимали в порядке вещей. Семья пребывала в состоянии бесконечной неопределенности: каждый день стороны вынашивали планы развода, обменивались угрозами развода, уточняли процедуру развода, делили детей, вели переговоры с адвокатами, заполняли соответствующие бланки, затем рвали их и клялись друг другу в вечной любви. Во время третьего суда над Сэмом Кэйхоллом мать собрала скудные пожитки и вернулась в их маленький домик – чтобы быть рядом с Эдди. Отец же бросил ходить на работу и удалился в свой наглухо замкнутый от окружающих мир. Адам приставал к матери с наивными вопросами, в ответ на которые звучала одна и та же фраза: «У папы плохое настроение». Шторы на окнах были всегда опущены, из ламп горели только ночники, говорили в доме шепотом, телевизор не включался вообще. Семья терпеливо ждала, когда у ее главы улучшится настроение.

Три недели спустя после оглашения приговора Эдди решился. Зная, что Адам придет домой первым, он прошел в спальню сына, сунул в рот дуло револьвера и нажал на курок. Перед этим отец оставил на полу записку, где просил Адама навести до возвращения женщин порядок. Вторая записка лежала в кухне.

Кармен тогда шел пятнадцатый год. Зачата девочка была в Миссисипи, но на свет появилась уже в Калифорнии, куда торопливо бежали от людской молвы ее родители. К моменту рождения дочери Эдди официально сменил фамилию предков на Холл. Алан превратился в Адама. Жили они на востоке Лос-Анджелеса, в трехкомнатной квартирке с дырявыми простынями на окнах вместо занавесок. Убогий полуподвал стал первым из их многочисленных временных прибежищ.

Справа от Кармен на скамье часовни сидела загадочная тетя Ли. Получасом ранее детей представили сестре усопшего, его единственной родственнице. Вообще-то родители избегали разговоров о своих близких, но имя «Ли» все же иногда упоминалось. Тетка обитала в Мемфисе, где удачно вышла замуж, познала радости материнства и окончательно порвала все связи с Эдди по причине не утихшей с детства вражды. Адам и Кармен уже долгое время горели желанием увидеть хоть кого-то из родственников, и таинственная сестра отца разожгла в обоих неумную фантазию. Им страшно хотелось познакомиться с ней, однако Эдди категорически отказал детям. По его словам, тетка представляла собой настоящее чудовище. Позже мать шепотом поведала, что Ли – прекрасной души человек и как-нибудь они обязательно съездят к ней в Мемфис.

Но судьба распорядилась иначе: тетя Ли сама прилетела в Калифорнию, чтобы вместе с ними предать земле тело Эдди Холла. Задержавшись на пару недель после похорон, она свела дружбу с племянником и племянницей. Оба были в восторге: красивая, никогда не терявшая присутствия духа, тетка носила выцветшие джинсы, мужские футболки и не боялась босиком ходить по песку. Она таскала подростков по магазинам, кинотеатрам, устраивала долгие прогулки вдоль океанского побережья. В разговорах Ли часто извинялась за то, что ни разу не навестила их раньше – Эдди слышать об этом не мог, поскольку всегда проигрывал сестре в детских драках.

Однажды, когда Адам, сидя рядом с ней на теплых досках длинного пирса, следил за красным диском опускавшегося в океан солнца, тетка рассказала пареньку всю правду. Ока-

зывается, до трех лет он жил в крохотном городке штата Миссисипи. Дед его, Сэм Кэйхолл, был весьма активным членом Ку-клуксклана, на счету которого немало загубленных жизней. Последнее его дело – взрыв адвокатской конторы Марвина Крамера, унесший невинные души двух пятилетних мальчиков, что явилось чуть позже причиной смерти и их отца. Сэма трижды судили, и в конечном итоге он попал в Парчман, где со дня на день мог быть приведен в исполнение смертный приговор.

Рассказу тетки не хватало множества деталей, но основные моменты Ли изложила с чувством и достаточно подробно.

Историю деда Адам воспринял с удивительной для семнадцатилетнего паренька, всего неделей раньше похоронившего своего отца, стойкостью. Он задал Ли четыре или пять вопросов, но большую часть времени просто слушал, не испытывая гнева или потрясения. Он казался очарованным. Трагическое повествование заполнило в душе Адама какие-то пустоты. Значит, у него все-таки есть семья! Значит, он ничем не отличается от сверстников, он нормален! Значит, должны быть и другие родственники с их тайнами. Может, где-то стоит, окруженный пашнями, дом, что построили предки, а рядом пасутся кони. Значит, у его рода существует история.

Умная тетка прочла, по-видимому, мысли юноши. Во всяком случае, Ли тут же пояснила: Кэйхоллы всегда считались людьми не от мира сего, они привыкли держаться особняком, а незваных гостей отсылали подальше. Они не устраивали веселых застолий на Рождество, не собирались большой семьей, чтобы отпраздновать Четвертое июля⁶. Да что там говорить – Ли жила в часе езды от Клэнтонна, но никого из них не видела.

В течение следующей недели оба отправлялись на пирс ежедневно. Заходили по пути на рынок, покупали увесистые грозди спелого винограда и до глубокой темноты сидели на досках, выплевывая маленькие косточки в тихо плескавшуюся под ногами воду. Тетка делилась воспоминаниями о детстве. Вместе с младшим братом она жила на скромной ферме неподалеку от Клэнтонна: были там и пруды с жирными карасями, и смешные лошадки-пони. Сэм Кэйхолл являл собой примерного отца, одинаково чуждого в общении с детьми приторным лобзанием и ненужной строгости. Мать, слабая по характеру женщина, побаивалась Сэма, но души не чаяла в дочери и сыне. Когда старшей исполнилось шесть, а младшему было почти четыре, мертвым родился третий ребенок, после чего мать около года не выходила из своей комнаты. За детьми все это время присматривала нанятая отцом негритянка. Вскоре мать умерла от рака. Чтобы проводить ее на кладбище, Кэйхоллы в последний раз собрались вместе. Эдди украдкой пробрался в город и, как одинокий волчонок, шел по пятам похоронной процессии. Через три года Сэма арестовали, а еще через пару дней был зачитан приговор.

О себе Ли рассказывала неохотно. Сразу по окончании средней школы она восемнадцатилетней девчонкой сбежала из дома в Нэшвилл. Там простодушная красавица рассчитывала стать новой эстрадной звездой. Случайное знакомство привело ее в семью состоятельного банкира, чей наследник, Фелпс Бут, завершал курс наук в Вандерbiltском университете⁷. После свадьбы молодые переехали в Мемфис. Единственный сын тетки, Уолт, которого отличал бунтарский дух, жил в Амстердаме. Никакой другой информации Адам не услышал.

Ему было трудно судить, унаследовала ли тетка черты настоящих Кэйхоллов. Складывалось впечатление, что голос крови звучит в ней мощным крещендо. Но стоило ли ее за это винить? Исчезла она так же незаметно, как и появилась. Поднявшись еще до рассвета, тихо вышла из дома. Два дня спустя Ли позвонила, чтобы искренне поблагодарить Адама и Кармен за гостеприимство; с жаром убеждала обоих писать ей письма. Таковые были написаны и отправлены, однако ответ почтальон доставил очень не скоро. Смолк телефон. Внезапно

⁶ Четвертое июля – основной государственный праздник США, отмечаемый в день принятия Декларации независимости.

⁷ Вандерbiltский университет – престижный частный университет в г. Нэшвилл, штат Теннесси.

начавшаяся дружба медленно угасла. Мать пыталась оправдать тетку – для нее та оставалась «прекрасной души человеком». Однако мать, будучи одной из Кэйхоллов, несла, наверное, на себе проклятие рода.

Адама вновь окружила пустота.

Летом, сразу по окончании колледжа в Пеппердаине, он вместе с однокашником через всю страну отправился в Ки-Уэст. Друзья заехали в Мемфис, чтобы провести пару дней у тетки Ли. Жила она в просторном особняке на высоком берегу реки. Все трое часами сидели во внутреннем дворике, поедали домашнюю пиццу, запивая ее превосходным пивом, следили за ползущими по Миссисипи баржами и вели долгие разговоры. О семье в них не было произнесено ни слова. Адама переполняли впечатления от учебы, тетку живо интересовало его будущее. Ли оказалась не только приятной собеседницей, но и весьма гостеприимной хозяйкой. Когда они расставались, в глазах женщины блеснули слезы.

– Обещай, что еще приедешь!

Не желая пересекать штат, Адам предложил двинуться на восток, в Теннесси. Уже возле Смоки-Маунтинс, в одном из городков, друзей, по расчетам Адама, отделяла от Парчмана всего сотня миль. Было это четыре года назад, в 1986-м. К этому времени коробка с материалами по делу Сэма Кэйхолла почти заполнилась. Оставалось лишь привести в порядок видеозаписи.

Поздно вечером Адам кратко переговорил с тетей по телефону, сказал, что проведет в Мемфисе несколько месяцев и будет рад увидеться. Ли пригласила его к себе: четыре спальни для гостей все равно пустуют, он просто должен пожить у нее. Когда Адам сообщил о цели приезда, на другом конце провода повисло долгое молчание.

– В любом случае заходи, – без особого энтузиазма пригласила наконец тетя. – Поговорим. Там будет видно.

Вечером, в начале десятого, он выбрался из черного «сааба», нажал кнопку звонка и посмотрел по сторонам. Крытый красной черепицей особняк стоял в ряду себе подобных. Небольшой поселок окружала кирпичная стена, у единственных ворот расхаживал вооруженный охранник. Похоже, обитатели вилл несколько опасались соседства с городом. За исключением вида на реку, ничего примечательного в дорогом районе не было.

Раскрыв дверь, Ли ткнулась носом в щеку племянника.

– Добро пожаловать. – Она бросила взгляд на стоянку машин, повернула ручку замка. – Устал?

– Не очень. Дорога отняла двенадцать часов. Мог бы улечься в десять, но я не спешил.

– Поешь?

– Нет. Я недавно перекусил.

Они смотрели друг на друга. Тетке должно было скоро исполниться пятьдесят, за прошедшие с момента их последней встречи четыре года она заметно постарела. В собранных в длинный хвост каштановых волосах появились седые нити, голубые когда-то глаза окружила сетка мелких морщин. Поверх старых джинсов свободно болтался домашний халат.

– Хорошо, что приехал, – мягко улыбнулась Ли.

– Ты уверена?

– Конечно. Пойдем посидим.

Взяв Адама за руку, она провела его сквозь стеклянные двери во внутренний дворик, где с толстых деревянных балок свисали горшки бугенвиллеи. Далеко внизу плавно несла свои воды река. Оба опустили в кресла-качалки.

– Как Кармен? – спросила тетя, наливая в высокие стаканы ледяной чай.

– У нее все отлично. Заканчивает Беркли. Раз в неделю мы говорим по телефону. Встречается с парнем, и намерения, помоему, самые серьезные.

– Что она там изучает? Я, признаться, забыла.

– Психологию. После защиты хочет преподавать.

В чае ощущался терпкий вкус лимона и недостаток сахара.

Густой, горячий воздух был влажным.

– Уже почти десять, – с наслаждением делая новый глоток, заметил Адам. – С чего такая жара?

– Ты в Мемфисе, мой мальчик. Жара простоит до конца сентября.

– Я этого не выдержу.

– Привыкнешь. Мы спасаемся холодным чаем и редко выходим на улицу. А что мать?

– По-прежнему в Портленде. Вышла замуж за торговца лесом. Как-то раз я его видел.

Лет шестидесяти пяти, хотя вполне можно дать и семьдесят. Ей же сорок семь, а выглядит на сорок. Дивная парочка. Отдыхать предпочитают на юге Франции или в Ницце, там, куда слетается публика состоятельная. Она чувствует себя счастливой: дети выросли, Эдди умер, прошлое давно позади. Денег у матери с избытком, она вовсю радуется жизни.

– Ты слишком жесток.

– Я слишком легкомыслен. Она и вспоминать обо мне не хочет, считает меня свидетельством бывшего позора семьи.

– Она любит тебя, Адам.

– Как приятно это слышать! Ты-то откуда знаешь?

– Я просто знаю.

– Вот уж не думал, что вы с матерью так близки.

– А мы и не близки. Успокойся, Адам, не переживай.

– Прости. Нервы. Я бы выпил чего-нибудь покрепче.

– Без проблем. Почему бы нам не развлечься, пока ты здесь?

– Я приехал не развлекаться, тетя Ли.

– Просто Ли, договорились?

– Договорились. Завтра я должен увидеть Сэма.

Поднявшись, тетя вошла в дом, чтобы вскоре вернуться с бутылкой виски. Плеснув в оба стакана, она взяла свой, повернулась к реке.

– Зачем?

– Он – мой дед. Затем, что ему грозит смерть. Затем, что я адвокат и хочу помочь ему.

– Но он даже не знает тебя.

– Завтра познакомимся.

– То есть ты все ему расскажешь?

– Естественно. Я все ему расскажу. Не веришь, да? Не укладывается в голове, что я готов разворошить кучу грязного белья?

Сжимая в ладонях стакан, Ли медленно покачала головой.

– Это убьет его, – прошептала она.

– Нет. Неужели тебя волнуют его проблемы?

– Волнуют.

– Вот как? Когда ты в последний раз видела Сэма?

– Не начинай, Адам. Ты не поймешь меня.

– Справедливо. Но в таком случае объясни. Я хочу тебя понять.

– Нам лучше поговорить о чем-то другом, милый. Сейчас я не в состоянии. Чуть позже.

– Нет.

– Обещаю. Мне не хватает духа. Я думала, мы посидим и просто посплетничаем.

– Извини, Ли. Я устал от сплетен и секретов. Я лишен прошлого – отец предусмотрительно стер его. А ведь я должен знать, насколько оно было неприглядным.

– Оно было ужасным, – неслышно выдохнула тетя.

– О'кей. Но я уже не маленький, выдержу. Отец, так сказать, от этой задачи самоустра-
нился. Боюсь, кроме тебя, разрешить ее некому.

– Дай мне время.

– Его нет, Ли. Завтра я увижусь с дедом. – Адам в один глоток осушил стакан, рукавом
рубашки вытер губы. – Двадцать три года назад «Ньюсуик» писал о том, что отец Сэма тоже
входил в Клан. Это правда?

– Правда. Твой прадед состоял членом Ку-клукс-клана.

– Так же, как и его братья?

– Почти все семейство.

– А еще, упоминала статья, жители округа Форд знали, что в начале пятидесятых Сэм
Кэйхолл застрелил чернокожего и остался на свободе. Его даже не арестовали. Тоже правда?

– Какая сейчас разница, Адам? Тогда тебя еще на свете не было.

– Но факт имел место?

– Имел.

– И ты о нем знала?

– Я видела все своими глазами.

– Своими глазами?

Адам не мог в это поверить. С шумом выдохнув, он повернул голову к окну: с реки
донесся протяжный гудок буксирного катера.

– Давай все-таки сменим тему, – умоляюще произнесла Ли.

– Ребенком, – задумчиво отозвался он, – я очень любил историю. Зачитывался книж-
ками про первых поселенцев, про катившие на запад фургоны, ковбоев, «золотую лихорадку»
и стычки с индейцами. В соседнем классе учился паренек, который утверждал, будто его пра-
прадед грабил поезда, а денежки прятал в Мексике. Мальчишка хотел собрать друзей и
ринуться на поиски зарытых где-то под кактусом сокровищ. Каждый понимал, что эти рос-
сказки – чистой воды фантазия, но играть с ним было здорово. Меня всегда интересовали мои
предки, временами казалось, их не существует вовсе.

– А что говорил Эдди?

– Что все они давно мертвы, что занятия историей – пустая трата времени. Мать тянула
меня за руку к себе и просила не задавать никаких вопросов, так как у отца может испортиться
настроение и целый месяц он носа не покажет из своей комнаты. Почти все детство я ходил
вокруг него на цыпочках. Уже значительно позже я начал понимать: отец был странным, глу-
боко несчастным человеком. Однако представить, что однажды он наложит на себя руки? Нет,
этого я не мог.

Ли поднесла к губам стакан с остатками виски; негромко звякнули кубики льда.

– На самом деле все намного сложнее, Адам.

– Так когда же ты мне расскажешь?

Ли подлила в пустые стаканы чаю, Адам добавил каждому виски. Несколько минут оба
молча следили за огоньками двигавшихся по Риверсайд-драйв машин.

– Ты была там, где держат смертников? – спросил он, попрежнему глядя в окно.

– Нет.

– Сэм почти уже десять лет на Скамье, а ты ни разу к нему не съездила?

– Вскоре после приговора я написала ему письмо. Через полгода пришел ответ. Сэм не
хотел, чтобы я увидела его таким, каким он стал. Я послала еще два письма, но больше не
получила от него ни весточки.

– Прости.

– Не за что, Адам. Виновата я одна, и говорить об этом очень тяжело. Прошу, дай мне
время.

– Я думаю провести в Мемфисе несколько месяцев.

– Оставайся здесь. Мы будем нужны друг другу. – Ли опустила в стакан указательный палец, неловко помешала напиток. – Ему ведь осталось совсем немного, да?

– По-видимому.

– Сколько?

– Два-три месяца. Срок апелляции почти вышел.

– Тогда зачем тебе?..

– Не знаю. Наверное, есть еще шанс. Попробую сделать что смогу – уповаю на невозможное.

– Я стану молиться за вас обоих.

– Позволишь вопрос? – Адам взглянул ей прямо в глаза.

– Конечно.

– Ты живешь здесь одна? Я имею право спросить – если уж принимать твое приглашение.

– Одна. Муж обосновался в загородном доме.

– Тоже один? Мне просто любопытно.

– Временами один. Ему нравятся молодые двадцатилетние девчонки, сотрудницы его банков. Собираясь за город, я должна сначала позвонить. То же делает и он, когда едет сюда.

– Удобно. Кто разработал такие условия?

– Они сложились сами по себе. Мы ведь уже пятнадцать лет не живем вместе.

– Хорошенький брак.

– Во всяком случае, грамотный. Я беру у него деньги и не интересуюсь его личной жизнью. Время от времени мы рука об руку выходим в свет. Он счастлив.

– А ты?

– И я – за редкими исключениями.

– Но если он тебя обманывает, почему бы вам не развестись?

Я готов представлять твои интересы.

– С разводом ничего не выйдет. Фелпс родом из старой, добропорядочной и отвратительно богатой семьи. Сливки мемфисского общества. В их среде приняты династические браки. В общем-то он должен был жениться на своей пятиюродной сестре, но вместо этого попал, видишь ли, под мои чары. Родители его всегда выступали категорически против такого мезальянса, и согласиться на развод означало бы для Фелпса признание их правоты. К тому же судебное разбирательство опозорило бы этих аристократов. Деньги мужа ни в коей мере не ограничивают мою независимость.

– Ты действительно его любила?

– О да. Мы и вправду любили друг друга. Были вынуждены бежать, чтобы сыграть свадьбу. В шестьдесят третьем перспектива брака между наследником гигантского состояния и безродной проституткой бросала вызов общественной морали. Его мать меня не замечала, мой отец жег кресты. Тогда Фелпс еще не знал, что его тесть является членом Клана. Я держала язык за зубами.

– Но все-таки он выяснил правду?

– Когда отца арестовали, я все рассказала. Фелпс поделился моими откровениями с родителями, и вскоре их огромная семья была в курсе. Но умение хранить чужие секреты у банкиров в крови. Пожалуй, это единственное, что роднит семейство Бут с Кэйхоллами.

– Выходит, о том, что ты дочь Сэма, известно очень немногим?

– Единицам. И меня это устраивает.

– Стыдно за...

– Да, черт побери! Да, я стыжусь своего отца! А кто бы на моем месте не стал? – В голосе Ли звучала горечь. – Не будь таким романтиком, Адам. По-твоему, смерти сейчас ждет беззащитный старичок?

– Я не считаю, что он должен умереть.

– Как и я. Но он отправил на тот свет кучу людей: сыновей Крамера, затем его самого, твоего отца и бог знает сколько еще других. Он должен до конца жизни сидеть за решеткой.

– Ты не испытываешь к Сэму никакого сочувствия?

– Почему же, накатывает. В иной день, когда ласково светит солнце, я думаю о нем, вспоминаю счастливые мгновения детства. Но мгновений таких – по пальцам пересчитать, Адам. Слишком много он принес горя мне и окружающим. Он учил нас всех ненавидеть. С матерью он держал себя как скот. Как подонок.

– Так пусть с ним будет покончено.

– Этого я не говорила, Адам. Ты несправедлив. Я молюсь за него каждый день. Сколько тысяч раз я спрашивала небо: почему, ну почему мой отец превратился в зверя? Почему он не сидит благообразным старцем на крыльце, с трубкой в одной руке и стаканчиком виски в другой? Почему он стал куклуксклановцем, убившим ни в чем не повинных детишек и разрушившим собственную семью?

– Может быть, он не собирался их убивать?..

– Но ведь они мертвы, правда? Присяжные сказали, что это он их убил. Мальчиков разорвало на части, их и похоронили-то в одной могиле. Кому какое дело, собирался он их убивать или нет? Он там был, Адам.

– Важна любая деталь.

Резко поднявшись, Ли потянула его за руку.

– Иди сюда!

Она подвела Адама к самому краю круто уходящего вниз склона, откуда открывался вид на городские кварталы Мемфиса.

– Видишь здание с плоской крышей, ближайшее к нам, фасадом смотрит на реку?

– Да.

– В нем пятнадцать этажей. От правого верхнего угла отсчитай вниз шесть, ясно?

– Ясно.

– Теперь найди четвертое окно, оно освещено. Нашел?

– Да.

– А теперь догадайся: кто там живет?

– Откуда мне знать?

– Рут Крамер.

– Рут Крамер! Мать?

– Именно так.

– Ты с ней знакома?

– Однажды мы встретились совершенно случайно. Меня представили ей как Ли Бут, супругу известного в городе Фелпса Бута. Это была акция по сбору средств в пользу балетной труппы, если не ошибаюсь. Прежде я старалась избегать ее общества.

– Но город-то небольшой.

– Просто маленький. Так вот, если бы о Сэме ты спросил у нее, что бы она тебе ответила? Адам неотрывно смотрел на желтый квадрат окна.

– Не знаю. Говорят, она до сих пор не оправилась.

– Не оправилась? Она потеряла семью. Живет совершенно одна. Думаешь, для нее имеет какое-то значение, вынашивал ли мой отец планы убийства ее детей? Вряд ли, Адам. Бедной женщине хватает того, что сыновья ее вот уже двадцать три года лежат в земле. Ей известно, что бомбу заложил некий Сэм Кэйхолл. А если бы в ту ночь Сэм мирно спал рядом с супругой, маленькие Джошуа и Джон остались бы живы. Сейчас им исполнилось бы по двадцать восемь, оба получили бы хорошее образование, а Рут вместе с Марвином счастливо нянчила бы внуков. Ей не важно, кому предназначалась бомба, важно лишь то, где и в какое время прозвучал взрыв. Ее мальчики мертвы, и этим все сказано.

Сделав пару шагов назад, Ли опустила в качалку, подняла со столика стакан, пригубила.

– Пойми меня правильно, Адам! Я против смертной казни. В данную минуту я, наверное, единственная в штате пятидесятилетняя женщина, чей отец ждет исполнения приговора. Это варварство, дикость, это жестоко и аморально, согласна. Но не забывай о жертвах! Они имеют право требовать возмездия. Они его заслужили.

– Рут Крамер тоже жаждет возмездия?

– Безусловно. Она сторонится прессы, зато оказывает активную поддержку жертвам преступлений. Много лет назад газеты цитировали брошенную ею в зале последнего суда фразу: «Когда Сэма Кэйхолла будут казнить, я займу место у окошка свидетеля».

– А как же библейские заветы о прощении грехов?

Не помню, чтобы отец просил у кого-то прощения. Усевшись на подлокотник кресла, Адам принялся внимательным взглядом изучать мыски ботинок. Хозяйка дома вновь сделала большой глоток из стакана.

– Хорошо, тетя Ли, что же мы предпримем?

– Забудь про «тетю».

– О'кей, Ли. Итак, я здесь. Я не намерен уезжать, я завтра повिдаюсь с Сэмом и твердо рассчитываю представлять его интересы.

– Входит ли в твои планы действовать без излишней огласки?

– Другими словами, хочу ли я скрыть свою принадлежность к семейству Кэйхоллов? Не собираюсь кричать об этом на каждом углу, но долго эту тайну не утаишь. Сэм успел стать личностью весьма популярной. Газетчики тут же устремятся по свежему следу.

Ли опять повернулась к реке.

– Тебе это не повредит? – В ее голосе прозвучала едва слышная нотка тревоги.

– Каким образом? Я – адвокат. Адвокаты привыкли защищать убийц, насильников, наркоманов и прочие отбросы общества. Мы не избалованы любовью публики. Чем может повредить тот факт, что обвиняемый приходится мне дедом?

– А в фирме знают?

– Разговор состоялся вчера. В восторг они не пришли, но все обошлось. Я скрыл от них правду при приеме на работу и сваял тем самым большого дурака. Сейчас мне уже ничто не угрожает.

– Что, если Сэм откажет тебе?

– Значит, мы будем в полной безопасности, разве не так? Никто ни о чем не узнает, и твоя тайна останется с тобой. Я вернусь в Чикаго ждать, когда процедуру казни покажут по телевидению. Осенью съезжу на его могилу, положу цветы, задам себе, наверное, те же, что и ты, вопросы. Захочешь, отправимся вместе. Ты только подумай: парочка Кэйхоллов украдкой пробирается по кладбищу в темных очках, чтобы их не узнали!

– Прекрати!

Из глаз тети брызнули слезы. Быстрым движением руки Ли смахнула со щек непрошеную влагу.

– Прости. – Взгляд Адама был прикован к длинной барже, которая держала курс на север. – Прости меня, Ли.

Глава 8

Итак, спустя двадцать три года он возвращался туда, где появился на свет. Никаких особых чувств он не испытывал, и хотя бояться ему тоже было в общем-то нечего, черный «сааб», осторожно уступая дорогу всем попутным машинам, двигался со скоростью пятьдесят пять миль в час. Резко сузившись, асфальтовое покрытие вынесло автомобиль на плоскую равнину Дельты; какое-то время Адам мог наблюдать за змеившейся вдоль шоссе невысокой дамбой, которая через пару миль ушла вправо и исчезла из виду. За Уоллсом, первым на автостраде номер 61 городком, поток транспорта устремился на юг.

Адам знал, что долгие десятилетия автострада была в буквальном смысле дорогой жизни для сотен тысяч чернокожих жителей Дельты, волею судеб вынужденных покинуть насиженные места и искать лучшей доли в Мемфисе, Чикаго, Детройте. Здесь, в этих крошечных городках, в салунах и убогих барах зародились печальные негритянские блюзы, отсюда они исподволь растекались, завоевывая всю страну. Мемфис стал их царством; вобрав в себя тягучие церковные напевы и мелодичные ритмы кантримузыки, блюзы дали жизнь рок-н-роллу. Подлившуюся из динамиков магнитолы песню в исполнении почти забытого ныне Мадди Уотерса Адам въехал в округ Туника, по слухам, беднейший на просторах Америки.

Слова песни ничуть его не ободрили. Покидая дом тети, Адам отказался от завтрака, без труда убедив Ли в том, что не голоден. На самом же деле в желудке его ворочался холодный ком. С каждой милей ком становился все плотнее.

Южнее Туники по обеим сторонам дороги до горизонта раскинулись поля. Кустики сои и хлопка уже набирали силу. Плуги зеленых и красных тракторов деловито переворачивали комья земли. Хотя не было еще и девяти утра, воздух дышал зноем. От потревоженной сухой почвы поднимались облака пыли. По свежей пашне лениво ползли редкие сеялки. Движение на автостраде почти замерло: где-то впереди, занимая почти всю проезжую часть, двигался огромный, тяжело груженный трейлер.

Непредвиденная задержка Адама не беспокоила: ждали его не раньше десяти, а если он и опоздает, тоже не случится ничего страшного.

В Кларксдэйле он свернул с автострады к юго-востоку, миновал вымершие поселки Мэттсон, Дублин и Татуайлер. Вновь потянулись бескрайние поля сои. Кое-где вдоль дороги стояли невзрачные домишки сезонных рабочих. Время от времени на значительном удалении от шоссе виднелись окруженные раскидистыми дубами особняки в колониальном стиле, за оградой поблескивала в лучах утреннего солнца водная гладь плавательных бассейнов.

Указатель на обочине известил Адама о том, что до цели осталось всего пять миль. Молодой юрист инстинктивно сбросил скорость, однако, несмотря на это, через минуту передний бампер «сааба» почти уперся в подвесное оборудование массивного трактора. Вместо того чтобы обогнать неповоротливый агрегат, Адам стоически поплелся следом. Сидевший в кабине старик махнул рукой: обгоняй! Но Адам остался верен себе и упрямо удерживал стрелку спидометра на двадцати милях в час. Дорога была абсолютно пустынной. Из-под задних колес трактора летели камешки гравия, не причиняя, правда, «саабу» никакого вреда. На всякий случай Адам притормозил. Обернувшись назад, старик опять замахал рукой, лицо его гневно исказилось: что за идиот ко мне привязался? С широкой улыбкой Холл кивнул в ответ и поотстал еще немного.

Минут через пять он увидел здания тюрьмы. Ни ограды, ни колючей проволоки, ни вышек с охранниками. Дорогу просто перекрывала металлическая арка со словами «ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ШТАТА МИССИСИПИ». За аркой, справа от автострады, тянулся ряд аккуратных построек.

Свернув на обочину, Адам остановил машину. Из будочки рядом с аркой появилась женщина в синей униформе. Подав «сааб» чуть вперед, он опустил стекло.

– Доброе утро, – приветствовала его сотрудница тюрьмы. В руке она держала пластиковый прямоугольник, под зажимом которого белели несколько стандартных листов. На пояском ремне женщины висела кобура. – Могу я вам чем-то помочь?

– Я – адвокат. Мне необходимо повидаться с клиентом. Он на Скамье смертников, – слабым голосом проговорил Адам. «Успокойся, черт побери, успокойся!»

– Никакой Скамьи смертников у нас нет, сэр.

– Простите?

– Такой Скамьи не существует. Приговоренные к смертной казни содержатся в блоке особого режима, для краткости – БОР. А Скамьи вы здесь не найдете.

– Ясно.

– Ваше имя? – Женщина тряхнула пластиковым прямоугольником.

– Адам Холл.

– Имя клиента?

– Сэм Кэйхолл.

Ее указательный палец побежал по списку заключенных.

– Подождите немного.

Пока она что-то писала, Адам осмотрелся. От арки под углом к автостраде в направлении домиков бежала узкая, обсаженная деревьями дорога. Все это совершенно не походило на тюрьму и скорее напоминало тихую городскую улочку, куда в любую минуту могла высыпать ватага школьников. У крайнего справа коттеджа с высоким крыльцом были разбиты цветочные клумбы. Ясно различимая надпись на аккуратной табличке гласила: «Посетителей просим пройти сюда».

«Уж не продают ли там сувенирные открытки и мороженое?» – подумал Адам. За его спиной проехал небесно-голубой пикап, в кабине сидели трое молодых чернокожих. Судя по эмблеме на дверцах, машина принадлежала департаменту исполнения наказаний штата Миссисипи.

Служительница вернула ручку в нагрудный карман и приблизилась к окошку водителя.

– Место жительства в Иллинойсе? – спросила она.

– Чикаго.

– Фотоаппараты, оружие, магнитофоны при себе имеются?

– Нет.

Сунув руку в кабину, она прилепнула на ветровое стекло карточку-пропуск.

– Вам назначена встреча с Лукасом Манном.

– Кто это?

– Наш юрист.

– Но меня не предупреждали о встрече.

Женщина поднесла к лицу Адама официальный бланк.

– Вот распоряжение администрации. Третий поворот налево, здание из красного кирпича.

– Что ему нужно?

Негромко фыркнув, она укоризненно качнула головой. Станный народ эти адвокаты!

Адам вдавил в пол педаль газа. «Сааб» медленно покатился вдоль выкрашенных белой краской коттеджей, где, как он узнал позже, вместе с семьями проживали охранники и другие служащие тюрьмы. Следуя инструкциям, Холл без труда отыскал старой кладки корпус, развернулся на стоянке и заглушил двигатель. Двое вольнонаемных в синих комбинезонах меланхолично подметали ступени каменной лестницы. Избегая зрительного контакта с уборщиками, Адам прошел внутрь.

Улыбчивая секретарша распахнула перед ним дверь в просторный кабинет. Стоя за рабочим столом, мистер Лукас Манн разговаривал по телефону.

– Посидите минутку, – шепнула Адаму секретарша и исчезла.

Свободной рукой Манн сделал приглашающий жест: устраивайтесь, как вам будет удобно. Адам опустил кожаный кейс на стул, с достоинством осмотрелся. К его удивлению, огромный кабинет нисколько не подавлял своими размерами. Сквозь широкие, выходявшие на автостраду окна в помещение щедро лился солнечный свет. Со стены левее окон на посетителя смотрело лицо молодого мужчины с белозубой улыбкой и упрямым подбородком. В нем было что-то неуловимо знакомое. Дэвид Макаллистер, губернатор штата, вспомнил Адам. Скорее всего, подумал он, такой портрет красуется здесь в каждом присутственном месте.

С прижатой к уху телефонной трубкой хозяин кабинета подошел к окну. Облик Лукаса Манна ничем не выдавал в нем юриста. Лет пятидесяти, темные, с густой проседью волосы стянуты на затылке в короткий пучок. Одежда являла собой образчик франтоватого шика, присущего поколению «бунтовщиков». Накрахмаленная до хруста рубашка цвета кофе с молоком, два нагрудных кармана, свободный узел коричневого галстука, хлопчатобумажные, в тон галстуку и жесткие от крахмала брюки с манжетами, в дюймовом зазоре между нижним их краем и до блеска отполированными ботинками видны ослепительно белые носки. Становилось ясно: Лукас умеет одеваться и специализируется на весьма своеобразной области права. Если бы в мочке левого уха мистера Манна болталось серебряное кольцо, его вполне можно было бы принять за не старого еще хиппи, которого подхватила и плавно несет волна всеобщего конформизма.

Обстановка кабинета оказалась типичной, как в любом государственном учреждении: непритязательный деревянный стол, три металлических стула с виниловыми сиденьями, несколько разнокалиберных стеллажей вдоль стены. Неслышно барабанив пальцами по спинке стула, Адам пытался унять смутную тревогу. Неужели сюда приглашают каждого прибывающего в тюрьму адвоката? Чушь! В Парчмане пять тысяч заключенных. Да и Гудмэн ни словом не обмолвился о встрече с Лукасом Манном.

Это имя Адам уже где-то встречал. Нет сомнений, оно мелькало в вырезках из газет. Хорошо бы вспомнить, к какому лагерю принадлежит его обладатель: «славных парней» или «злодеев»? Какую роль играет он в судьбе осужденных на смерть? Основным противником будет, конечно, генеральный прокурор штата, но чего следует ждать от Манна?

Положив трубку на стол, Лукас радушно протянул Адаму руку.

– Рад знакомству, мистер Холл. Прошу вас, садитесь. – Его тягучий местный говор оказался довольно мелодичным. – Спасибо, что решили заехать.

Адам опустился на жесткий винил.

– Благодарю. Не менее рад. Чем обязан?

– У меня всего два небольших вопроса. Прежде всего приветствую вас от имени администрации. В течение двенадцати лет я веду здесь различные гражданские дела наших подопечных: права заключенных, компенсация морального ущерба и прочее. Иски поступают в суд ежедневно. Я имею также некоторое отношение к осужденным на смерть. Если не ошибаюсь, вы хотите встретиться с Сэмом?

– Совершенно верно.

– Он вас нанял?

– Пока нет.

– Так я и думал. Вот и второй мой вопрос. Суть в том, что вы не можете общаться с заключенным, если не представляете его интересы официально. Насколько мне известно, Сэм однозначно отказался от услуг юридической фирмы «Крейвиц энд Бэйн».

– Значит, встреча невозможна? – спросил Адам, испытывая нечто вроде облегчения.

– В принципе, нормативные документы такую не предусматривают. Вчера я долго говорил по телефону с Гарнером Гудмэном. Несколько лет назад нас свела вместе казнь некоего Мэйнарда Тоула. Слышали о нем?

– Самую малость.

– В восемьдесят шестом при мне здесь был приведен в исполнение второй смертный приговор.

Прозвучало это так, будто Лукас собственноручно пустил в камеру газ. Хозяин кабинета уселся на стол, его скроенные, казалось, из жести брюки внятно хрустнули.

– А всего их я пережил четыре. Сэм должен стать пятым. Да... Словом, Гудмэн выступал защитником Мэйнарда Тоула, и мы познакомились. С удовольствием констатирую: Гарнер – настоящий джентльмен и превосходный адвокат.

– Спасибо, – пробормотал Адам, не в силах придумать что-то более подходящее.

– Лично я их ненавижу.

– Смертные приговоры?

– Разумеется. Причем в ненависти своей прохожу несколько стадий. Каждый раз, когда тут кого-то казнят, я ощущаю, что мир стремительно теряет остатки разума. Потом в памяти возникают омерзительные подробности дела, и кара уже не кажется мне столь бесчеловечной. Первым в мою бытность здесь казнили Тедди Микса, бродягу, который изнасиловал, а затем топором разрубил на части одиннадцатилетнего мальчишку. По гнусному подонку в округе не скорбели. Господи, да ведь таких историй не перечесть! Вы не против, если мы продолжим эту тему чуть позднее?

– Конечно, – без всякой уверенности отозвался Адам, не представляя, хватит ли ему мужества до конца выслушать леденящую исповедь тюремщика.

– Я сказал Гарнеру, что, на мой взгляд, вас не следует допускать к Сэму. Он выслушал меня, а затем пустился в довольно туманные объяснения. По его словам, ситуация сложилась исключительная, и хотя бы один визит к Кэйхоллу вам необходим. Почему она стоит особняком, Гарнер не пояснил. Вам ясно, что я имею в виду? – Лукас с удовлетворением почесал подбородок, как бы предвкушая разгадку головоломки. – Правила у нас весьма строгие, в БОРе – тем более. Но смотритель сделает все, о чем я его попрошу. – Последнюю фразу Манн произнес медленно и подчеркнуто раздельно.

– Мне... м-м... действительно нужно его увидеть, – внезапно севшим голосом сказал Адам.

– Да, Сэму требуется адвокат. Честно говоря, я рад вашему приезду. Мы ни разу еще не исполняли приговор в отсутствие адвоката. До последней минуты предстоит выполнить множество юридических формальностей, и я буду чувствовать себя спокойнее, зная, что у Сэма есть защитник. – Лукас спрыгнул со стола, обошел его и уселся в кресло.

Адам ждал.

– О каждом приговоренном к смерти, – начал Манн, листая толстую папку, – мы по крохам собираем всю возможную информацию. – В его чуточку напыщенном тоне звучало как бы предупреждение. – Особенно когда срок казни приближается. Известно ли вам что-нибудь о семье Сэма?

Ком в желудке вырос до размеров футбольного мяча. Пожимая плечами, Адам одновременно затряс головой: «Господи, откуда?»

– Вы не планируете встретиться с его родными?

Плечи налились свинцом, однако он все же вновь пожал ими.

– Обычно в таких случаях нам приходится часто контактировать с членами семьи. По-видимому, не избежать этого и вам. В Мемфисе живет дочь Сэма, миссис Ли Бут. Могу на всякий случай дать адрес. – Лукас бросил на него испытующий взгляд. Адам молчал. – Не думаю, чтобы вы были знакомы, а?

Он опять потряс головой.

– У Сэма был сын, Эдди Кэйхолл, но в восемьдесят шестом бедняга покончил с собой. Жил в Калифорнии, имел двух детей. Старший родился в Клэнтоне, Миссисипи, 12 мая 1964 года. По странному совпадению в этот же день появились на свет и вы, только в Мемфисе, если, конечно, верить справочнику Мартиндэйла – Хьюббелла. Младшая, то есть дочь, родилась в Калифорнии. Хотите, я свяжусь с внуками?

– Эдди Кэйхолл был моим отцом. – Сделав глубокий вдох, Адам не мог отвести глаз от поверхности стола; в висках его громко стучало, зато давивший на плечи груз исчез. Он изобразил подобие улыбки.

Лицо Манна осталось абсолютно невозмутимым. После минутного молчания Лукас с едва уловимой ноткой превосходства заметил:

– Я так и предполагал. – Он принялся методично перелистывать бумаги, которые, казалось, хранили множество новых секретов. – На Скамье человек чувствует себя очень одиноким, и я не раз задумывался о семье Сэма. Временами он получает корреспонденцию, но только не от близких. Никаких посетителей. Правда, Сэму они и не нужны. Тем не менее странно, что такую знаменитость напрочь забыли родственники. А ведь речь идет о белом! Надеюсь, вы понимаете, что я вовсе не пытаюсь проникнуть в чужие тайны?

– Безусловно.

– Мы обязаны все продумать заранее, мистер Холл. К примеру, что делать с телом, по какому обряду будут проходить похороны? Здесь должна подключиться семья. После вчерашнего разговора с Гудмэном я попросил наших людей в Джексоне разыскать соответствующую информацию. Это не составило особого труда. Когда же они поинтересовались и вами, то мгновенно выяснилось, что в архивах штата Теннесси отсутствует регистрационная запись о рождении 12 мая 1964 года мистера Адама Холла. Один узелок, другой – это было очень просто.

– Теперь мне нет смысла прятаться.

– Когда вы узнали о Сэме?

– Девять лет назад. Моя тетка, Ли Бут, рассказала все после похорон отца.

– Вы хоть раз виделись с Сэмом? Писали ему?

– Нет.

Лукас закрыл папку.

– Значит, он понятия не имеет о том, кто вы и для чего оказались здесь?

– Совершенно верно.

– Уфф!

Адам несколько расслабился. Шаг сделан, и земля все-таки не разверзлась под ним. Если бы не Ли с ее вполне объяснимыми страхами, можно было бы чувствовать себя даже на высоте положения.

– Как долго мне позволят общаться с ним сегодня?

– Видите ли, мистер Холл...

– Просто Адам.

– Отлично. Так вот, Адам, для сидящих на Скамье у нас существует два набора правил.

– Извините, но при въезде мне сказали, что никакой Скамьи здесь не существует.

– В официальном смысле – да. У персонала в ходу лишь «БОР» или «Блок семнадцать». Когда до исполнения приговора остается совсем немного, мы идем на некоторые поблажки. Обычно беседа с юристом длится шестьдесят минут, но ваш случай – особый. Можете не смотреть на часы. Думаю, вам есть о чем поговорить.

– Значит, мое время не ограничено?

– Да. Хотите просидеть с ним до вечера – пожалуйста. Главное для нас – это обеспечить его и вашу безопасность. Я побывал в пяти штатах, и нигде к смертникам не относятся лучше, чем здесь. В Луизиане бедолагу за трое суток до казни помещают в особое помещение, которое

называют Чертогом смерти. Почему они там так жестоки? Нет, вплоть до Большого дня Сэм будет окружен искренней заботой.

– Большого дня?

– До него осталось четыре недели. Восьмое августа. – Лукас порылся в стопке бумаг, протянул одну из них Адаму. – Получили сегодня утром. Отсрочка приговора истекла, Верховный суд штата Миссисипи назначил дату – восьмое августа.

Адам невидящим взглядом смотрел на постановление.

– Четыре недели, – ошеломленно прошептал он.

– К сожалению. Часа полтора назад я отнес копию Сэму.

Боюсь, сейчас он не в духе.

– Четыре недели, – повторил Адам, вчитываясь в слова «Штат Миссисипи против Сэма Кэйхолла». – Наверное, мне стоит пройти к нему, как вы думаете?

– Да. Послушайте, Адам, я вовсе не злодей. – Поднявшись, Лукас сложил на груди руки и принялся медленно расхаживать вдоль стола. – Я лишь выполняю свою работу. Моя задача – проследить за соблюдением закона. Удовольствия в этом мало, потому как очень скоро сюда начнут звонить: инспектор, его ассистенты, генеральный прокурор, губернатор, вы и сотни других. Я окажусь в кипящем котле. Ничего приятного здесь нет. Просто знайте: в случае нужды я рядом. Можете рассчитывать на мою поддержку и помощь.

– По-вашему, Сэм позволит мне представлять его интересы?

– Не сомневаюсь.

– Какова вероятность того, что через четыре недели приговор будет приведен в исполнение?

– Пятьдесят на пятьдесят. От суда можно ожидать чего угодно. Спустя неделю мы приступим к подготовке. Формальностей хватает, необходимо предусмотреть любую мелочь.

– Вы имеете в виду репетицию казни?

– Нечто в этом роде. Такая работа не приносит радости, уверяю.

– Ясно. Люди, честно исполняющие свой долг...

– Да. Если общество требует смерти преступника, то кто-то обязан осуществить требуемое.

Адам положил постановление суда в кейс, поднялся.

– Что ж, спасибо за, так сказать, гостеприимство.

– Оставьте. Как мне узнать, чем закончился ваш разговор?

– Я направлю вам копию договора с Сэмом – если он его подпишет.

– Этого будет достаточно.

Мужчины пожали друг другу руки, и Адам шагнул к двери.

– Еще один момент, – остановил его Лукас. – Когда Сэма приведут, попросите охранника снять с него наручники. Я позабочусь о том, чтобы ваша просьба была выполнена. Кэйхолл ее оценит.

– Благодарю вас.

– Удачи.

Глава 9

Когда Адам покинул здание, в воздухе уже разлилась полуденная жара. Два человека в синих комбинезонах продолжали размеренно махать метлами. На ступенях Адам остановился, вглядываясь в десятка полтора заключенных, которые, двигаясь вдоль обочины автострады, собирали мусор. Присматривал за ними сидевший верхом на лошади единственный охранник. По проезжей части неслись, не снижая скорости, машины. «Интересно, – подумал Адам, – кому это здесь разрешено находиться вне ограды, да еще так близко к шоссе?»

Сев за руль «сааб» уже мокрым от пота, он включил двигатель. Автомобиль медленно покатыл мимо аккуратных белых коттеджей, мимо деревьев и цветочных клумб на газонах. До чего уютное местечко. За стрелкой указателя «Блок 17» Адам свернул на пыльный проселок и метров через триста оказался перед двойным забором из металлических прутьев с колючей проволокой наверху.

Построенная в 1954-м, Скамья официально называлась Блоком особого режима. Табличка на внутренней ограде сообщала посетителю дату окончания строительства, имена тогдашнего губернатора, автора архитектурного проекта и еще каких-то давно забытых чиновников, чьими заботами проект воплотился в реальность. Для своего времени одноэтажное сооружение могло считаться шедевром: два сходящихся под углом длинных прямоугольника из красного кирпича, абсолютно плоская крыша.

Адам загнал «сааб» на стоянку, выключил двигатель, но остался за рулем. Не видно было ни решеток на окнах, ни патрулирующей здание охраны. Если бы не два ряда металлических прутьев, его можно было бы принять за обычную начальную школу небольшого городка. Под баскетбольным щитом слева от корпуса прыгал с мячом одинокий чернокожий.

По верху трехметровой ограды спиралью вилась колючая проволока, отточенные зубцы ее хищно поблескивали в лучах солнца. Ограда представляла собой идеальный квадрат, в каждом углу которого стояла застекленная вышка. Со всех четырех сторон Скамью окружало хлопковое поле.

Сжав ручку кейса, Адам выбрался из машины. Вот, значит, где от имени государства отнимают жизнь. Он снял пиджак, одернул прилипшую к груди рубашку. В желудке снова повернулся тяжелый ком. Первые шаги к вышке были сделаны через силу; мозг в приступе клаустрофобии кричал: «Бежать отсюда, бежать!» Колени подкашивались. У вышки Адам остановился, задрал голову. Из стеклянной будочки появилась миловидная женщина в форме, опустила на веревке пластиковое ведро.

– Ваши ключи, – лаконично пояснила она; от колючей проволоки по верху ограды площадку вышки отделяло метра полтора.

Адам подчинился. На дне ведра уже лежало несколько связок. В следующее мгновение женщина потянула веревку и к чему-то там привязала: красное ведро повисло в неподвижном воздухе. Послышалось слабое гудение электромотора, створка ворот дрогнула и поползла в сторону. Сделав пять шагов, Адам остановился; проем за его спиной медленно исчезал. Первая заповедь охраны: каждый вход должен быть оборудован шлюзовой системой допуска.

Когда створка с глухим щелчком встала на свое место, начали размыкаться вторые ворота. Из дверей «Блока 17» вышел массивный страж и неторопливо направился по выложенной кирпичом дорожке к Адаму. Тот уже стоял внутри периметра, опасливо вглядываясь в угрожающего вида фигуру мужчины.

– Сержант Пакер. – Чернокожий протянул молодому юристу ладонь, которая больше походила на лопату.

– Адам Холл. – Пожимая руку, он едва не вскрикнул от боли.

– К Сэму. – Пакер не спрашивал, а просто констатировал факт.

– Да, сэр.

Наверное, мелькнуло у Адама в голове, по-другому здесь Кэйхолла и не называют.

– Впервые у нас?

Плечом к плечу оба зашагали к зданию.

– Да. – Адам бросил взгляд на распахнутые окна. – Скажите, тут содержатся все смертники?

– Угу. Сорок семь человек – на сегодняшний день. Одного потеряли неделю назад.

– Потеряли? – Они приблизились к крыльцу.

– Верховный суд пересмотрел дело, и его перевели к обычному контингенту. Я должен вас обыскать.

Адам беспокойно посмотрел по сторонам: где именно Пакер намерен осуществить деликатную процедуру?

– Раздвиньте-ка ноги. – Страж невозмутимо взял у него кейс, поставил рядом с собой.

Несмотря на вполне объяснимое волнение, Адам подумал, что ему ни от кого не пришлось слышать подобную просьбу раньше.

Пакер был настоящим профессионалом. Легкими, неощутимыми движениями он похлопал по щиколоткам Адама, коснулся его дрожавших коленей, провел ладонями вокруг пояса. Убедившись в отсутствии под мышками у посетителя кобуры с оружием, страж раскрыл кейс и передал его юристу. Весь обыск длился около пяти секунд.

– Сэм сегодня не в настроении, – сочувственно заметил Пакер.

– Меня уже предупредили. – Перекинув пиджак через плечо, Адам повернулся к крыльцу.

– Нам туда. – Чернокожий гигант ступил на траву и двинулся к углу здания.

Адам покорно последовал за ним к невзрачной металлической двери без таблички.

– Что за ней? – спросил он, безуспешно пытаясь припомнить детали рассказа Гудмэна.

– Комната для встреч. – Пакер достал из кармана ключ, сунул его в скважину замка, повернул.

На пороге Адам оглянулся. Дверь была расположена значительно правее главного входа. По-видимому, администрация не желала, чтобы юристы мешались у нее под ногами и проявляли нездоровое любопытство.

Он набрал в грудь воздуха, сделал шаг внутрь. Комната оказалась пуста, и это успокаивало. Разговор предстоит нелегкий, возможно, даже весьма эмоциональный, поэтому лучше провести его без посторонних. Помещение размером десять на пять метров заливал безжизненный свет люминесцентных ламп. Цементный пол, в дальней стене под самым потолком три небольших окна, сбоку от них натужно гудит кондиционер, производя, к сожалению, больше шума, чем прохлады.

Проходившая посреди комнаты стена делила ее на две половины: одна предназначалась адвокатам, другая – их клиентам. Примерно до метровой высоты стена была сложена из кирпича, по всей длине ее левой стороны тянулся узкий стол, где юристы могли разложить свои блокноты и вести необходимые записи. Выше до потолка поднималась выкрашенная зеленой краской металлическая перегородка с забранными толстой решеткой оконцами.

Вдоль ряда складных алюминиевых стульев Адам медленно прошел в конец комнаты.

– Дверь я запру, – сказал Пакер. – Сэма скоро приведут. Негромкий скрежет замка, и Адам остался в одиночестве.

Место для беседы он выбрал у дальней стены: если даже появится еще один посетитель, от него их будет отделять хоть какое-то пространство. Повесив на спинку стула пиджак, Адам достал из кейса блокнот, ручку и принялся грызть ногти. Привычка, безусловно, отвратительная, но он не мог ничего с собой поделать. В желудке урчало, ботинки выбивали по цементному полу быструю дробь. В попытке отвлечься он начал рассматривать вторую половину комнаты:

тот же стол, те же уродливые, похожие на насекомых стулья. Через несколько минут в оконце напротив появится лицо Сэма Кэйхолла.

Адам ждал. «Не дергайся, возьми себя в руки, все пройдет нормально».

Он начал писать что-то в блокноте, однако буквы расплывались перед глазами. Тогда Адам закатал рукава рубашки и пристальным взглядом обвел углы комнаты: не скрыты ли где микрофоны или телекамеры? Но обстановка была настолько примитивной, что мысль о подслушивающих устройствах казалась нелепой. Судя по поведению Пакера, предстоящая встреча Сэма с защитником персонал тюрьмы ничуть не интересовала.

Он смотрел на пустые стулья и думал: как много отчаявшихся, потерявших надежду людей приходили сюда, чтобы услышать от адвоката хотя бы слова утешения? Сколько последних просьб прозвучало здесь, пока стрелки часов продолжали свой неумолимый отсчет? Сколько юристов сообщали в этих стенах о том, что, несмотря на все их усилия, приговор будет приведен в исполнение?

Такие размышления успокаивали. В конце концов, не он первый, не он и последний. У него отличное образование, цепкий, аналитический ум и мощная поддержка прославленной фирмы. Он справится.

Стук каблучков стих, легла на деревянный прилавок рука с обкусанными ногтями.

От резкого звука металлической задвижки Адам вздрогнул. Невидимая дверь в противоположной половине раскрылась, и в комнату ступили двое молодых охранников. Следом появился одетый в ярко-красный спортивный костюм Сэм Кэйхолл. Запястья его были схвачены за спиной наручниками. Сэм повел головой, прищурился на зарешеченное окошко. Два взгляда встретились. Один из охранников подтолкнул смертнику стул. Выглядел Сэм изможденным и бледным.

– Кто ты такой? – спросил он, опускаясь на стул и глядя Адаму в глаза.

Тюремщики направились к двери.

– Не могли бы вы снять наручники? – негромким вопросом остановил их Адам.

– Нет, сэр. Это не разрешается. Он судорожно сглотнул.

– И все же снимите их. С ним ничего не произойдет.

Охранники переглянулись. Тот, что был чуть старше, достал из кармана ключ; в следующее мгновение руки заключенного свободно упали вдоль бедер.

На Сэма это не произвело ни малейшего впечатления. Дверь уже захлопнулась, а он все не сводил с Адама пристального взгляда.

Некоторое время в комнате слышалось лишь неровное гудение кондиционера. Не в силах выдержать взгляд Сэма, Адам начал разлиновывать страницу блокнота. Исчеркав ее донизу, он усилием воли заставил себя просунуть сквозь решетку визитную карточку.

– Меня зовут Адам Холл. Я работаю в юридической фирме «Крейвиц энд Бэйн», Чикаго.

Сэм придирчиво изучил карточку с обеих сторон. Адам неотрывно следил за его морщинистыми, желтыми от никотина пальцами. Мертвенно-серое лицо клиента покрывала пятидневная щетина. На лоб и виски падали длинные сальные клочья седых волос. Облик Кэйхолла ничуть не напоминал ни мужчину, мелькавшего в кадрах телехроники, ни запечатленного фоторепортером в 1981 году главного участника последнего судебного процесса. Сэм превратился в старика: истончившаяся кожа висит под глазами складками, глубокие борозды пролегли на щеках и лбу. От прошлого сохранились лишь ярко поблескивавшие зрачки.

– А вы, еврейская братия, смотрю, так и не успокоились? – Его ровный голос оказался даже приятным, лишенным и нотки раздражения или злобы.

– Я не еврей. – Адаму чудом удалось выдержать пронизательный взгляд.

– Как же ты тогда работаешь на «Крейвиц энд Бэйн»?

Карточка легла в сторону. В словах Сэма звучало бесконечное терпение, ставшее привычным для того, кто девять с половиной лет провел в одиночной камере.

- Все сотрудники фирмы в абсолютно равных условиях.
- Замечательно. Торжество закона и полное соблюдение гражданских прав.
- Разумеется.
- Сколько там сейчас партнеров?

Адам пожал плечами. Количество партнеров менялось каждый год.

- Около полутора сотен.
- Значит, сто пятьдесят человек. И сколько среди них женщин?
- Право, затрудняюсь ответить. Скажем, дюжина.

– Дюжина, – повторил Сэм, почти не разжимая губ. Руки его неподвижно лежали на столе; усевшись перед оконцем, он еще ни разу не моргнул. – Значит, менее десяти процентов. А черномазых?

- Не могли бы мы называть их чернокожими?
- Отчего же, хотя и этот термин уже устарел. Теперь они именуют себя афроамериканцами. Думаю, ты достаточно политкорректен, чтобы знать такие мелочи.

Адам молча кивнул.

- Так сколько ваших партнеров являются афроамериканцами?
- Четверо, по-моему.

– Менее трех процентов. Жаль, жаль. «Крейвиц энд Бэйн», бастион справедливости и оплот демократии, оказывается, не очень-то приветствует в своих стенах афроамериканцев. Вместе с представительницами прекрасного пола, замечу. Не знаю, что и сказать.

Адам бесцельно водил ручкой по блокноту. Он мог бы, конечно, поспорить, привести цифры, ведь женщины составляли почти треть сотрудников, а на юридических факультетах руководство настойчиво подыскивало лучших чернокожих студентов. Он мог бы рассказать, что иски с обвинениями в дискриминации фирме предъявили двое белых выпускников, чьи вакансии в последний момент были просто ликвидированы.

- Много ли в фирме партнеров-евреев? Процентом восемьдесят?

– Не знаю. Честно говоря, меня этот вопрос никогда не интересовал.

– Зато меня он волнует. Видишь ли, меня здорово смущало то, что мои интересы отстаивала банда ханжей и фанатиков.

- Большинство наших клиентов испытывают к ним только благодарность.

Размеренно-плавным движением Сэм извлек из нагрудного кармана синюю пачку сигарет «Монклер» и дешевую пластиковую зажигалку. В разрезе его наполовину застегнутой спортивной куртки виднелись густые седые волосы. Жить здесь без кондиционера невозможно, подумал Адам.

Закурив, Кэйхолл пустил к потолку струю дыма.

- Мне казалось, на контактах с вашими людьми уже поставлена точка.
- Меня никто сюда не посылал. Я приехал по собственной воле.
- Для чего?
- Н-не знаю. Вам необходим адвокат, и...
- Почему ты нервничаешь?

Адам сжал в кулак пальцы с изгрызенными ногтями, ботинки его перестали отбивать чечетку.

- Я не нервничаю.

– Да тебя же трясет. Я перевидал десятки адвокатов, но такого беспокойного встречаю впервые. В чем дело, малыш? Боишься, я на тебя брошусь?

Хмыкнув, Адам попытался улыбнуться:

- Не валяйте дурака. Я ничуть не нервничаю.
- Сколько тебе лет?
- Двадцать шесть.

– А выглядишь на двадцать два. Когда закончил учебу?

– В прошлом году.

– Великолепно. Эти еврейские выродки прислали сюда необстрелянного мальчишку. Давно знал, что в глубине души они желают мне смерти. Твой приезд – лишнее тому доказательство. Сначала я убивал их, теперь они горят желанием убить меня. Все сходится.

– Значит, вы признаете, что убили детей Крамера?

– Хорошенький вопрос, черт побери! Присяжные говорят, так и было. Девять лет апелляционные суды подтверждают их точку зрения. Да кто ты такой, чтобы задавать мне подобные вопросы?

– Вам нужен адвокат, мистер Кэйхолл. Я приехал сюда, чтобы помочь.

– Мне нужно многое, парень. Но уверяю тебя, я обойдусь без советов какого-то сопливого юнца. Ты опасен, сынок. И слишком глуп, чтобы осознать это.

Лишенный всяких эмоций, голос Сэма вновь прозвучал спокойно и взвешенно. Держа сигарету между средним и указательным пальцами, Кэйхолл аккуратно стряхнул пепел в пластиковый стаканчик. Лицо его оставалось бесстрастным.

Адам черкнул в блокноте очередную закорючку и еще раз попробовал выдержать на себе немигающий взгляд собеседника.

– Послушайте, мистер Кэйхолл, я, как юрист, выступаю категорически против смертной казни. У меня отличное образование, я зубок знаю Восьмую поправку и могу быть вам полезен. Вот почему я здесь. Услуги профессионального адвоката обойдутся вам даром.

– Даром, – повторил Сэм. – Удивительное великодушие. А известно ли тебе, малыш, что еженедельно сюда приходят трое твоих коллег, которым не терпится обласкать меня – даром? Трое опытейших буквоедов, трое богатеньких пройдох и настоящих светил юриспруденции. Они охотно займут твое место, начнут писать новые апелляции, давать интервью, позировать перед камерами, будут в последние часы трогательно держать меня за руку, а потом наблюдать за тем, как я вдыхаю газ. Через час они выступят на пресс-конференции, через день заключат договор с издательством, если не с киностудией. Они договорятся о съемках маленького телевизионного сериала о жизни и смерти Сэма Кэйхолла, легендарного куклуксклановца. Я стал знаменитостью, сынок. А поскольку уже начаты приготовления к казни, слава моя будет еще громче. Вот почему сюда так рвутся адвокаты. Они чуют запах хорошей наживы. Бедная, несчастная страна.

Адам покачал головой:

– Все это не для меня, даю слово. Готов подписать соглашение о конфиденциальности.

– Ага! – Сэм ухмыльнулся. – Кто же проследит за его выполнением, когда я уйду?

– Ваша семья.

– О семье – ни слова, – твердо сказал старик.

– Мои намерения чисты, мистер Кэйхолл. Фирма «Крейвиц энд Бэйн» представляла ваши интересы в течение семи лет, ваше дело я изучил от корки до корки. Как, собственно, и все ваше прошлое.

– Поздравляю. Сотни газетчиков исследовали также и мое исподнее. Великое множество проныр хвалятся своей осведомленностью, но мне от нее никакого толку. Осталось четыре недели. Ты в курсе?

– У меня с собой постановление суда.

– Через четыре недели откроют кран.

– Тогда не стоит терять времени. Обещаю, что без вашего разрешения я ни звука не издам в присутствии прессы, не повторю ни слова из сказанного вами, не вступлю в контакт с издательствами или киношниками. Клянусь.

Сэм закурил вторую сигарету и опустил голову. Пальцы, сжимавшие дымящийся бумажный цилиндр, почесали висок. Тишину в комнате нарушало лишь урчание кондиционера.

Водя ручкой по разлинованному листу блокнота, Адам почти гордился своей выдержкой. Боль в желудке стихла. Похоже было, что Кэйхолл не видит смысла продолжать разговор.

– Тебе о чем-нибудь говорит имя Баррони? – вдруг спросил Сэм.

– Баррони?

– Да, Баррони. Из Калифорнии. Прибыл сюда на прошлой неделе.

Адам тщетно пытался вспомнить.

– Должен был что-то слышать.

– Должен был что-то слышать? Ты, образованный, начитанный – и всего лишь «должен был слышать»? О Баррони? Дырка ты в заднице, а не юрист.

– Я не дырка в заднице.

– Ну-ну. А как насчет «Штат Техас против Икеса»? Уж это дело ты наверняка прочитал?

– Когда оно слушалось?

– Месяца полтора назад.

– Где?

– В окружном суде.

– Тоже по Восьмой поправке?

– Не будь идиотом. – Сэм пренебрежительно усмехнулся. – Думаешь, я листаю судебные сборники от нечего делать? Да пройдет всего четыре недели, и мне...

– Нет, я не помню Икеса.

– Что же ты читал?

– Все наиболее важные отчеты.

– И про Бэрфута тоже?

– Естественно.

– Расскажи мне о нем.

– Это что, экзамен?

– Это то, чего я хочу. Откуда он родом?

– Не помню. Но дело называлось «Бэрфут против Эстелла», восемьдесят третий год. Верховный суд постановил тогда, что приговоренные к смерти могут подать оговоренное законом количество апелляций и не имеют права оттягивать их подачу до дня казни. Что-то в этом роде.

– Господи, ты действительно читал его. Неужели не ясно, что суд в любой момент может пересмотреть собственное решение? Пошевели мозгами, парень. В течение двух столетий федеральная власть приветствовала смертную казнь. Наказание полностью соответствовало конституции, которую изрядно приукрасила Восьмая поправка. Затем, в семьдесят втором году, Верховный суд страны изменил конституцию и объявил смертную казнь вне закона. Позже, в семьдесят шестом, высшая мера была восстановлена – теми же самыми ослами в черных мантиях. Теперь Верховный суд опять принялся заигрывать с конституцией. Людям Рейгана надоело возиться с апелляциями, и они решили упростить процедуру. Мне это кажется странным.

– Не вам одному.

– А Далэни? – Сэм глубоко затынулся. Несмотря на работающий кондиционер, под потолком плавало облако дыма.

– Откуда он?

– Из Луизианы.

– Уверен, что его дело мне знакомо. Я читал их побольше вашего, но запоминал только те, что собирался как-то использовать.

– Использовать?

– В своей практике, при оформлении ходатайств или апелляций.

– Выходит, ты уже занимался смертными приговорами? Сколько у тебя их было?

– Ваш – первый.

– Звучит не очень-то успокаивающе. Эти иудеи вознамерились поэкспериментировать? Тебе поручили набраться опыта?

– Мне никто ничего не поручал.

– Даже Гудмэн? Гарнер жив еще?

– Он примерно ваших лет.

– В таком случае ему осталось недолго, согласен? А Тайнер?

– Мистер Тайнер на здоровье не жалуется. Передам, что вы им интересовались.

– Будь любезен. Скажи, я соскучился. Соскучился по обоим. Черт, мне потребовалось почти два года, чтобы выставить их за дверь.

– Они не жалели своих сил.

– Пусть пришлют мне счет. – Сэм хихикнул впервые за время беседы. Методично затушив окурок, он тут же извлек из пачки новую сигарету. – Для сведения, мистер Холл: адвокатов я ненавижу.

– Это вполне по-американски.

– Они преследовали меня, докучали мне, издевались надо мной, их стараниями я попал сюда, в конце концов. Но и здесь меня не оставили в покое. Устав от лжи, эти твари прислали на свое место несмышленного новичка, который в нужную минуту и рот побоится открыть.

– Думаю, вы еще удивитесь.

– Я наверняка удивлюсь, сынок, если ты отличишь мышиную нору от дырки в собственной заднице. В случае успеха ты станешь первым из вашей фирмы, кому это удалось.

– А ведь это благодаря именно им вы пока так и не вошли в газовую камеру.

– Я должен быть благодарен? Да передо мной в очереди стоят пятнадцать человек. Почему вдруг я стану первым? Я пробыл здесь девять с половиной лет. Тримонт – четырнадцать. Конечно, он афроамериканец, это всегда помогает. У черного больше прав, ты же знаешь. С ним сложнее. Что бы он ни сделал, виноват оказывается другой.

– Неправда.

– Тебе ли понимать, где правда, а где нет? Год назад ты корпел над учебниками, носил потертые джинсы и пил с друзьями пиво. Ты еще и не жил, парень. Не говори со мной о правде.

– Значит, вы за то, чтобы суды с афроамериканцами не церемонились?

– Такой подход был бы разумным. Большинство этих подонков заслуживают смерти.

– Уверен, на Скамье вас не поддержат.

– Твое право.

– Вы считаете свой случай особым?

– Да. Я – политический узник, который оказался здесь по воле маньяков, преследующих определенные цели.

– Мы можем поговорить о степени вашей вины?

– Нет. Но я не делал того, что мне приписывают.

– Выходит, у вас имелся сообщник? Бомбу установил кто-то другой?

Сэм потер лоб. В комнате было все же намного прохладнее, чем в его тесной одиночке. Пусть разговор лишен всякого смысла, но все-таки это разговор не с тюремщиком. Нет, нужно сполна насладиться отпущенным временем, растянуть его.

Изучая немногочисленные пометки в блокноте, Адам думал о том, что сказать дальше. Беседа длилась минут двадцать, даже не беседа, а так, пикировка. Прежде чем уйти, он обязательно должен затронуть тему родства. Вот только как к ней подступиться?

В молчании тянулась минута за минутой. Кэйхолл вытащил из пачки третью сигарету.

– Почему вы так много курите? – решил наконец Адам.

– Предпочитаю умереть от рака легких. На Скамье это всеобщее желание.

– И сколько пачек в день?

– Три-четыре.

Еще одна долгая минута. Сэм тщательно затушил окурок.

– Где ты получил образование?

– В юридической школе Мичигана. После Пеппердайна.

– Никогда не слышал о таком.

– Это в Калифорнии.

– Ты там вырос?

– Да.

– Сколько штатов не отказались еще от смертной казни?

– Тридцать восемь. Но в большинстве она не применяется. Применяют ее главным образом на Юге: в Техасе, Флориде, Калифорнии.

– Чтoб ты знал: наши чуткие законодатели ввели кое-какие новшества. Теперь нас могут отправлять на тот свет смертельной инъекцией. Это считается более гуманным. Мило, да? Ко мне, правда, такая милость неприменима: приговор был вынесен годы назад. Что ж, придется нюхнуть газу.

– Может, и нет.

– Тебе двадцать шесть?

– Да.

– Родился в шестьдесят четвертом?

– Верно.

Достав очередную сигарету, Сэм постучал ею по столу.

– Где?

– В Мемфисе, – ответил Адам, не глядя на собеседника.

– Ты не понимаешь, парень. Штату необходима новая жертва. Луизиана, Техас, Флорида – все они без колебаний избавляются от неудобных. Законопослушные жители Миссисипи недоумевают: почему наша уютная газовка пустует? Чем больше у нас совершается преступлений, тем громче люди требуют смертной казни. Нужно дать им почувствовать силу системы, стоящей на страже их собственных жизней. Перед выборами политики открыто обещают строить новые тюрьмы, выносить суровые приговоры и безжалостно расправляться с убийцами. Вот почему эти клоуны в Джексоне проголосовали за смертельную инъекцию. Обществу она представляется более человечной. Ясно?

Адам едва заметно кивнул.

– Время на них уже давит, а тут я подвернулся. Естественно, они будут нестись на всех парах. Их не остановишь.

– Но мы можем попробовать. Шансы остаются.

Кэйхолл закурил, с присвистом выпустил тонкую струйку дыма и подался к зарешеченному окошку.

– Откуда в Калифорнии ты приехал?

– С юга. Из Лос-Анджелеса. – На мгновение взгляды их встретились, и Адам тут же отвел глаза в сторону.

– Твои родичи все еще там?

В груди внезапно похолодело. Сэм смотрел на него в упор.

– Мой отец умер, – дрогнувшим голосом ответил Адам.

Прошла минута, прежде чем Сэм откинулся на спинку стула и задал новый вопрос:

– А мать?

– Живет в Портленде. Со вторым мужем.

– Что с сестрой? Адам прикрыл глаза.

– Учится.

– Ее зовут Кармен, так? – мягко спросил Кэйхолл.

– Откуда вы знаете? – выдавил Адам.

Бросив дымившуюся сигарету на пол, Сэм приник к решетке.

– Зачем ты здесь? – Вопрос прозвучал неприязненно и твердо.

– Как вы узнали, что это я?

– По голосу. Он почти такой же, как у отца. Зачем ты здесь?

– Меня послал Эдди.

Два взгляда встретились вновь, однако теперь первым не выдержал Сэм. Упершись локтями в колени, он опустил голову. Время остановилось.

Правой рукой Кэйхолл прикрыл лицо.

Глава 10

До пенсии шестидесятитрехлетнему Филлипу Найфеху оставалось всего девятнадцать месяцев. Девятнадцать месяцев и четыре дня. Прослужив двадцать семь лет инспектором департамента исполнения наказаний штата Миссисипи, он пережил шесть губернаторов, армию административных чиновников, выиграл не менее тысячи предъявленных заключенными исков и видел столько казней, что предпочитал не вспоминать об их количестве.

Смотритель, как он привык называть себя сам (хотя официально такой должности в штате не существовало), был чистокровным ливанцем, чьи родители-иммигранты осели в Дельте еще в начале 20-х. Достаток семье обеспечила небольшая продуктовая лавка в Кларксдэйле, жители которого быстро воздали должное кулинарному искусству матери Филлипа. Особой популярностью пользовались приготовленные ею традиционные ливанские сладости. Окончив школу, мальчик поступил в колледж далеко от дома, образованным человеком вернулся и, по уже давно забытым причинам, избрал для себя ниву борьбы с преступностью.

Смертные приговоры он ненавидел. Он хорошо понимал потребность в них общества и мог без запинки перечислить многочисленные аргументы в их пользу. Казнь как средство устрашения. Ее посредством общество избавляет себя от убийц. Она служит крайней, но пока еще явно необходимой мерой. Мера эта, упомянутая в Библии, утоляет жажду возмездия, дает выход справедливому гневу семьи и родственников жертвы. При необходимости Филлип Найфех сумел бы представить все эти доводы с убедительностью прокурора. В пару из них он готов был поверить.

Но как бы то ни было, бремя лишить человека жизни лежало на его плечах, и тяжелая эта обязанность вызывала в Филлипе отвращение. Именно он сопровождал приговоренного в «комнату сосредоточения», как ее называли, где закон обязывал смертника провести свой последний час. Именно он раскрывал дверь находившейся напротив газовой камеры и убеждался в прочности ремней, которыми фиксировались ноги, руки и голова несчастного. Именно он двадцать два раза за двадцать семь лет произнес фразу: «Хотите что-нибудь сказать напоследок?» Затем, согласно инструкции, Филлип Найфех отдавал охране команду закрыть герметическую дверь. По его кивку оператор нажимал на красную кнопку, и в камеру устремлялся газ. У него на глазах менялись лица первых двух из казненных. Позже Филлип решил наблюдать за лицами свидетелей, что стояли перед стеклянной стеной в соседней комнате. Свидетелей он отбирал лично. Пункт за пунктом он выполнял официальное руководство по умерщвлению приговоренных: констатировал и объявлял смерть, выносил тело, опрыскивал его специальным аэрозолем, чтобы удалить из одежды остатки газа, и так далее.

Выступая как-то раз в Джексоне перед законодательной комиссией штата, Филлип поделился с аудиторией своими взглядами на смертную казнь. «Предлагаю идею получше, – вызывал он к глухим. – Почему бы не оставить убийц в одиночном заключении навеки, под усиленной охраной, исключив возможность побега или пересмотра приговора? Ведь в конце концов они все равно умрут – но не от руки государства!»

Слова эти, вынесенные в кричащие газетные заголовки, едва не стоили Филлипу работы.

Девятнадцать месяцев и четыре дня, думал он, ероша пальцами жесткую щетку седых волос и вчитываясь в постановление окружного суда. Сидевший напротив него у стола Лукас Манн терпеливо ждал.

– Четыре недели, – произнес Найфех и отодвинул документ в сторону. – У него еще осталась возможность подать апелляцию?

– Единственная и последняя, – ответил Манн.

– Когда пришла эта бумага?

– Сегодня утром. Сэм направит жалобу в Верховный суд, где ее скорее всего оставят без внимания. Возня продлится около недели.

– Что скажете, советник?

– Каждый из аргументов в пользу осужденного давно известен. Шансы, что казнь состоится через четыре недели, – пятьдесят на пятьдесят.

– Это много.

– Сдается, новой отсрочки уже не будет.

В нескончаемой круговерти рулетки, где ставкой является жизнь или смерть, пятидесятипроцентный шанс почти равнозначен абсолютному. Процесс вступит в очередную фазу, начнется проработка рутинных деталей. После долгих девяти с половиной лет четыре недели пролетят в мгновение ока.

– Ты уже говорил с Сэмом? – спросил Найфех.

– Очень кратко. Рано утром принес ему копию постановления.

– Вчера звонил Гудмэн, сказал, что направил сюда своего молодого сотрудника. Он еще не объявился?

– Я говорил с Гарнером и успел пообщаться с посланцем, Адамом Холлом. В данную минуту он беседует с Сэмом. Интересная должна быть беседа. Сэм – его дед.

– Его кто?

– Ты слышал. Сэм Кэйхолл – дед Адама Холла по отцовской линии. Вчера мои люди покопались в биографии внука и обнаружили пару неясных моментов. Я связался с отделением ФБР в Джексоне. Через два часа по факсу прислали самую подробную информацию. Сегодня утром у меня в кабинете он все признал. Не похоже, чтобы парень рассчитывал скрыть это.

– Но он носит другое имя.

– Долгая история. В последний раз дед и внук виделись, когда Адам был еще несмышленным ребенком. После ареста Сэма отец мальчишки перебрался на Запад. Менял имена, частенько оставался без работы, словом, вел жизнь настоящего неудачника. Покончил с собой в восемьдесят первом. Адам же с успехом окончил колледж, поступил в юридическую школу Мичигана, одну из лучших в стране, возглавил профессиональный журнал. Год назад он пришел на работу в «Крейвиц энд Бэйн», а сегодня утром оказался здесь, у нас.

Найфех покачал головой:

– Есть от чего прийти в восторг. Мало нас склоняет пресса? Мало дураков-репортеров, задающих дурацкие вопросы?

– Беседа-то все равно идет. Думаю, Сэм согласится, чтобы внук представлял его интересы. По крайней мере очень на это надеюсь. Мы пока ни разу не отправили на смерть заключенного, у которого бы не было адвоката.

– Следовало бы хоть однажды послать на смерть адвоката, без всяких заключенных, – с натянутой улыбкой проговорил Найфех.

Непримиримая вражда, которую он питал к юристам, давно стала притчей во языцех, поэтому Лукас не обиделся. Он все прекрасно понимал. По его подсчетам выходило, что Филлип Найфех предстал перед судом в качестве ответчика чаще, чем любой другой житель в истории штата. Право ненавидеть юристов Найфех заслужил.

– Через девятнадцать месяцев удалюсь на покой. – Фразу эту Лукас слышал уже неоднократно. – Кто у нас идет за Сэмом?

Манн задумался, перебирая в памяти приговоры своих сорока семи подопечных.

– В общем-то некому. Четыре месяца назад первым кандидатом был Любитель пиццы, но он получил отсрочку. В его распоряжении около года, однако я предвижу новые осложнения. Нет, пару ближайших лет гостя с косой к нам не заглянет.

– Любитель пиццы? Ты о ком?

– Забыл? Малькольм Фрайар. В течение недели зарезал трех доставщиков пиццы. На суде утверждал, будто к убийству его подтолкнул голод.

Филлип замахал руками:

– О'кей! Помню, помню. Так следующий – он?

– По-видимому. Точнее сказать трудно.

– Знаю.

Найфех поднялся из кресла и прошел к окну. Его черные форменные полуботинки остались под столом. Стоя на ковре в одних носках, он сунул руки в карманы, отвел назад плечи, потянулся. Последний приведенный в исполнение приговор вынудил Филлипа неделю провести в госпитале. «Легкая сердечная аритмия», – успокаивая, объяснил врач. Провалившись на неудобной больничной кровати семь дней, он дал слово жене, что новой казни дожидаться не будет. Если Господь не приберет Сэма к себе, слово удастся сдержать. А там и до пенсии останется совсем уж немного.

Филлип повернулся и посмотрел в глаза другу:

– С меня довольно, Лукас. Уступаю место другому. Своему подчиненному, молодому, заслуживающему полного доверия человеку, которому не терпится пролить кровь.

– Только не Надженту.

– Только ему. Полковнику в отставке Джорджу Надженту, моему ассистенту.

– Этому зануде?

– Да, зануде, но на него можно положиться. Он отличный организатор, ярый приверженец дисциплины. Я оставлю необходимые инструкции, и он играючи отправит Сэма Кэйхолла в лучший из миров. Это идеальная кандидатура.

Джордж Наджент являлся заместителем инспектора Найфеха. Славу ему снискали порядки, установленные в лагере для тех, кто впервые преступил черту закона. В течение шести мучительно долгих недель Наджент яростно топал тяжелыми армейскими ботинками, сыпал проклятиями и обещал каждому недовольному превратить его в «петуха». Выходившие из лагеря на свободу в Парчман уже не возвращались.

– У Наджента не в порядке с головой, Филлип. Он наверняка кого-нибудь угробит, это только вопрос времени.

– Вот-вот, наконец-то ты понял. Пусть выпустит пар, угробит Сэма – по правилам, как положено. Соблюдение правил доводит его до оргазма. Казнь Кэйхолла станет эталоном, Лукас!

Но слова инспектора не вызвали у Лукаса энтузиазма.

– Ты – босс, тебе виднее, – пожав плечами, буркнул Манн.

– Благодарю. Тебе нужно лишь время от времени присматривать за ним. С одной стороны будешь ты, с другой – я. Успех обеспечен.

– Дай Бог.

– Даст. Я устал, дружище. Ничего не поделаешь, годы. Прихватив со стола папку, Лукас направился к двери.

– Жди звонка. Позвоню сразу, как только адвокат уедет. После беседы с Сэмом он должен зайти ко мне.

– С удовольствием взглянул бы на него.

– Хороший парень.

– Зато семейка у него еще та.

Хороший парень и его приговоренный к смерти дед в полном молчании провели четверть часа. В комнате слышалось лишь назойливое потрескивание кондиционера. Не выдержав, Адам подошел к стене, прикоснулся ладонью к расположенной чуть выше головы решетке вентиляции. Влажная кожа ощутила струйку прохладного воздуха.

Внезапно дверь распахнулась, в проеме возникла голова Пакера.

– Как дела? – Взгляд охранника скользнул по Адаму и устремился на окошко, за которым, по-прежнему прикрывая лицо рукой, сидел Кэйхолл.

– Все в норме, – не очень уверенно ответил Адам.

– Тем лучше.

Глухо громыхнул замок, и вновь воцарилась тишина. Адам неторопливо вернулся на свое место, упер локти в стол, чуть подался грудью к окошку. Минуту-другую Сэм сидел неподвижно, затем вытер рукавом куртки глаза и расправил плечи.

– Нам необходимо поговорить, – негромко сказал Адам. Сэм кивнул. Вытерев глаза еще раз, достал из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой. Руки его сотрясала мелкая дрожь. Одна за другой последовали три быстрых затяжки.

– Получается, ты – Алан, – севшим голосом проговорил он.

– Был им. До смерти отца я ни о чем не знал.

– Ты появился на свет в шестьдесят четвертом.

– Да.

– Первым из моих внуков. Адам согласно наклонил голову.

– А в шестьдесят седьмом ты исчез.

– Примерно тогда. Не помню. В памяти осталась только Калифорния.

– Я слышал, что Эдди уехал в Калифорнию и там у него родился второй ребенок. Потом кто-то назвал имя девочки – Кармен. Несколько лет до меня доходили слухи о ваших разъездах по южной Калифорнии, но Эдди всегда умело заметал следы.

– Пока я был ребенком, мы часто переезжали с места на место. По-видимому, отцу не везло с работой.

– А обо мне ты ничего не знал?

– Ничего. О родственниках в доме не говорили. Правду я узнал только после похорон.

– От кого?

– От Ли.

Сэм смежил веки, глубоко затянулся.

– Как она?

– Нормально, насколько мне известно.

– Почему ты решил работать на «Крейвиц энд Бэйн»?

– Это хорошая фирма.

– Ты знал, что они уже когда-то меня защищали?

– Да.

– Выходит, все спланировал заранее?

– Около пяти лет назад.

– Но для чего?

– Не знаю.

– Должна же быть хоть какая-то причина.

– Она очевидна. Вы – мой дед. Нравится это кому-то или нет, но вы тот, кто вы есть, как, собственно говоря, и я. Сейчас я здесь. Что мы намерены делать?

– Тебе лучше уехать.

– Я никуда не уеду, Сэм. Я готовился к этому почти всю сознательную жизнь.

– Готовился к чему?

– Юридически представлять ваши интересы. Вам нужна помощь. Поэтому я здесь.

– Мне уже не помочь. Они твердо решили накачать меня газом. Ты не должен вступать в давнишний спор.

– Почему?

– Во-первых, потому, что это не имеет смысла. Надорвешься – и без малейшего намека на успех. Во-вторых, выплывет твоя родословная, а она далеко не блестящая. По всем параметрам куда разумнее остаться Адамом Холлом.

– Я – Адам Холл, и вовсе не собираюсь менять имя. Я – ваш внук, этого тоже не изменишь. В чем вы видите проблему?

– Может пострадать твоя семья. Эдди обеспечил сыну надежное прикрытие. Не разрушай его.

– Оно уже рухнуло. В фирме обо всем знают. Я рассказал Лукасу Манну и...

– Этот тип выболтает любой секрет. Не вздумай еще раз довериться ему.

– Сэм, боюсь, вы меня не поняли. Мне нет дела до его болтовни. Мне плевать, если весь мир узнает, что я – ваш внук. Я по горло сыт маленькими семейными тайнами. Слава Богу, я уже не ребенок и сам могу принимать решения. Кстати, юристов принято считать существами весьма толстокожими. Я сумею постоять за себя.

Сэм несколько расслабился, уголки его рта дрогнули в мягкой улыбке. Так умудренный жизнью мужчина улыбается ребенку, который хочет, чтобы его принимали за взрослого. Кэй-холл покачал головой.

– Ты сам ничего не понял, – ровным тоном сказал он.

– Так объясните.

– На это уйдет вечность.

– В нашем распоряжении четыре недели. За такое время можно поговорить очень о многом.

– Что конкретно ты хочешь услышать?

Склонившись к окошку, Адам подвинул к себе блокнот.

– Для начала расскажите о деле: апелляции, стратегия защиты, судебные процессы, взрыв, ваш сообщник.

– Никакого сообщника не было.

– Хорошо, об этом позднее.

– Сейчас. Я действовал один, ясно?

– О'кей. Во-вторых, мне нужно знать все о моей семье.

– Зачем?

– А почему нет? Почему это должно оставаться тайной? Я хочу знать о вашем отце, об отце вашего отца, о ваших братьях и сестрах. Может быть, эти люди мне не понравятся, но я имею право знать правду. Ее скрывали от меня всю жизнь, но сейчас пора называть вещи своими именами.

– В моем прошлом нет ничего примечательного.

– Вот как? Однако, Сэм, примечательно уже то, что вы оказались на Скамье. С чего вдруг такая честь? Белый человек, представитель среднего класса, почти семидесяти лет от роду – и здесь. Разве это не примечательно? Я хочу знать, почему вы оказались в Парчмане. Кто вас сюда определил? Кто еще из моей семьи входил в Клан? Сколько всего насчитывается жертв?

– Думаешь, я раскрою тебе душу?

– Думаю, раскроете. Я – ваш внук, Сэм, единственный человек, кому есть до вас хоть какое-то дело. Вы заговорите.

– Уж если мне предстоит стать таким разговорчивым, о чем еще пойдет речь?

– Об Эдди.

Сэм сделал глубокий вдох и прикрыл глаза.

– Не слишком ли многого ты хочешь?

Адам черкнул что-то в блокноте. Его собеседник неторопливо достал из пачки сигарету, со вкусом закурил. Плававшее под потолком сизое облако начало густеть. Руки старика обрели прежнюю твердость.

– А потом? Что ты намерен обсуждать после Эдди?
– Не знаю. На четыре недели вполне хватит и перечисленного.
– Когда же мы поговорим о тебе?
– В любое время. – Достав из кейса тонкую папку, Адам просунул сквозь квадратик решетки свернутый трубкой лист бумаги и ручку. – Вот соглашение о найме адвоката. Поставьте внизу подпись.

Не прикасаясь к бумаге, Сэм пробежал глазами текст.

– Опять «Крейвиц энд Бэйн»?

– Нечто вроде.

– Как понять – нечто вроде? Здесь четко указано, что я позволяю этим евреям представлять мои интересы. Черт возьми, у меня ушла куча времени, чтобы избавиться от них. Я им даже не платил.

– Выполнять соглашение буду я, Сэм. Их вы увидите, если только захотите.

– Не захочу.

– Тем лучше. Я числюсь в фирме, поэтому документ вы подписываете с ней. Все очень просто.

– Оптимизм юности. Все очень просто! Я сижу в тридцати метрах от газетки, часы тикают, отсчитывая последние минуты, и все очень просто.

– Подпишите бумагу, Сэм.

– И что дальше?

– И мы приступим к работе. Официально я могу действовать лишь после того, как будет оформлено соглашение. Подписываете его, и мы начинаем.

– С чего?

– Вы подробнейшим образом расскажете о взрыве офиса Крамера.

– Я делал это тысячу раз.

– Придется повторить. В моей записной книжке сотни вопросов.

– Все их уже задавали.

– Да, но не слышали ответов. Так?

Сэм сжал зубами фильтр.

– А потом, задавал их не я. Так?

– По-твоему, я лгал?

– Не лгали?

– Нет.

– Но и сказали далеко не все. Так?

– Да какое это имеет значение? Ты же читал отчеты.

– Я выучил их наизусть, но вопросы остались.

– Типичный юрист.

– Если появятся новые факты, то появятся и способы представить их. Все, что нам нужно, Сэм, это дать судье повод задуматься – раз, другой, третий. Ему потребуется разобраться, и отсрочка гарантирована.

– Правила игры мне известны, сынок.

– Адам, только Адам.

– Тогда обращай ко мне на ты и зови меня дедом. Думаю, ты намерен подать апелляцию губернатору.

– Да.

Сэм придвинулся к окошку, выставил вперед правую руку с торчащим указательным пальцем. Лицо его стало каменным, глаза сузились.

– Слушай меня, Адам, слушай. – Указательный палец грозно покачнулся. – Если я подпишу твой листок, ты не скажешь этому выродку ни слова. Ни слова. Понял?

Адам молчал.

– Сукин сын! Подлое, продажное ничтожество с очаровательной улыбкой на устах. Это он усадил меня на Скамью. Свяжешься с ним – не быть тебе моим адвокатом.

– Значит, я все-таки твой адвокат? Рука опустилась, Сэм перевел дух.

– О, я могу дать тебе возможность попрактиковаться. Знаешь, Адам, занятия юриспруденцией – гиблое дело. Корми я, добропорядочный гражданин, жену и детей, плати налоги, уважай закон, ни один юрист даже не посмотрит в мою сторону. Почему же тогда к грязному убийце, у которого ни гроша за душой, со всей страны слетаются увешанные громкими титулами известные адвокаты, многие даже на собственных самолетах? В состоянии ты это объяснить?

– Нет. Они меня не интересуют.

– Поганую профессию ты выбрал.

– Большинство юристов – честные люди.

– Еще бы. А большинству моих соседей стать проповедниками помешало только заведомо несправедливое обвинение.

– Губернатор может оказаться нашим последним шансом.

– Он сгорает от желания посмотреть, как я буду умирать. А потом этот надутый индюк соберет пресс-конференцию и подробенько опишет детали происходившего. Мразь, он и взлетел-то на такую высоту благодаря именно мне. Держись от него подальше, Адам.

– Мы обсудим это позже.

– Мы уже обсуждаем это. Дай слово, иначе я ничего не подпишу.

– Другие условия будут?

– Будут. Хочу внести кое-какие дополнения. Мне нужно, чтобы твоя фирма не вздумала брыкаться, если я вдруг решу послать тебя ко всем чертям.

– Позволь-ка, мне взглянуть на текст.

Взяв у Сэма лист с соглашением, Адам аккуратно вписал в него еще один абзац, вернул бумагу Кэйхоллу. Тот медленно прочитал пять новых строк и положил лист на стол.

– А подпись?

– Я еще размышляю.

– Могу я задать несколько вопросов, пока ты размышляешь?

– Валяй.

– Где ты овладел искусством обращения со взрывчаткой?

– В воскресной школе.

– До случая с Крамером прозвучало по крайней мере пять взрывов. Каждый раз схема оставалась одна и та же: динамит, детонаторы, бикфордов шнур. Но в Гринвилле применили часовой механизм. Кто научил тебя делать бомбы?

– Ты когда-нибудь запускал фейерверки?

– Конечно.

– Тот же принцип: поджигаешь шнур и бежишь со всех ног.

– С часовым механизмом дело обстоит чуть сложнее. Кто тебя научил?

– Мапочка. Когда ты намерен прийти сюда в следующий раз?

– Завтра.

– Хорошо. Мне нужно все обдумать. На сегодня разговор окончен, хватит идиотских вопросов. Прочту документ, кое-что подправлю, а завтра продолжим.

– Это пустая трата времени.

– Я потратил впустую почти десять лет. Днем больше, днем меньше – какая разница?

– Если не подпишешь, меня могут не пропустить к тебе. Сегодня они просто закрыли глаза.

– Отличные они все-таки парни, а? Скажешь, я нанял тебя еще на одни сутки. Пропустят.

- Предстоит куча работы, Сэм. Не стоит тянуть.
- Мне нужно подумать. Девять с половиной лет в одиночке превращают человека в аналитика. Но не в спринтера, малыш. Для того чтобы расставить все по своим местам, требуется время. Дай собраться с мыслями, как ни крути, ты застал меня врасплох.
- О'кей.
- К завтрашнему дню я войду в норму. Тогда и поговорим, обещаю.
- Не сомневаюсь. – Адам сунул папку в кейс, откинулся на спинку стула. – Я пробуду в Мемфисе около двух месяцев.
- В Мемфисе? Разве ты живешь не в Чикаго?
- У нас здесь небольшой филиал. Телефон указан на визитной карточке. Понадоблюсь – звони.
- Что ты будешь делать, когда все закончится?
- Не знаю. Наверное, вернусь в Чикаго.
- Ты женат?
- Нет.
- А Кармен замужем?
- Нет.
- Как она выглядит?
- Симпатичная, очень умная девушка. Похожа на мать.
- Эвелин была настоящей красавицей.
- Она и сейчас красива.
- Я всегда считал, что Эдди с ней повезло. Но семья ее мне не нравилась.
- «А она не приходила в восторг от семьи Эдди», – подумал Адам. Подбородок Сэма почти уперся в грудь, Кэйхолл кулаками потер глаза.
- Похоже, тебе придется попотеть, – сказал он, не поднимая головы.
- Да.
- Некоторые твои вопросы останутся без ответа.
- Ты расскажешь мне все, Сэм. Ты передо мной в долгу, да и перед собой тоже.
- Узнать все тебе и самому не захочется.
- Испытай меня. Я устал от секретов.
- Зачем тебе это?
- Чтобы найти в своем прошлом хоть какой-то смысл.
- Пустая трата времени.
- Решать это буду я.
- Поднявшись, Сэм с шумом выдохнул:
- Я, пожалуй, пойду. Глаза их встретились.
- Конечно, – сказал Адам. – Принести тебе завтра что-нибудь?
- Нет. Приходи сам.
- Обязательно.

Глава 11

Пакер повернул в замочной скважине ключ, и из узкой полоски тени они ступили под палящие лучи солнца. Прикрыв глаза, Адам на секунду остановился, похлопал себя по карманам в поисках темных очков. Страж терпеливо ждал, на переносице его поблескивала дешевая имитация «рэйбана»⁸. Духота стояла такая, что густой, плотный воздух, казалось, можно было видеть. Лицо и руки Адама мгновенно стали мокрыми. Очки оказались в кейсе. Надев их, следом за Пакером он двинулся по кирпичной дорожке.

– Как Сэм? – поинтересовался чернокожий гигант, неторопливо переставляя ноги. – В порядке?

– Вроде да.

– Проголодались?

– Нет.

Адам бросил взгляд на часы: начало второго. Уж не думает ли Пакер угостить его тюремной пайкой? Лучше не рисковать.

– Зря. Сегодня среда, а по средам у нас дают тушеную репу с маисовыми лепешками. Обьедение!

– Благодарю.

Адам был уверен, что где-то в его генах таится безумная любовь к тушеной репе и маисовым лепешкам. От сегодняшнего меню ему следовало исходить слюной. Но Холл считал себя истинным калифорнийцем и даже представить себе не мог, как эта тушеная репа выглядит.

– В другой раз, – добавил он. Не верилось: ему предложили отобедать на Скамье!

У ворот Пакер остановился, сунул руки в карманы.

– Когда теперь? – спросил он.

– Завтра.

– Так быстро?

– Да. У меня тут дела.

– Что ж, рад знакомству. – Пакер широко улыбнулся.

Проходя через вторые ворота, Адам увидел опускавшееся на веревке красное ведро. В полутора метрах от земли ведро повисло, и среди десятка связок ключей он нашел свои.

Возле «сааба» стоял белый микроавтобус. Стекло в дверце водителя поползло вниз, из кабины показалась голова Лукаса Манна.

– Спешите?

Адам еще раз посмотрел на часы.

– В общем-то нет.

– Отлично. Забирайтесь внутрь. Нужно поговорить. Заодно покажу вам наше хозяйство.

«Хозяйство» Адама нисколько не интересовало, но беседы с Манном все равно было не избежать. Он раскрыл дверцу салона, бросил на заднее сиденье кейс и пиджак. Внутри, слава Богу, работал кондиционер. Накрахмаленный и выглаженный Лукас выглядел по-прежнему безукоризненно. Тронувшись с места, он направил машину в сторону автостреды.

– Как прошла встреча?

Кажется, Сэм говорил, что ему нельзя доверять?

– Насколько я могу судить, нормально. – Фраза ни к чему не обязывала.

– Значит, вы будете представлять его интересы?

– Думаю, да. Сэму необходимо поразмыслить. Он хочет видеть меня завтра.

– Нет проблем, но завтра ему нужно принять решение. Нам требуется документ.

---

⁸ «Рэйбан» – известная марка солнцезащитных очков.

– Вы его получите. Куда мы едем?

Белые коттеджи остались позади, микроавтобус двигался по казавшемуся бескрайним хлопковому полю.

– В принципе, никуда. Просто провезу вас по территории.

Мы должны уточнить несколько моментов.

– Слушаю.

– Постановление суда пришло рано утром, а потом начались звонки. Репортеры уже интересуются. Почуяли запах крови, хотят узнать, есть ли у Сэма шансы. Кое с кем из этих писак я знаком, приходилось встречаться раньше. Среди них есть парочка приличных людей, зато остальные – настоящие шакалы. Их волнует вопрос с адвокатом: появился он у Сэма или нет? Не намерен ли старик защищаться сам?

По правую руку от дороги в поле работала группа заключенных, их обнаженные по пояс тела блестели от пота. Метрах в тридцати, сидя верхом на лошади, за ними присматривал вооруженный охранник.

– Чем они заняты? – спросил Адам.

– Собирают хлопок.

– Это входит в распорядок дня?

– Нет. Все – добровольцы. Кто не хочет – сидит в камере.

– Они в белых штанах. Сэм одет в красное. На других я видел синие комбинезоны.

– Наша система классификации. Белый цвет означает минимально строгий режим.

– За что они здесь?

– За все. Наркоторговцы, убийцы, рецидивисты. Тем, к кому нет претензий по поведению, позволяют работать в поле.

Микроавтобус свернул, вновь появилась ограда из колючей проволоки. За ней слева возникли двухэтажные кирпичные бараки. Если бы не проволока и вышки охраны, их можно было бы принять за неумело спроектированные спальные корпуса университетского городка.

– Что это такое?

– Тридцатый блок.

– Сколько их всего?

– Даже не знаю. Что-то строят, что-то сносят. Думаю, около тридцати.

– Этот выглядят совсем новеньким.

– Да. Последние двадцать лет не дают покоя вашингтонские чиновники, приходится выполнять их требования. Ни для кого не секрет, что истинные хозяева Парчмана – федеральные власти.

– А не согласятся ли репортеры подождать хотя бы до завтра? Сначала я должен переговорить с Сэмом. Какой смысл отвечать на вопросы, если завтра все изменится?

– Один день я вам выторгую. На большее не рассчитывайте.

Они миновали последнюю вышку. Мили через две потянулась ограда нового лагеря.

– Сегодня утром я беседовал со зрителем, – сказал Лукас. – Хочет вас видеть. Он вам понравится. Убежденный противник смертной казни. Ему осталось меньше двух лет до пенсии, надеялся уйти спокойно, но теперь, похоже, это у него не выйдет.

– Догадываюсь, он просто делает свое дело.

– Как и все мы.

– Вот-вот. Такое впечатление, что здесь каждый готов слезы лить о бедняжке Сэме. Никто не хочет его убивать, люди всего лишь выполняют свой долг.

– Очень многие желают ему смерти.

– Кто, например?

– Губернатор и генеральный прокурор. О губернаторе, уверен, вы уже наслышаны, но главный ваш враг – это прокурор. Он и сам метит в губернаторское кресло. Получилось так,

что политиками в штате стали молодые агрессивные волки, которым не терпится порвать чью-нибудь глотку.

– Зовут его, если я не ошибаюсь, Роксбург?

– Да. Обожает телекамеры. Ближе к вечеру собирался устроить пресс-конференцию. Наверняка захочет отпраздновать победу, пообещает приложить все усилия, чтобы через четыре недели приговор был приведен в исполнение. Это же его люди запускают адский механизм. Удивлюсь, если в новостях не выступит и губернатор. Имейте в виду, Адам, они нажмут на все педали, лишь бы не допустить новой отсрочки. Политикам Сэм нужен мертвым.

Адам смотрел в окошко. На бетонных плитах баскетбольной площадки десятка два чернокожих азартно боролись за мяч. Чуть в стороне кто-то работал со штангой. Среди немногочисленных зрителей мелькнуло несколько белых лиц.

На пересечении двух дорог Лукас свернул.

– Существует и другая причина, – продолжал он. – Луизиана казнит своих сидельцев налево и направо. В Техасе с начала года привели в исполнение шесть приговоров, во Флориде – пять. У нас же за двадцать четыре месяца – ни одного. Кое-кто усматривает в этом слабость властей. Правительство штата намерено доказать, что бдительно стоит на страже общественных интересов. Неделю назад вопрос обсуждала комиссия по законодательству. Было подчеркнуто: никаких задержек или послаблений. Ответственность за отсрочки члены комиссии возложили на федеральных судей. Наши политики требуют крови, и Сэм подвернулся им очень кстати.

– Кто же следующий?

– Честно говоря, никого. И раньше чем еще через два года не предвидится. Но грифы уже почуяли мертвечину.

– Для чего вы все это говорите?

– Поймите, я – на вашей стороне. Я представляю тюрьму, не штат Миссисипи. Вы у нас впервые, и я хочу, чтобы вы знали положение дел.

– Спасибо.

Информация, хотя Адам ее и не просил, была, безусловно, полезной.

– Сделаю все, что будет в моих силах, – отозвался Лукас.

На горизонте появились крыши коттеджей.

– Это главный въезд?

– Да.

– Что ж, мне пора в город.

Мемфисский филиал занимал два этажа в «Бринкли-Плаза», здании, построенном в начале 20-х на углу Мейни Монро-стрит. Мейн-стрит считалась в Мемфисе крупнейшим торговым кварталом: отцы города запретили на улице движение автомобильного транспорта, заменили асфальт плиткой, высадили декоративные деревца и разбили фонтаны. Район стал безраздельным царством пешеходов.

Над зданием хорошо потрудились реставраторы. Вестибюль «Бринкли-Плаза» сверкал благородной бронзой и розовым мрамором. Стены кабинетов отделения фирмы «Крейвиц энд Бэйн» были обшиты дубовыми панелями, полы устланы мягкими персидскими коврами.

Хорошенькая молодая секретарша провела Адама в угловой офис Бейкера Кули, управляющего филиалом. Пожав друг другу руки, мужчины восхищенными взглядами проводили направившуюся к двери изящную фигурку.

– Добро пожаловать на Юг, – сказал Кули, опускаясь в глубокое кожаное кресло.

– Благодарю. Насколько я понимаю, с Гарнером Гудмэном вы уже говорили?

– Вчера, и дважды. Он объяснил мне ситуацию. В конце коридора находится небольшая комната для совещаний, с компьютером и телефоном. Она в вашем распоряжении.

Адам кивнул и осмотрелся.

– Какого рода дела вы здесь ведете? – спросил он.

– Судебных разбирательств почти нет, а в уголовных процессах мы не участвуем, – быстро ответил Кули, как бы давая понять, что преступникам вход в эти роскошные чертоги заказан. Адаму вспомнились слова Гудмэна: «Контора похожа на дорогой бутик». – В основном коллеги обслуживают интересы крупных корпораций. Среди наших клиентов несколько солидных банков, а еще мы поддерживаем тесный контакт со структурами местного управления.

От такого масштаба дух захватывает, подумал Адам.

– История фирмы насчитывает сто сорок лет, мы – самая старая в Мемфисе юридическая контора. Создана она в начале Гражданской войны. Были взлеты, были падения, а кончилось все тем, что руководство решило объединиться с парнями из Чикаго.

В словах Кули звучало нечто похожее на гордость, как если бы впечатляющая родословная имела какое-то отношение к юриспруденции последнего десятилетия двадцатого века.

– Сколько у вас юристов? – Адам изо всех сил пытался поддержать абсолютно пустой разговор.

– Дюжина. Одиннадцать младших сотрудников, девять клерков, семнадцать секретарш. Десять человек вспомогательного персонала. Для наших краев весьма приличный штат. С Чикаго, конечно, его не сравнишь.

«Тут ты прав, старина», – мелькнуло в мозгу Адама.

– Давно мечтал побывать у вас в гостях. Надеюсь, я не помешаю?

– Никоим образом. Боюсь только, что серьезной помощи мы вам не окажем. Специфика клиентуры, горы бумаг... Последний раз я был в зале суда лет двадцать назад.

– Не беспокойтесь. Мне обещал содействие Гудмэн.

Поднявшись из кресла, Кули потер руки: похоже было, он просто не знал, куда их спрятать.

– Ну что ж, вашей секретаршей будет Дарлен. Она даст вам ключи, укажет место на стоянке, объяснит систему телефонных номеров, сообщит коды допуска к копировальной технике. Оборудование у нас самое современное. Если вам потребуется ассистент, подойдите ко мне. Мы кого-нибудь обязательно найдем и...

– Спасибо, думаю, что обойдусь.

– Тогда предлагаю взглянуть на ваш кабинет.

Следом за Кули Адам вышел в пустынный коридор. Воспоминание о чикагском офисе заставило его улыбнуться: там в коридорах вечно толкались сотрудники, тихо шелестели ксероксы, слышался перезвон телефонов. Десять часов в день контора напоминала сумасшедший дом, покой и уединение царили лишь в библиотеке да кабинетах, которые занимали партнеры. Здесь же торжественность обстановки наводила на мысли о кладбище.

Распахнув в конце коридора дверь, Кули нащупал кнопку выключателя.

– Что скажете? – Правой рукой он сделал широкий жест.

Длинная комната с роскошным полированным столом и расставленными вокруг него стульями показалась Адаму огромной. В углу было оборудовано рабочее место: компьютер, телефон, небольшой стеллаж, вращающееся кресло. Адам подошел к стеллажу: новенькие, ни разу, по-видимому, еще не раскрытые юридические справочники, несколько подшивков. Он шагнул к окну, раздвинул полоски жалюзи:

– Неплохой вид. – Тремя этажами ниже в толпе пешеходов на Мейн-стрит деловито расхаживали голуби.

– Надеюсь, вас устраивает?

– Более чем. Тут я никого не потревожу.

– Ради Бога, не стесняйтесь. Если что-нибудь понадобится, скажите секретарше или наберите мой номер. – Кули медленно двинулся к Адаму, лицо его посерьезнело. – Да, есть один момент...

– Я весь внимание.

– Пару часов назад сюда звонил местный репортер. Сам я с ним не знаком, но он, по его же словам, следит за делом Кэйхолла в течение уже ряда лет. Хотел узнать, не занялись ли этим делом и мы. Я предложил ему связаться с Чикаго. Наш филиал не имеет к Кэйхоллу никакого отношения. – Он протянул Адаму листок бумаги с именем и номером телефона.

– Хорошо, я с ним встречаюсь. Кули сложил на груди руки.

– Послушайте, Адам, наши юристы даже дороги в суд не знают. Мы обслуживаем корпоративных клиентов и получаем за это хорошие деньги. Рекламная шумиха нам ни к чему.

Адам молча кивнул.

– Мы никогда не брали в производство уголовных дел, тем более такого масштаба.

– Опасаетесь, грязь пристанет?

– Этого я не говорил. Но здесь все по-другому. Здесь не Чикаго. Среди наших лучших клиентов – банки с прочной репутацией. Мы очень заботимся о своем имидже и не хотим терять клиентуру. Понимаете, о чем я?

– Нет.

– Бросьте, вам все понятно. Мы отказываемся защищать преступников и чрезвычайно дорожим сложившимся о нас общественным мнением.

– Отказываетесь защищать преступников?

– Категорически.

– Но представляете интересы крупных банков?

– Не стоит, Адам. Вам ясно, к чему я клоню. Сфера нашей деятельности весьма переменчива. Компании сливаются, распадаются, терпят банкротство, так что динамики хватает. Юридические фирмы ведут ожесточенную конкурентную борьбу. Черт побери, всем нужны банки!

– И вы боитесь, что мой клиент бросит тень на ваших.

– Адам, вы из Чикаго. Пусть каждый займется своим. Дело Кэйхолла – за Чикаго, Мемфису о нем ничего не известно, о'кей?

– Ваша контора является частью «Крейвиц энд Бэйн».

– Да, однако мы несколько не выиграем, если наше имя окажется связанным с именем такого подонка, как Сэм Кэйхолл.

– Сэм Кэйхолл – мой дед.

– Ч-ч-черт! – Руки Кули упали вдоль бедер. – Вы лжете! Адам сделал шаг вперед.

– Я говорю правду. Если она вас не устраивает, звоните в Чикаго.

– Это ужасно! – Повернувшись, Кули направился к двери.

– Звоните!

– Очень может быть, – пробормотал управляющий и прикрыл за собой дверь.

Добро пожаловать на Юг, подумал Адам, опускаясь в кресло и глядя на пустой экран монитора. Желудок свело острым спазмом: сегодня он еще так и не ел. Было уже почти четыре часа дня. На него навалилась усталость.

Положив ноги на телефонный столик, Адам прикрыл глаза. День казался бесконечным: дорога в Парчман, процедура у ворот, непредвиденное знакомство с Лукасом Манном, Скамья и ощущение страха от предстоящей встречи с клиентом. А впереди еще одна беседа, звонок репортеру. Плюс ко всему для Мемфиса он стал персоной нон грата. Немало для восьми-то часов!

Что же ждет его завтра?

Они сидели на мягкой кушетке, попеременно запуская руку в глубокое блюдо с поп-корном. Босые ноги обоих покоились на кофейном столике, рядом с двумя бутылками вина. На полу валялось полдюжины пустых картонок из китайского рестораника. Лениво пошевеливая пальцами, оба смотрели в телевизионный экран, призрачным светом заливавший темную комнату. Правая рука Адама сжимала плоскую панельку управления.

Ли была неподвижна. В глазах ее стояли слезы, но женщина молчала. Видеозапись пошла по второму кругу.

Когда со сведенными за спиной руками на экране возник Сэм, Адам нажал кнопку «пауза».

– Где ты находилась в момент его ареста? – не глядя в сторону тети, спросил он.

– Здесь, в Мемфисе, – негромко, но твердо ответила та. – Я уже несколько лет жила с мужем, сидела дома. Фелпс позвонил и сказал, что в Гринвилле был взрыв, погибли по крайней мере два человека. Похоже, действовал Клан. Он велел мне обязательно посмотреть полуденный выпуск новостей, но я испугалась. Через пару часов раздался звонок от матери. По ее словам, отца арестовали рядом с местом взрыва и отвезли в тюрьму.

– Как ты на это реагировала?

– Не помню. Остолбенела. Чуть позже позвонил Эдди, передал, что отец приказал ему отправиться в Кливленд и отогнать машину. Эдди повторял: «Он все-таки сделал это, он сделал это!» Потом брат расплакался. Я тоже начала плакать. Меня охватил ужас.

– Но машина исчезла.

– Да. Никто ничего не узнал. Ни на одном процессе о ней не сказали ни слова. Мы боялись, полиция выяснит и привлечет Эдди как соучастника, но этого не произошло.

– А где был я?

– Дай подумать. Вы жили в маленьком домике в Клэнтоне.

Уверена, что ты был рядом с Эвелин. Тогда она не работала.

– Чем занимался мой отец?

– Трудно сказать. Одно время он торговал запасными частями на автостоянке в Клэнтоне, но уж слишком часто ему приходилось менять работу.

Сэма на телевизионном экране возили по судам. В момент, когда зазвучали слова обвинения, Адам вновь остановил запись.

– Кто-нибудь из вас навещал Сэма в тюрьме?

– Нет. Залог был слишком высоким, полмиллиона долларов, если не ошибаюсь.

– Не ошибаешься. Ровно пятьсот тысяч.

– Поначалу семья пыталась собрать эти деньги. Мать просила меня повлиять на Фелпса, чтобы тот выписал чек. Естественно, Фелпс отказался, заявил, что и слышать об этом не хочет. Мы поссорились, но винить мужа я не нашла в себе сил. Отец остался в тюрьме. Помню, один из его братьев попытался заложить участок земли, но у него ничего не вышло. Эдди идти к Сэму не хотел, а мать не могла. Да и вряд ли отец горел желанием кого-то из нас видеть.

– Когда мы уехали из Клэнтонна?

Подавшись вперед, Ли взяла со столика бокал с вином, сделала глоток, задумалась.

– К тому времени он пробыл в тюрьме около месяца. Я отправилась навестить мать, и она сообщила, что Эдди намерен убраться куда-нибудь подальше. Я не поверила. По словам матери, Эдди не мог смотреть людям в глаза. Работу он потерял и целыми днями сидел дома, даже к телефону не подходил. Я встретила с Эвелин, спросила, действительно ли они решили уехать. Она однозначно ответила: нет. Примерно через неделю позвонила мать, сказала, что вы скрылись из города. На следующий день появился ваш домовладелец, стал требовать денег. Дом, говорит, пустой, Эдди пропал.

– Жаль, но ничего этого я не помню.

– Тебе было всего три года, Адам. Последний раз я видела тебя, когда ты играл возле старого гаража, такой спокойный и аккуратный мальчик.

– Ну уж.

– Эдди объявился через несколько недель. Позвонил, попросил передать матери, что вы в Техасе.

– В Техасе?

– Да. Гораздо позже Эвелин призналась: вы медленно дрейфовали на запад. Она тогда была беременна и очень хотела побыстрее где-нибудь обосноваться. А потом, спустя годы, раздался еще один звонок от Эдди, уже из Калифорнии. Это был последний звонок.

– Годы?

– Годы. Я попробовала убедить его вернуться, но куда там.

Брат поклялся, что ноги его здесь больше не будет.

– Где в то время находились родители моей матери?

– Не знаю. Родом они не из нашего округа. Жили, по-моему, в Джорджии. Или во Флориде.

– Я ведь их ни разу не видел.

Адам шевельнул пальцем, и воспроизведение продолжилось. На экране возникло здание суда в Неттлсе, где проходил первый процесс. За полицейским кордоном бесновалась группа куклуксклановцев.

– Ужас, – прошептала Ли. Он остановил пленку.

– Ты была на суде?

– Один раз. Прокралась в зал уже ближе к концу заседания. Сэм запретил нам присутствовать. Мать плохо себя чувствовала, у нее поднялось давление. Фактически она не вставала с постели.

– Сэм знал, что ты там?

– Нет. Я сидела в последнем ряду, прикрыв лицо шарфом.

– А что делал Фелпс?

– Прятался в офисе и молил Бога, чтобы никто не пронюхал о том, какой у него тесть. Вскоре после этого суда мы с ним впервые разъехались.

– О чем ты думала, сидя в зале?

– О присяжных. Казалось, с ними Сэму повезло, все были людьми его круга. Адвокат умудрился отыскать двенадцать заблудших душ, которые пропускали мимо ушей слова прокурора и слушали только его самого.

– Кловис Брэйзелтон.

– Настоящий оратор. Меня поразило, что, когда члены жюри не сумели прийти к согласию, судья назначил второй процесс. Я была уверена, что Сэма оправдают. Думаю, его это тоже потрясло.

Изображение на экране вновь ожило: Брэйзелтон энергично общается с журналистами, опустив голову, идет к тюремному фургону Сэм. Затем действие переместилось в Уилсон.

– Сколько времени у тебя ушло на эту кассету? – спросила Ли.

– Семь лет. Идея возникла еще в Пеппердаине, на первом курсе. Застряла в мозгу как заноза.

Адам прокрутил часть пленки с кадрами, где Марвин Крамер падал из кресла, и включил воспроизведение, когда диктор объявил за кадром о начале третьего процесса.

– Восемьдесят первый год. Тринадцать лет Сэм прожил свободным человеком. Чем он занимался все эти годы?

– Фермерствовал, немножко торговал, как-то сводил концы с концами. О взрыве в Гринвилле или о Клане даже не упоминал, при мне, во всяком случае. Но внимание жителей Клэн-

тона ему льстило. Там он стал прямо-таки легендарной личностью. Здоровье у матери совсем ослабло, и он почти не выходил из дома, заботился о ней.

– Об отъезде не думал?

– Всерьез – нет. Считал, что все проблемы позади, ведь два суда закончились ничем. Тогда в Миссисипи члены Клана чувствовали себя неуязвимыми. Сэм наслаждался тихой, безмятежной жизнью. Окучивал грядки с помидорами, ловил на удочку лещей.

– А отцом моим он интересовался?

Допив вино, Ли поставила бокал. В голову тети ни разу не приходила мысль о том, что когда-нибудь ей придется вспоминать детали далекого и не очень-то радостного прошлого. Ведь она всегда пыталась забыть его!

– По возвращении домой в течение первого года Сэм временами спрашивал, не получала ли я вестей от брата. Но их не было. Мы знали, что вы где-то в Калифорнии, и надеялись, что дела у вас идут хорошо. Твой дед всегда отличался упрямством и гордостью, Адам. Он не мог позволить себе отправиться на розыски Эдди, упрашивать его вернуться. Если сын избегает отца, так пусть торчит в своей Калифорнии. – Тетка оперлась на локти. – В семьдесят третьем, когда врачи обнаружили у матери рак, я наняла частного детектива. Он полгода рыскал по Калифорнии, содрал с меня кучу денег, но Эдди так и не нашел.

– Тогда мне было девять, и жили мы в Салеме, штат Орегон.

– Да. Позже Эвелин говорила, что вы переехали в Орегон.

– Мы все время переезжали с места на место. Только когда я окончил восьмой класс, отец с матерью обосновались в Санта-Монике.

– Вы стали невидимками. Похоже, Эдди пользовался услугами хорошего адвоката. О Кэй-холлах никто и нигде не слышал. Детектив наводил множество справок, но без всякого успеха.

– Когда умерла бабушка?

– В семьдесят седьмом. Мы сидели в церкви, вот-вот должны были начаться похороны, как дверь вдруг приоткрылась и на скамью позади меня проскользнул Эдди. Не спрашивай, откуда он узнал о смерти матери. Возник, как из воздуха, в Клэнтоне и так же исчез. Не сказал Сэму ни слова. Машина его была взята напрокат, поэтому номерной знак тоже ни о чем не говорил. На следующий день я отправилась в Мемфис и нашла Эдди сидящим возле ворот моего дома. Мы проболтали часа два. Он показывал школьные фотографии, твои и Кармен. Дела в солнечной южной Калифорнии шли великолепно: у Эдди отличная работа, приятный домик в пригороде, Эвелин торгует недвижимостью. Воплощение американской мечты. Он заявил, что никогда больше не вернется в Миссисипи, даже на похороны Сэма. По величайшему секрету сообщил мне свою новую фамилию, дал телефон. Заметь, не адрес, а всего лишь телефон. Пригрозил: если я поделюсь с кем-то его тайной, он вновь исчезнет. Звонить ему можно было только в случае крайней необходимости. «Хочу посмотреть на племянников», – сказала я, и он пообещал, что когда-нибудь это устроит. Временами брат походил на старого доброго Эдди, временами казался совершенно чужим человеком. На прощание мы обнялись. Больше я его не видела.

Адам включил перемотку. В побежавших кадрах мелькнуло лицо Сэма: вместе со своим новым адвокатом он выходил из здания суда в Лейкхеде.

– А на третьем процессе ты не была?

– Нет. Отец запретил нам это. Он нажал кнопку «стоп».

– Когда Сэм понял, что покоя так и не будет?

– Трудно сказать. Как-то местная газета опубликовала заметку о новом окружном прокуроре, который намерен опять дать ход делу Крамера. Заметка была небольшой, всего пара столбцов, но меня охватил ужас. Я прочла ее раз десять, а потом час пустыми глазами смотрела в текст. После стольких лет имя Сэма Кэйхолла вновь оказалось у всех на устах. Я не могла в это поверить. Позвонила отцу. Он, конечно, газету уже видел и буркнул, что заметка яйца

выеденного не стоит. Две недели спустя появилась вторая, посolidнее, с портретом Дэвида Макаллистера в центре. Я еще раз дозвонилась до Сэма, он сказал: причин для беспокойства нет. Вот так все и началось. События нарастали как снежный ком. Идею прокурора публично одобрило семейство Крамеров, тремя днями позже подключились активисты из НАСПЦН⁹. Очень скоро стало ясно: Макаллистер пойдет до конца и нового суда не миновать. Сэм был напуган, однако держался, утверждал, что победа все равно останется за ним.

– Эдди ты не звонила?

– А как же. Незадолго до начала процесса. Разговор вышел коротким, новость, чувствовалось, ошеломила брата. Я обещала держать его в курсе. Позже, когда о деле заговорила вся страна, Эдди наверняка не отходил от телевизора.

Они молча досмотрели кадры, запечатлевшие третий, и последний, судебный процесс. Глядя на застывшую улыбку Макаллистера, Адам беззвучно выругался: уж слишком часто прокурор демонстрировал белозубую улыбку, следовало более тщательно отредактировать запись. Когда закованного в наручники Сэма вывели из зала, экран померк.

– Эту кассету кто-нибудь видел? – спросила Ли.

– Нет. Ты первая.

– Как тебе удалось собрать материал?

– Потребовались деньги, время и немного усилий.

– Адский труд!

– На первом курсе у нас был чудаковатый преподаватель политологии. Приносил с собой на занятия пачки газет и заставлял аудиторию обсуждать новости дня. Однажды «Лос-Анджелес таймс» напечатала статью о грядущем в Миссисипи суде над Сэмом Кэйхоллом. Мы заинтересовались, начали пристально следить за ходом процесса. Когда Сэма признали виновным, однокурсники, в том числе и я, единодушно одобрили решение жюри присяжных. Помню, возникла жаркая дискуссия по вопросу смертной казни. Спустя несколько недель отец покончил с собой, а ты рассказала мне правду. Я боялся, как бы о ней не узнали друзья.

– Узнали?

– Конечно, нет. Я же Кэйхолл, мастер хранить секреты.

– Долго этот секрет не продержится.

– Ты права.

Некоторое время они сидели в тишине. Выключив телевизор, Адам бросил панель управления на столик.

– Мне жаль, Ли, что история с Сэмом выплывет наружу. Я бы очень хотел избежать этого.

– Ты многого не понимаешь.

– Согласен. А ты не в состоянии объяснить, так? Пугает мысль о Фелпсе и его родственниках?

– Мне нет никакого дела до Фелпса и его родственников.

– Но от их денег ты не отказываешься.

– Эти деньги я заслужила. Я двадцать семь лет терплю своего ничтожного мужа.

– Боишься, отвернутся в сторону члены твоих клубов?

– Прекрати, Адам.

– Прости. Странный сегодня день. Я вышел из тени, Ли, вышел, чтобы посмотреть в глаза прошлому, и, наверное, упиваюсь собственным мужеством. Прости.

– Как он сейчас выглядит?

– Здорово сдал. Серо-бледный, весь в морщинах. Он слишком стар, чтобы сидеть в клетке.

---

⁹ НАСПЦН – Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, основана в 1909 г.

– Помню наш разговор накануне последнего суда. Я спросила: «Почему ты не растворился в ночи, не бежал куда-нибудь в Южную Америку?» Знаешь, что он ответил?

– Что?

– Что думал об этом. Жена умерла, сын покончил с собой. Он читал о Менгеле, Эйхмане и других нацистах, которые нашли прибежище в Южной Америке. Он даже упомянул о Сан-Паулу, где среди двадцати миллионов жителей можно было бы без труда затеряться. У Сэма имелся друг, тоже бывший куклуксклановец, специалист по подделке документов. С его помощью отец наверняка бы перебрался за границу. Он думал об этом.

– Но дальше размышления не продвинулся. Жаль, ведь в противном случае Эдди мог бы не нажимать на спусковой крючок.

– За два дня до отправки в Парчман я навестила Сэма в гринвиллской тюрьме. Это была наша последняя встреча. Я опять спросила: почему ты не бежал? Он сказал, что мысль о смертном приговоре ему и в голову не приходила. А потом добавил: значит, ошибка будет стоить ему жизни.

Адам переставил блюдо с остатками поп-корна на стол, медленно склонил голову к плечу Ли. Та осторожно погладила его по щеке.

– И зачем ты только ввязался?

– В красном спортивном костюме он выглядел таким жалким.

Глава 12

Сержант Клайд Пакер наполнил фарфоровую кружку свежесваренным кофе и начал заполнять графы рутинного формуляра. Рядом со Скамьей он провел двадцать один год, причем последние семь лет в должности старшего смены. Каждое утро Клайд появлялся в отсеке А, чтобы принять на себя вместе с двумя охранниками и двумя надзирателями ответственность за четырнадцать узников. Покончив с формуляром, он бросил взгляд на доску с сообщениями. В прижатой крошечным магнитиком записке ему предлагалось заглянуть к инспектору Найфеху. Другая извещала, что заключенный Ф. М. Демпси требует таблеток от сердца и встречи с врачом. Всем им подавай врача, подумал Клайд. Он прихватил с собой кружку дымящегося напитка и вышел в коридор: приближалось время утренней инспекции. Окинув взглядом стоявших у двери главного входа двух охранников, приказал младшему, невысокому белому парню, подстричься.

Блок особого режима считался очень неплохим местом для работы. Как правило, его обитатели вели себя спокойно и неприятностей персоналу не доставляли. Двадцать три часа в сутки заключенные не покидали своих камер, вволю спали и ели вполне приличную пищу. Каждый день по часу проводили на свежем воздухе (это называлось «сделать глоток свободы»). При желании заключенный выходил на прогулку в полном одиночестве. В камерах имелись телевизоры или радиоприемники, у многих — и то, и другое. После завтрака все четыре отсека пробуждались к жизни: в коридоре начинали звучать музыка, отрывки «мыльных опер», выпуски новостей, сидельцы негромко переговаривались через решетку. Видеть друг друга они не могли, но беседовать толстые металлические прутья нисколько не мешали. Временами кого-то не устраивали пронзительные звуки джаза, лившиеся из соседней камеры, разгоралась перепбранка, но бдительный страж пресекал ссору в зародыше. Обитатели «Блока 17» обладали не только определенными правами, были у них и некоторые привилегии. Самым большим наказанием считалось лишиться телевизора.

Скамья жила в атмосфере своеобразного братства. Сидельцы, и белые, и чернокожие, оказались на ней за жуткие, леденящие душу убийства, но детали содеянного соседом их не интересовали, как не интересовал, собственно говоря, и цвет его кожи. Среди обычного контингента существовала четкая классификация, строившаяся главным образом по расовому признаку. На Скамье же о человеке судили по тому, как он держал себя в этих весьма непростых условиях. Вне зависимости от личных симпатий или антипатий, собранные в этом крошечном мирке люди обречены были бок о бок дожидаться общей для всех участи. Основой их братства являлась смерть.

Смерть одного означала приближение смерти другого. Весть о Сэме Кэйхолле распространилась по отсекам очень быстро. К двенадцати часам предыдущего дня в коридорах стояла необычная тишина. Обитателям блока срочно потребовались адвокаты, резко возрос интерес к юридической литературе. Пакер заметил, что многие задумчиво перелистывают свои личные папки с постановлениями суда.

Отсек А насчитывал четырнадцать совершенно одинаковых камер размером два на три метра, отделенных от коридора решеткой из металлических прутьев. Вся жизнь сидельца проходила на глазах стражи.

Пакер неторопливо шел по коридору, поглядывая на видневшиеся из-под простыней головы. Свет в камерах был погашен: заключенные еще спали. Староста отсека, особо доверенный сиделец, разбудит их ровно в пять. В шесть каждому принесут завтрак: яйца (иногда с беконом), тосты, джем, кофе и стакан апельсинового сока. Еще через несколько минут сорок семь мужчин стряхнут с себя остатки сна, чтобы включиться в процесс бесконечного умира-

ния. Процесс очень медленный, долгими минутами тянувшийся от восхода до заката. И процесс почти мгновенный, как вчера, когда суд определил дату исполнения приговора.

Пакер отхлебнул из кружки, пересчитал головы и направился к замыкавшей коридор стене, возле которой стоял надзиратель. Блок жил размеренной жизнью. Порядок в нем обеспечивали множество правил, разумных и общеизвестных. Однако ритуал подготовки к казни имел свои особенности, часто нарушавшие привычный в общем-то для Скамьи покой. Клайд искренне уважал Филлипа Найфеха и все же каждый раз чертыхался, когда тот накануне Большого дня и сразу после него неумоимо переписывал и без того детально разработанные инструкции. От персонала инспектор требовал все делать «согласно конституции и с чувством». Ни одна казнь не должна походить на другую.

Процедура казни вызывала в Пакере омерзение. Человек глубоко религиозный, он не сомневался в справедливости возмездия: поскольку Бог призывал брать око за око, так тому и быть. Но уж лучше бы закон этот исполняли другие. Хорошо еще, что в Миссисипи с высшей карой не торопились и инспектор нечасто пребывал в расстроенных чувствах. За двадцать один год такое случалось пятнадцать раз, а после восьмьдесят второго – лишь четырежды.

Остановившись у стены, Клайд негромко приветствовал надзирателя. Сквозь раскрытое над их головами окно в коридор проникли первые лучи солнца. День обещал быть жарким, но куда более спокойным, чем обычно. Меньше прозвучит жалоб на еду, меньше раздастся требований вызвать врача, подопечные наверняка погрузятся в собственные мысли. Пакер улыбнулся: сегодняшний день сулил ему тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.